

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1983

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. КОНОНОВ

ЕЩЕ РАЗ О ГЕНЕЗИСЕ ТЮРКСКОГО АОРИСТА

Старая тема — происхождение тюркского аориста — продолжает по-прежнему привлекать внимание тюркологов¹.

Обычно предметом обсуждения являются следующие три проблемы:

- 1) генезис афф. -(ə)r и его отношение к афф. -jor;
- 2) огласовка афф. -r широким ~ узким гласным;
- 3) генезис афф. -jur/-jür.

Прежде всего необходимо условиться о содержании термина «аорист».

Греческие грамматики под этим термином понимали временные формы, лишенные временной отнесенности (a-orist 'неограниченный'). Аорист выражает неограниченное во времени действие; действие, осуществляемое вне временных границ, действие, протекающее вне временных условий; аорист не локализует действие во времени.

Указанная формулировка, объясняющая содержание аориста, далеко не полностью применима к тюркской глагольной форме на -(ə)r, которая передает действие в процессе его осуществления без отнесения его к какому-либо строго определенному отрезку времени; действие, совершающееся обычно, постоянно, а потому порождающее новое значение: предположительно-возможное, потенциально-возможное, то есть действие, могущее иметь место в будущем².

В исследовательской практике отечественных тюркологов термин «аорист» не получил сколько-нибудь широкого распространения, так как тюркская глагольная форма, которая здесь имеется в виду, наряду с аористом имеет, как видно из приведенной формулировки, и футурально-потенциальное значение. Наиболее распространенными термина-

¹ Из последних по времени исследований на эту тему укажем: П. И. Кузнецов. Генезис тюркского аориста. — «Советская тюркология», 1980, № 6; Э. А. Гручина. О форме настоящего-будущего на -(ə)r в тюркских языках. — В кн. «Тюркологические исследования», М., 1976; Б. А. Серебrenников. Два этюда из истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1978, № 1; Б. А. Серебrenников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979 (глава: «О происхождении форм настоящего времени в турецком и туркменском языках»), стр. 165—168; L. Johanson. Das tschuwaschische Aoristthema. — «Orientalia Suecana», vol. XXIII—XXIV. Uppsala, 1976, стр. 106—158. Значительное место указанной теме отведено в статье: Г. Дёрфер. Является ли халадский язык диалектом азербайджанского языка? — «Советская тюркология», 1974, № 1.

² Подробнее об этом см.: Х. Джевдет-заде, А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934, стр. 124; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 461—462.

ми, используемыми для обозначения этой глагольной формы, являются: настоящее-будущее время (НБ), будущее-неопределенное, будущее-категорическое, настоящее-общее и некоторые другие.

По мнению П. И. Кузнецова, приведенное определение значения настоящего-будущего времени [разделяемое всеми тюркологами, начиная с Ф. Менинского (1623—1689); см. список авторов, цитируемых П. И. Кузнецовым на стр. 34, сн. 15 его упомянутой работы] является на дум а н н ы м «в свете материалов рунической письменности, свидетельствующих о том, что аорист употреблялся в то время в значении не только и даже не столько настоящего-неопределенного, сколько настоящего данного момента (= настоящего актуального), из которого значение действия, устремленного в будущее, невыводимо; между тем, аорист, как и ныне (в большинстве тюркских языков), имел и это значение»³.

П. И. Кузнецов ошибается, утверждая, что в рунической письменности «аорист употреблялся в то время в значении не только и даже не столько настоящего-неопределенного, сколько настоящего данного момента...». При этом он ссылается на В. М. Насилова («Язык орхон-енисейских памятников». М., 1960, стр. 62) и на А. Н. Кононова («Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII—IX вв». Л., 1980, §§ 334, 335, стр. 186—187). Первый из них утверждал, что «значение этой спрягаемой формы заключается в выражении действия, развитие которого является конкретным в данный (для говорящего) момент, безотносительно к моменту протекающего действия, а также в выражении неопределенно-будущего времени. Данная форма по соотношению времен в их последовательности приближается к аористу и может выражать нереальное действие»⁴. NB! Приближается к аористу, но не аорист!

По нашему же мнению, эта форма, называемая нами настоящим-будущим I временем, обозначает: «1) действие регулярно повторяющееся, естественное по своей природе, т. е. действие, не связанное с определенным отрезком времени; 2) действие, которое мыслится как возможное в будущем, а также как действие, которое должно совершиться в будущем; 3) действие одновременное с моментом речи»⁵.

По определению В. Г. Кондратьева, «форма -р (настоящее-будущее время)... передает «непротекшее» время. В самой форме план настоящего и будущего не различается. Отнесенность действия к моменту речи зависит от контекста. В зависимости от контекста форма -р обозначает настоящее данного момента (а), обычное действие, простирающееся от настоящего в будущее (б), будущее (в)»⁶.

Э. А. Грунина следующим образом определяет круг значений формы -(э)-г-: «1. Совпадение времени действия с моментом сообщения; 2. Действие... может выходить за границы момента речи и указывать на повторяемость, длительность; 3. Время на -ur может указывать на действие, проявляющееся закономерно, имеющее характер свойства, привычки; 4. Форма на -ur может указывать лишь на потенциальную возможность осуществления действия; 5. В форме на -ur широко передавалось и значение отнесенности действия к будущему; 6. Редко форма

³ П. И. Кузнецов. Указ. раб., стр. 34.

⁴ В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 62—65.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, § 334.

⁶ В. Г. Кондратьев. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981, стр. 83.

на *-ur* выступала со значением реального условия, временной характеристики другого действия»⁷.

Приведенные определения вполне согласуются с таковыми же, принятыми в турецких грамматиках, составленных турками, в которых эта форма носит название *Geniş zaman kipî/Geniş zamanın bildirme kipî (Indicatif de l'aoriste)*⁸.

Семантика настоящего-будущего времени, вполне согласующаяся с приведенными выше определениями значения этой формы, обстоятельно разработана Н. Н. Джанашиа⁹.

После некоторых рассуждений (с использованием не всегда ясной терминологии) по поводу значения формы *-(ə)r*, П. И. Кузнецов приходит к такому «надуманному» выводу: «В целом, можно говорить о трех оппозициях, в которые входит аорист. По видовому признаку прагматике (то есть в значении настоящего актуального) он противопоставлен форме на *-(y)jor* в качестве немаркированного члена привативной оппозиции; в значении настоящего определенного — той же форме *-(y)jor* как сильный (отмеченный) член контрарной оппозиции; наконец, по модальному признаку предопределенности он входит в контрарную оппозицию *-(j)ažak ~ -(ə)r* в качестве неотмеченного члена» (стр. 35—36).

Теперь, когда определено значение формы *-(ə)r*, следует перейти к выяснению генезиса форманта *-(ə)r*, огласовка которого в некоторых тюркских языках имеет полный набор узких и широких гласных: *-r/-ar/-är/-ir/-ir/-ur/-ür/-or/-ör*.¹⁰

Распределение огласовок — широким ~ узким гласным, — по мнению Э. А. Груниной, «говорит в пользу функционального (разрядка наша. — А. К.) характера чередования аффиксов в НБ»¹¹. И далее, опираясь на предположение Г. И. Рамстеда, Э. А. Грунина приходит к заключению, что уже «в древнетюркском различие между широким и узким оказалось утраченным, т. е. согласно этой гипотезе показатели с широким и узким гласным имели разное происхождение (разрядка наша. — А. К.), но затем узкий вариант угас, растворившись в фонетических вариантах широкого и став словоизменительным элементом»¹².

Плодотворная мысль о разном происхождении форм с широкими и узкими гласными настоящего-будущего времени не получила в дальнейшем ни обоснования, ни развития.

⁷ Э. А. Грунина. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XIV вв. — В кн.: «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 91—95. Период XIII—XIV вв. считается предисторией турецкого языка и называется Анатолийско- (малоазиатско-) тюркским языком (в работах турецких ученых *Eski Anadolu Türkçesi*); ср.: Э. А. Грунина. К вопросу о письменной традиции в Анатолийских памятниках XIII—XIV вв. — «Советская тюркология», 1971, № 4. Подробнее см.: А. Н. Кононов. Основные этапы формирования турецкого письменного-литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1977, № 4, стр. 21—35; см. еще: В. Г. Гюзз. Староосманский язык. М., 1979, стр. 13.

⁸ T. Banguoğlu. Türkçenin grameri. İstanbul, 1974, стр. 462; T. N. Gencan. Dilbilgisi, 3. baskı. İstanbul, 1975, стр. 259—262.

⁹ Н. Н. Джанашиа. Морфология турецкого глагола. Тбилиси, 1981, стр. 132—146.

¹⁰ Например в башкирском языке с помощью указанных аффиксов образуется «будущее-неопределенное время». См.: «Грамматика современного башкирского литературного языка». М., 1981, стр. 281; Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979, стр. 96—99; M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 216—218.

¹¹ Э. А. Грунина. О форме настоящего-будущего на *-(ə)g* в тюркских языках, стр. 105.

¹² Там же, стр. 107.

«Наличие двух типов аффиксов — *-ар, -эр, и -ыр, -ир, -ур, -үр*, — пишет Н. З. Гаджиева, — объясняется тем, что в основе их лежат два самостоятельных дуратива — на *-а/-э* и на *-ы/-и/-у/-ү...* Одинаковый семантический объем слагаемых показателей привел к тому, что в большинстве тюркских языков эти аффиксы смешались. В некоторых тюркских языках произошла фонетическая дифференциация, сопровождавшаяся семантической»¹³.

Это предположение, возможно, применимо для объяснения состава гласных, но ничего не дает для определения природы согласного *-r*.

Что касается происхождения афф. *-r* (древний аорист **-r*, который «следует отличать от НБ *-(ə)-r*»¹⁴), то Э. А. Грунина поддерживает гипотезу Вл. Л. Котвича о вхождении показателя древнего аориста в глаголы типа *är-, bar-, tur-, yor-*¹⁵. Гипотеза Вл. Л. Котвича неубедительна, так как случаи превращения причастия в глагольный корень, который послужил бы потом основой для дальнейших изменений, — неизвестны. Согласный *-r* в перечисленных и им подобных глагольных формах является показателем каузатива, который, утратив позднее свое залоговое значение, вошел в состав корня; таких примеров в истории тюркских языков много¹⁶.

Следует отметить, что в анатолийско-тюркском языке XIII—XIV вв., предтече османско-турецкого языка, не было специальной формы настоящего времени данного момента (НА), то есть формы *-(ə)jor*; крайне редко в это время использовалась и форма *-(=)r*; вместо нее употреблялась форма дезиратива-футурума *-(j)a/-(j)ä < -(j)aj/-(j)äj < -yaj/-gäj*¹⁷.

Турецкий лингвист Медждут Мансуроглу (1910—1960), специалист по истории турецкого языка, в статье «Das Aito-manische»¹⁸ приводит только форму *-(j)a/-(j)ä*, которая «Als Desirativ-und Futurform sehr verbreitet» (стр. 178), но вовсе не упоминает формы *-(ə)r*.

«Характер показателя *-(=)r*, — пишет Э. А. Грунина, — продолжает оставаться проблемой сравнительно-исторической тюркологии. „Аномалия“ этого показателя заключается в распределении его аффиксов по двум классам — с широкими и узкими гласными, что не свойственно плану выражения морфологической категории»¹⁹.

Огласовка аффиксов широкими ~ узкими гласными представляет собой не отклонение от нормы, а довольно широко распространенное, исторически обусловленное в тюркских языках явление.

Далее, Э. А. Грунина указывает, что в рунических памятниках огласовка аффикса настоящего-будущего времени определялась слоговой структурой. Ссылка при этом на памятники рунической письменности не может быть достаточным основанием для подобного утверждения, так как в этих памятниках, как правило, гласный второго слога не обозначался особой литерой.

Рассмотрим отношения афф. *-(=)r* к афф. *-jor*.

¹³ Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа, стр. 96.

¹⁴ Э. А. Грунина. О форме настоящего-будущего..., стр. 106.

¹⁵ Там же; В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 278—285.

¹⁶ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1960, стр. 77—78.

¹⁷ Э. А. Грунина. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв., стр. 101; F. K. Timurtaş. Eski Türkiye Türkçesi. XV. yüzyıl. İstanbul, 1977, § 314.

¹⁸ «Philologiae Turcicae Fundamenta». Tomus primus. Wiesbaden, 1959, стр. 161—182. (В дальнейшем: Fundamenta).

¹⁹ Э. А. Грунина. К вопросу о письменной традиции..., стр. 94.

Анализируя аффиксы *-jur* и *-jor*, П. И. Кузнецов справедливо заметил: «То, что вариант *-jug* или *-jög* тюркского аориста не идентичен турецкому аффиксу *-jog*, не вызывает сомнений» (стр. 36); ср. еще халаджские формы на *-jog* и *-jug* (см. стр. 9).

По мнению П. И. Кузнецова, «этимологизацию наиболее древних элементов морфологической системы тюркских языков — а к их числу относится, несомненно, и показатель аориста — следует проводить, беря за основу доморфологический уровень развития языка. При этом основным приемом должна явиться условная реконструкция реальных речевых произведений. Только в том случае, если такая реконструкция позволит поэтапно представить весь ход становления и развития какой-либо грамматической единицы — разумеется, с учетом имеющихся языковых фактов, — данная этимология может быть признана приемлемой» (стр. 39).

Эта идея П. И. Кузнецова не может быть реализована, хотя бы потому, что доморфологический уровень развития языка есть не более как фикция и ровно ничего не может дать для объяснения реальных языковых фактов, равно как и для «условной реконструкции реальных речевых (!) произведений», среди которых к тому же нет достаточно древних. Далее П. И. Кузнецов замечает: «Аффикс *-(*)g* не мог присоединиться к основе глагола сразу как таковой. Не мог он быть и служебным словом — их еще не было. Речь может идти, таким образом, лишь о полнозначном слове» (стр. 40).

Таким полнозначным словом, по мнению П. И. Кузнецова, был глагол *jog-* или *jügü-*, обозначающий «только действие, протекающее в момент речи: *jog* (*jügü*) 'он идет, шагает, движется'», а потому, заключает автор, «он (этот глагол. — А. К.) был использован в древнейшую эпоху для передачи значения совершаемости действия в момент речи. Видимо, не случайно и А. П. Поцелуевский особо выделял глагол *йөр-* 'ходить' среди прочих глаголов, выражающих длительность действия» (стр. 41).

В диалектах азербайджанского и турецкого языков показателем настоящего актуального времени выступает афф. *-йо*. обычно возводимый к афф. *-йор*; элизия согласного *p* в аудите явление широко известное в тюркских языках.

Н. З. Гаджиева предлагает гипотезу, согласно которой *-йор* есть «результат контаминации показателей *-йо* и *-р*»²⁰. И далее она пишет: «Элементы *-jor*, *-jar* (!) не обязательно связывать с глаголом *jur-* 'ходить'; *-jor*, *-jar* — результат фонетического развития (фузионного сращения) синонимичных показателей... В таком случае турецкая форма настоящего времени типа *jazyjor* 'он пишет' может быть результат контаминации форм типа: *jazy-ы—jo* и *jazy-ы—p*»²¹, с чем нельзя согласиться, ибо это две совершенно разные — генетически и семантически — глагольные формы.

В «древнейшую эпоху» композита из деепричастия на *-(j)a/- (j)ä ~ -(j)y/- (j)i/- (j)u/- (j)ü + jory-* (учащительная форма от *jor-/jur-* 'идти') в памятниках рунической письменности передавала дуративное (длительное) или постепенно осуществляемое действие²²; позднее в турецком языке эта композита стала обозначать актуальное действие, являющееся одним из моментов дуративности, повторяемости.

²⁰ Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа, стр. 94.

²¹ Там же, стр. 95.

²² А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников, § 363, 5; Fundamenta, I, 175, 176.

В связи с тем, что глагол *jog-* (*jög-*) использовался не в своем лексическом значении, — утверждает П. И. Кузнецов, он постепенно превратился в аффикс (стр. 41); однако «сочетания типа *al-jog*, *ug-jog*, *ač-jog*, *ič-jog* и т. п. были неудобны для произношения (разрядка наша. — А. К.). Вместо *o* (*ö*?) в необходимых случаях стали произносить гласные *ö* (*o*) или *u*, *ü* — так было положено начало гармонии гласных²³; спирант постепенно выпал, замененный заместительной долгой гласной: **al-jog* > *al-jög* (*al-jur*) > *al-(j)ug* > *al-üg*. После шипящего *č* — а также, очевидно, и в некоторых других случаях — вскоре произошла делябилизация гласного **ič-jög* > **ič-ög* > *ič-er*; **ač-jog* > **ač-og* > *ač-ar*; **keč-jög* > **keč-er* и т. п. Аффикс настоящего времени, в дальнейшем взявший на себя функции аориста...,²⁴ стал многовариантным. Выпадение спиранта *j* после согласных основ произошло в доисторическую (разрядка наша. — А. К.) эпоху, и примеры, где бы этот звук сохранился, в памятниках древнетюркской письменности в общем отсутствуют» (стр. 41—42).

П. И. Кузнецов, рассматривая древнетюркский аффикс *-jog* и турецкое настоящее на *-ujog*, замечает: «турецкий аффикс начал складываться в то время, когда аффикс настоящего-будущего времени давно уже утратил всякие следы своей бывлой связи с глаголом *jog-* (*jög-*). При этом и структура турецкого аффикса совершенно отлична от структуры древнего аффикса **-jog* > *-(z)g*. Этот последний восходит к самостоятельно функционировавшей основе глагола *jog-*. Турецкий же аффикс *-ujog* исторически сложился из трех элементов; ср.: *al-u-jog-ug* 'он беря идет'²⁵, он берет', а именно: 1) из деепричастия на *-u* (или *-a*), представляющего собой усеченный аффикс аориста (первоначально от глагола *kög-* 'видеть', возможно также *qaqa-* 'смотреть': *-(j)u* < *-(j)ug*, *-u* < *-ug*, *-a* < *-ag*, восходящий, как мы знаем (!? — А. К.) к глаголу *jog*; 2) из основы глагола *jog-* и 3) из аффикса аориста *-ig*, восходящего к тому же глаголу. Таким образом, заключает П. И. Кузнецов, аффикс аориста, присоединенный, например, к основе глагола *al-* 'брать', этимологизируется просто: *al+jog* (*jög*). Аффикс же настоящего на *-ujog* в ретроспективно-этимологическом плане имеет следующий вид: *al+jog+jog+jog*, где *jog* (трижды!) основа глагола 'идти'» (стр. 42).

Из сказанного следует, что деепричастие на *-u/-i* < *jog-*. Деепричастие в алтайских языках — одна из древнейших глагольных форм; форма *-jog-* — явление вторичное, позднее.

«Таким образом, — делает окончательный вывод П. И. Кузнецов, — аорист произошел из соположения двух глаголов-основ (в позиции сказуемого), второй из которых (*jog* или *jög*) сначала становится вспомогательным, а затем превращается в аффикс» (стр. 43).

Из приведенной цитаты явствует, что ее автор: 1) деепричастие на *-u/-a* возводит к усеченной форме аориста от глагола *kög-* 'видеть' или глагола *qaqa-* 'смотреть'; это утверждение не сопровождается сколько-нибудь убедительными доказательствами; 2) утверждает, повторяем, что «аорист произошел из соположения двух глаголов-основ (в позиции

²³ Следовательно, по мнению П. И. Кузнецова, гармония гласных не причина, а следствие?!

²⁴ Спрашивается, был ли в составе глагольных форм на ранних этапах развития тюркских языков аорист? Рунические памятники дают на этот вопрос отрицательный ответ.

²⁵ Никогда, ни при каких обстоятельствах в сознании тюрков (самых древних времен!) название композиты не могло восприниматься так, как оно здесь изложено, то есть как сочетание двух самостоятельных, полнозначных глаголов; *ug-ug* — модифицирующий глагол — служит для выражения характера протекания действия.

сказуемого), второй из которых (jog или jög) сначала становится вспомогательным, а затем превращается в аффикс». Предположение, что две глагольные основы могут соединиться в единое целое «простым соположением типа *al+jog*» находится в очевидном противоречии с действительным положением, согласно которому сочетание двух глагольных основ подчиняется строгому правилу: первая глагольная основа обязательно должна быть в форме деепричастия на *-y/-i*, *-a/-e* или *-ä* + модифицирующий глагол (в данном случае: *jog-ur*).

П. И. Кузнецов не принял во внимание статью Г. Дёрфера «Является ли халаджский язык диалектом азербайджанского языка?», в которой различаются три периода развития форм аориста (стр. 48—50).

«1. В староосманский период (в XIII—XV веках азербайджанский и турецкий были еще очень близки друг к другу) аорист после согласного имел форму *-Ug...*» (*U* — гласный любого качества: широкий ~ узкий. — А. К.)... «После гласного аорист принимал форму *-r* (древнетюркская форма *-jUr* в староосманскую эпоху уже исчезла)... Лишь постепенно в этот период возникают особые формы настоящего времени: прежде всего полная форма с *jogug*, *jogug* 'идет'... (стр. 48).

2. ...Форма настоящего времени *-U²⁶ jogug*, предварительно сократившись (*-U jog*), сливается с предыдущим словом, то есть *-jog* становится суффиксом... Турецкий язык сохраняет *-jog*, нарушая гармонию гласных... Однако турецкие диалекты (обнаруживают большое многообразие форм: *-(i)j(<-jo<-jor)*, *-jo*, *-jor*, *-or*, *-r*, *-ejr*, *-jr*; *-ër*, *-Ajour*, *-ijer*, *-ier*, *-ajar*, *-ij*; *-Ajlur*, *-Ir*, *-Ijlur*, *-AjUr*, *-IjUr*, *-UjUr*, *-Ajour* (См.: Fundamenta стр. 259, 269, 278). В туркменском литературном языке и в йомудском диалекте происходит превращение *-jog>-jAr* (см.: Fundamenta, стр. 314); отсюда и салыское — *jÄ*, гокленское — *jA...* Аффикс *-jog* мог бы быть праформой для современных азербайджанских диалектов... (стр. 49)²⁷.

3. Лишь в гораздо более поздний период имело место дальнейшее аналогичное взаимодействие между формами аориста и настоящего времени; таким образом, форма настоящего времени в азербайджанском языке *-jIg* влияла на аорист, который после гласного принял вид *-jAg...*» (стр. 49).

И далее, Г. Дёрфер приходит к следующему заключению: «Таким образом, детальный анализ показывает, что мы имеем дело со сложным процессом постоянного сближения форм. Азербайджанские диалектные формы типа *bügüjüg*, внешне схожие с халаджским аористом *başlajur*, представляют собой вовсе не аорист, а формы настоящего времени и восходят не к др.-тюрк. *-jUr*, а к вспомогательному глаголу *jogu*. Сходные на первый взгляд формы не имеют никакого отношения друг к другу. В халаджском языке *bäslä(j)jog* (настоящее время) и *bäslajur* (аорист) четко разграничены» (стр. 50).

В тюркологии давно (выработался общий взгляд на отношения между морфемами, различающимися начальными гуттуральными *q* и *g*). Считалось, что гуттуральные формы представляют более древнее фонетическое состояние параллельных форм, не имеющих гуттурального начала (т. е. *-ан<-ган*, *-ай<-гай*, *-ы<-қы//гы//ык//ыг*, *-аллы<-галлы*, *-ақ<-ғақ* и т. п.)...»²⁸. В. Банг придерживался другой точки зрения, а

²⁶ Г. Дёрфер ничего не говорит о природе гласного (*u*); это — деепричастие; ср.: Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа, стр. 95.

²⁷ В туркменском литературном языке и его диалектах формы на *-jAr*, *-jA*, *-jA<-yar/-gär* (см. ниже).

²⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 238—239.

именно: *qalan* > *qalyan*, *ata* > *atya* > *atqa*²⁹. Идея В. Банга не получила в дальнейшем поддержки.

Основная форма причастия настоящего-будущего времени в алтайском языке «с гласным окончанием есть чисто тюркская форма *йыр*: *сарнайыр* (<*сарна-ыр*. — А. К.), *кӧлӧйыр* (<*кӧлӧ-йыр*. — А. К.)³⁰, у черневых татар перед этой приставкой буква *а* изменяется в *ы*: от *ада* 'называть', по-алтайски *адайыр* (<*ада-ыр*. — А. К.), у черневых татар: *адыйыр*³¹. Хакасское *узир* '(он) будет спать' (<*узу-йар* < *узу-гар*. — А. К.)³². Составители грамматики ногайского языка аффикс будущего-неопределенного времени *-ар/-ер/-р* возводят к *-гар/-гер*³³.

Аффикс настоящего-будущего времени *-ар/-ер*; *-ыр/-ир/-ур/-ӱр* Н. А. Баскаков возводит к древним вариантам: *-γur/-gir/-γur/-gür*; *-qyr...-γar/-gär*, *-qar/-ker*³⁴.

Этот формант, представленный в двух огласовках — широкими и узкими гласными, используется в двух функциях: 1) формообразующего аффикса настоящего-будущего времени; 2) глаголообразующего аффикса: образование глаголов от имен³⁵, что дает основание предположить чисто вербальное происхождение этого аффикса; в своем первоначальном виде ему предшествовал, по всей вероятности, глагол *е/-и* 'быть'; сочетание названного глагола с этим аффиксом было причастием настоящего-будущего времени.

Ничто не мешает считать достоверным фактом первичность аффиксов с гуттуральным началом, а потому налицо все основания предположить, что исходной основой современной глагольной формы *-(⁰)r* является формант *-γ/-g + ⁰r*, что подтверждается, — как выше было показано, — многочисленными примерами, а из этого следует, что аффикса *-(⁰)r* в тюркском праязыке в самостоятельном употреблении не было: афф. *-γ/-g⁰r* > *-j⁰r*, а последний при гласных основах позднее был вытеснен афф. *-r*, что косвенно подтверждается формами типа *başlar* < *başla-j-ur*. Существует однако предположение, что показатель *-r* восходит к аффиксу собирательной множественности *-r*, который первоначально использовался в глаголах как показатель многократного действия; эта гипотеза, однако, требует убедительной аргументации, основанной на реальных фактах.

В тюркских рунических памятниках (VII—IX вв.) форма настоящего-будущего времени (*-r*) при гласной основе достоверно используется только при одной глагольной основе на гласный: *te-/li- + r* (< *?te + -jir*) 'он говорит'; данное обстоятельство, по-видимому, объясняется тем, что эта форма находится на грани самостоятельного и служебного слов.

Второй пример из рунических памятников с указанным формантом *jasar*-г: *öd tängi jasar* (Кюль-тегин. Большая надпись, 50) 'Время [жизни человека] определяет Небо' — подвергается сомнению: Дж. Клосон и Г. Дёрфер это слово читают иначе: *aysar* (< *ay + -sar*)³⁶.

²⁹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 239.

³⁰ О переходе в интервокальной позиции *γ/g > j* см.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 169—172.

³¹ «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869, стр. 67.

³² «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 228.

³³ «Грамматика ногайского языка». Черкесск, 1973, стр. 227.

³⁴ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. М., 1952, стр. 399—400; 425—427.

³⁵ Подробнее об этом см.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования, стр. 247—269.

³⁶ G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish, Oxford, 1972, стр. 974; G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. IV. Wiesbaden, 1975, стр. 72—73.

В рунических и древнеуйгурских памятниках аффикс настоящего будущего времени при гласных основах сохраняет начальный согласный $j < \gamma / -g$ и огласовывается узким губным гласным: $j\ddot{o}r\ddot{i}-j\ddot{u}r$, $me-\ddot{c}il\ddot{a}-j\ddot{u}r$; при согласных основах начальный согласный аффикса $-\gamma / -g > j$, ассимилируясь с согласным основы, превращается в $-\ddot{a}r$: $-\ddot{i}r$, $-\ddot{i}r$, $-\ddot{u}r$, $-\ddot{u}r$; $-\ddot{a}r$: $teg-\ddot{i}r$ (Irq bitig. Малов. ПДТП, 31) $k\ddot{a}l-\ddot{i}r$ (11, 46, 47, 51), $t\ddot{u}g-\ddot{u}r$ (58), $k\ddot{i}r-\ddot{u}r$ (33), $sa\ddot{c}-\ddot{a}r$ (30), $\ddot{o}g\ddot{i}r-\ddot{a}r$ (21, 36, 98)³⁷.

В рунических и древнеуйгурских памятниках инлаутный гласный — узкий, в то время как в современном азербайджанском языке некатегорическое будущее время огласуется широким гласным: *oxujar* 'он будет читать', *işiləjər* 'он будет работать' (см. ниже).

Форманты аориста $-jUr/-jAr$ представляют собою фузионный сплав двух близких по функциям и семантике аффиксов: $-ju/-ja (< \gamma u / -\gamma a)$, $-j\ddot{u} / -j\ddot{a} (< g\ddot{u} / -g\ddot{a})$ ³⁸, где $-\gamma u / -\gamma a$, $-g\ddot{u} / -g\ddot{a}$ — аффикс причастия будущего времени, $+$ $-r$ — общеалтайский аффикс аориста.

«В каждой из четырех языковых групп (тюркской, монгольской, тунгусской, корейской. — А. К.) легко распознается отглагольное прилагательное с окончанием $-r$, имеющее значение будущего или настоящего-будущего времени»³⁹.

Сказанное выше о составе афф. $-j\ddot{u}r / -j\ddot{a}r$ подтверждается наличием в саларском языке показателя будущего времени I: $-\gamma u(r) / -gu(r) / -qu(r) / -ku(r)$; $-\gamma a(r) / -ga(r) / -qa(r) / -ka(r)$ ⁴⁰.

Некатегорическое будущее время азербайджанского языка образуется с помощью афф. $-(j)ar / -(j)\ddot{a}r < -gar / -g\ddot{e}r (< -g / g + \ddot{a}r)$.

Показатель настоящего времени азербайджанского языка $-(j)ыр / -(j)ур / -(j)ур / -(j)ур$ К. Фой⁴¹ и А. П. Поцелуевский⁴² возводили (совершенно справедливо!) к глагольной форме *йоры-йору*, которая в турецком языке стала показателем настоящего актуального ($-\ddot{u}y + \ddot{u}r$).

Опираясь на доводы К. Фоя, А. П. Поцелуевского и М. Н. Хыдырова⁴³, А. М. Щербак приходит к выводу, что «формы алір, гәлір в современном азербайджанском языке должны рассматриваться как вторичные образования, развившиеся из форм аліјор, гәліјор, или получившие семантическую специализацию под влиянием их стяженных диалектных вариантов»⁴⁴.

По мнению Э. А. Груниной, «азербайджанское настоящее $-ур / -ыр$, $-ур / -ур$ лишь функционально (разрядка наша. — А. К.) связано

³⁷ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников, §§ 204, 334, 335.

³⁸ Афф. $-ja / -j\ddot{a}$ входит в состав аффикса будущего-категорического времени $(j)a\ddot{z}aq / (j)\ddot{a}z\ddot{a}k$; у Абу-Хайяна есть пример: $t\ddot{u}r-ga\ddot{c}aq-\ddot{d}u\ddot{r}ga\ddot{z}aq\ j\ddot{a}r$. — М. Mansuroğlu. Türkçede $-gau / -gey$ eki ve türemeleri. — Jean Deny armağanı — Mélanges Jean Deny. Ankara, 1958, стр. 181; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников, § 99; ср. Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957, стр. 88.

³⁹ Г. И. Рамstedt. Введение, § 53; О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, стр. 76.

⁴⁰ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 145.

⁴¹ К. Foy. Azerbaijanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen. — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms Universität zu Berlin». Jahrgang VI. Westasiatische Studien. Berlin, 1903.

⁴² А. П. Поцелуевский. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. — А. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975.

⁴³ М. Н. Хыдыров. К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западной группе тюркских языков. — «Советская тюркология», 1971, № 6.

⁴⁴ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков. (Глагол). Л., 1981, стр. 88.

с настоящим типа турецкого *-iyor*⁴⁵, что находится в очевидном противоречии с доводами, приведенными выше.

Предоставляя читателям возможность самим судить о приведенных выше предположениях о природе настоящего-будущего времени, изложим нашу собственную точку зрения.

Модифицирующий глагол *jor(y) -jör(i) -/jur(u) -/jür(ü) - 'идти', 'ходить'* в сочетании с деепричастием на *-(j)y/- (y)i/- (y)u/- (y)ü ~ -(j)a/- (j)ä*, образовавший в рунических памятниках форму глагольного действия, обозначающую дуративность, в турецком языке превратился в показатель настоящего актуального вр. (*-yor*), который в результате сложных фонетических — комбинационных — превращений дал целый ряд форм; особенно их много в азербайджанских и турецких диалектах: *jor-(<jorur > -yur, -yir, -yür, -iir, -iyir, -ēr, -i'ēr, -ayir/-äyir ~ -iyir/-iyir, -ir/-ir, -ur/-ür, -iy, -i-, -ey-, -irī-, -ēyur, -äyur*⁴⁶; (см. также выше).

В азербайджанском языке форма с широким гласным — в соответствии с своим этимолом *-ar/-är (<-yar/-gär)* — закрепилась за будущим-некатегорическим временем; форма с узким гласным — также в соответствии с своим этимолом *-yr/-ir/-ur/-ür (<-jor-ur)* представляет настоящее-общее время.

В турецком языке, как и в большинстве других тюркских языков, обе формы — с широкими~узкими гласными в результате смещения форм *-yar/-gär* и *-yur/-gür* стали обозначать настоящее-будущее/будущее-некатегорическое/будущее-неопределенное и т. п. время, то есть глагольную форму с широким диапазоном значений.

Аффикс настоящего-будущего времени *-jur/-jür*, представленный в рунических (редко!) и древнеуйгурских (довольно часто!) памятниках, являет собою переходную ступень от аффикса *-yur/-gür* к аффиксу настоящего-будущего времени *-(²)r*.

Отрицательная форма настоящего-будущего времени в 1-м лице единственного числа представлена тремя вариантами:

I. Туркм. *ал-ма-р-ын*, азерб. *ал-мы-р-ам* 'я не возьму'; 3-е лицо: *ал-ма-з* 'он не возьмет', *гел-ме-з* 'он не придет'.

II. Тур. (османск.): *sev-mez-em*⁴⁷ 'я не люблю'. По данным Ф. Менинского, по крайней мере в XVII веке, в литературном языке параллельно были в ходу две формы: *sev-mez-em//sev-me-m*⁴⁸; последняя форма в современном литературном языке является единственно возможной.

В течение XIII—XV веков в анатолийско-тюркском языке спрягаемой основой во всех лицах была форма типа *sev-mez: sev-mez-äm*⁴⁹ и т. п.

В гагаузском языке отрицательная форма настоящего-будущего времени представлена параллельными парадигмами:

ед. ч. 1. *ал-ма-р-ым//ал-ма-м*

2. *ал-ма-р-сын//ал-ма-з-сын*

3. *ал-ма-р//ал-ма-з*

мн. ч. 1. *ал-ма-р-ыз//ал-ма-з-ыз (?)*

2. *ал-ма-р-сыныз//ал-ма-з-сыныз*

3. *ал-ма-р-лар//ал-ма-з-лар*⁵⁰.

⁴⁵ Э. А. Грунина. О форме настоящего-будущего на *-(²)r* в тюркских языках, стр. 99.

⁴⁶ Fundamenta, стр. 809 (Морфологический индекс).

⁴⁷ F. K. Timurtas. Eski Türkçesi. XV yüzyıl. Istanbul, 1977, § 311; Z. Korkmaz. Sadru'd-din Seyhoğlu. Marzuban-name tercümesi. Ankara, 1973, стр. 165.

⁴⁸ Fr. Meninski. Thesaurus Linguarum Orientalium... Grammaticam Turcicam. Vol I—II—III. Viennae Aestriae. 1680. I, стр. 146.

⁴⁹ В. Г. Гусев. Староосманский язык. М., 1979, § 124.

⁵⁰ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 189.

III. В туркменском, азербайджанском языках и турецких диалектах эта форма представлена также: 1) сокращенным вариантом: *-ман, -мен* (<*-ма/-ме+р+ин*): *яз-ман* 'я не буду писать', *гел-мен* 'я не приду'; 2) распространенным вариантом: *-минам, -менем* [<*-ма/-ме (+р) +ам/-ем*]⁵¹.

2-е лицо единственного числа представлено тремя вариантами: 1) *ал-ма-р-сың* 'ты не возьмешь'; 2) *ал-ма-з-сын*; 3) *ал-маң, гел-мең* 'ты не придешь' (<*-ма/-ме+р+сың*).

3-е лицо единственного числа представлено двумя вариантами: 1) *ал-ма-р*; 2) *ал-ма-з*; второй вариант имеет следующие разновидности: *-маз, -мез/-мас, -мес/-мос, -мос/-пас.../-бас...*⁵².

1-е лицо множественного числа представлено формами типа: 1) туркм. *ал-ма-р-ыс* 'мы не возьмем'; 2) гаг. *ал-ма-р-ыз*; 3) тур. *ал-та-ј-из, sev-me-j-iz*.

2-е лицо множественного числа: туркм. *ал-ма-р-сыңыз*, тур. *ал-та-з-синиз*.

3-е лицо множественного числа представлено той же формой, что и 3-е лицо единственного числа + показатель множественного числа *-лар/-лер*.

Из приведенного следует, что показатель отрицательной формы настоящего-будущего времени представлен формантами: *-s/-z, -r, -j, ø* (нуль звука): *ал-та-т* 'я не возьму'.

В специальной литературе прочно утвердилось мнение, что:

1) первичной формой является афф. *-mas/-mäs/-pas.../-bas...*⁵³ состоящий из двух однозначных — отрицательных — морфем *-та/-tä+(-s(-m ≈ s))*, позднее в отдельных тюркских языках озвончившихся в *-т* *z*⁵⁴.

Возникает вопрос, почему в этом — единственном — случае оказалось необходимым сочетание двух аффиксов отрицания? Соединение функционально идентичных или близких по функции аффиксов в один сложный — явление довольно распространенное в тюркских языках. В данном случае соединение двух функционально идентичных формантов произошло, по-видимому, по причине угасания продуктивности афф. *-s*, в то время как афф. *-та/-tä* сохраняет продуктивность во всех глагольных формах. С другой стороны, существует предположение, что *-mas/-mäs* < *-та/-tä* — Nomen actionis + привативный афф. *-s/-z*.

2) Аффикс отрицания *-s/-z* никак не связан с показателем настоящего-будущего времени *-r*⁵⁵, хотя нередко можно встретить утверждение, что *-z* < *-r*. Как убедительно показал Б. А. Серебренников, звук *z* в тюркских языках является первичным, а соответствующий ему чувашский *r* — вторичным⁵⁶.

Конечный согласный *s* в афф. *-mas/-mes* (>*-maz/-mz*), по мнению Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой, «по-видимому тот же *s*, который мы находим в причастии будущего времени на *-асы*»⁵⁷. Однако афф.

⁵¹ «Грамматика туркменского языка». Часть I. Ашхабад, 1970, стр. 282.

⁵² Fundamenta, I, стр. 156.

⁵³ Fundamenta, стр. 800. (Морфологический индекс).

⁵⁴ В. Котвич. Указ. раб., стр. 131; Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 65; ср.: Г. И. Рамstedt. Введение, стр. 85, 101.

⁵⁵ Б. А. Серебренников; Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 223; А. Бишев. Соответствие *-p/-z* в алтайских языках. — В кн.: «Исследование по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965, стр. 195—205.

⁵⁶ Б. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 65.

⁵⁷ Б. А. Серебренников; Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 223.

-асы < -җа + -сы, где первая морфема — показатель причастия будущего времени, вторая — показатель дезиратива-футурума. В. Банг⁵⁸ афф. -aſi возводит к афф. -taſi, -daſi — показателю будущего времени, или, по его терминологии — настоящего-будущего времени.

3) Наличие форм типа al-та-г ~ al-та-s(z) объясняется действием аналогии: отрицательная форма конструируется по положительной парадигме с сохранением показателя настоящего-будущего времени положительной формы.

4) О первичности z свидетельствует также форма 1-го лица множественного числа al-та-j-iz < al-та-z-iz.

5) 1-е лицо единственного числа al-та-г/-z⁹m в турецком и гагаузском языках представлено формой al-та-т, таким образом, показатель отрицательной формы -z > -j > ∅ (нуль). В 1-м лице множественного числа переход -z > -j не получил дальнейшего развития, так как переход -j > ∅ привел бы к совпадению с 3-м лицом единственного числа.

⁵⁸ W. Bang. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg, 1918, стр. 38. § 26.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ш. К. МАРДАНОВ

О ТИПАХ РУССКИХ КАЛЕК В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, в процессе исторического развития народы вступают между собой в языковые контакты, что неизбежно приводит к заимствованию ими иноязычной лексики. И. А. Бодуэн де Куртенэ по этому поводу говорил, что «нет и быть не может ни одного чистого не смешанного языкового целого» (1, стр. 361).

Обычно контактирующие языки взаимообогащаются, однако, разумеется, не в равной степени. Язык более высокоразвитого в экономическом, культурном, техническом и других отношениях народа, всегда оказывает более заметное влияние на вступающий с ним в контакт язык.

Анализируя основные и общие тенденции в развитии тюркских литературных языков народов СССР, Н. А. Баскаков отмечает: «Расширение общественных функций общенародных языков, связанное с расширением сети средних школ, высших учебных заведений, ростом прессы, художественной, научной и общественно-политической литературы, развитием театра, радиовещания на этих языках и проч., — способствует необычайному обогащению языков как за счет их внутренних ресурсов, за счет диалектов и говоров, так и за счет заимствования лексики из других соседних языков и особенно великого русского языка» (2, стр. 26).

В результате непосредственного контакта русского и узбекского языков, наряду с заимствованием слов и выражений, в узбекском литературном языке образуются также различного характера кальки (3, стр. 128) по образцу слов и словосочетаний русского языка. Возникновение калек (как и лексических заимствований) объясняется прежде всего необходимостью наименования новых реалий, понятий, предметов и т. д. Таким образом, кальки пополняют и расширяют словарный фонд заимствующего языка.

До сих пор, как известно, нет единого мнения об отношении калек к заимствованиям. Одни исследователи, например, С. Булич (4, стр. 17—18), Л. А. Булаховский (5, стр. 110—127), Р. А. Будагов (6, стр. 111), Л. Блумфилд (7, стр. 514), М. А. Хегай (8, стр. 300) относят кальки к заимствованиям. Другие, — например, Л. П. Ефремов (9) и К. А. Левковская (10, стр. 87) — кальки заимствованиями не считают. «Кальки, — пишет Л. П. Ефремов, — занимают промежуточное положение между исконной и заимствованной лексикой. По способам и средствам своего образования, по звуковому и лексическому материалу они ничем не отличаются от исконных слов, но по источнику происхождения примыкают к заимствованиям» (9, стр. 25).

Исследователи придерживаются разных мнений и относительно того, что именно заимствуется при калькировании. К. А. Левковская видит в калькировании заимствование понятия (10, стр. 187), Н. Н. Амосова — этимологическую структуру (11, стр. 112), Л. А. Булаховский (5, стр. 111) и Н. М. Шанский (12, стр. 105) — морфологическую структуру и т. д.

По мнению Н. А. Баскакова (13, стр. 61) и И. А. Арнольд (14, стр. 214), кальки являются переводными заимствованиями.

Нам представляется более убедительной точка зрения исследователей, относящих кальки к заимствованиям, так как «заимствование — это „превращение чужого в свое“, но применительно к лексике, а калька — это то же самое „превращение чужого в свое“, но применительно к слово- или формообразованию» (15, стр. 61).

Нет еще и общепринятой единой классификации калек. Так, исследуя становление и развитие терминологии языков народов СССР, Н. А. Баскаков утверждает, что «кальки по своему характеру могут быть смысловые, т. е. не буквальные переводы, но переводы, передающие только значение данного термина, и структурно-смысловые, т. е. буквальные переводы, выражающие не только смысл, но и состав, а иногда и форму слова» (13, стр. 61).

М. А. Хегай выделяет полные кальки и полукальки (8, стр. 299). По мнению Л. А. Булаховского, кальки встречаются трех видов: морфологические, семантические и полукальки (5, стр. 124—127). Рассматривая русские кальки в польском языке, Р. М. Вайнтрауб выделяет четыре типа их: 1) словообразовательные, 2) семантические, 3) фразеологические, 4) полукальки (16, стр. 22—30). А по мнению В. В. Иванова, в китайском языке существуют три типа калек: 1) структурные, 2) этимологические, 3) семантические (17, стр. 149).

На наш взгляд, в узбекском языке можно выделить три вида языковых калек: 1) лексические, 2) фразеологические, 3) грамматические. Каждый из этих видов, в свою очередь, может иметь подвиды.

Лексические кальки. Лексическое калькирование рассматривается нами как один из способов перевода лексической единицы с русского языка на узбекский при отсутствии в последнем соответствующего эквивалента. Причем лексические кальки в узбекском языке можно подразделить на следующие подвиды: 1) семантические; 2) словообразовательные; 3) словообразовательные полукальки.

Семантическое калькирование предполагает употребление слов узбекского литературного языка по модели и образцу соответствующих слов русского языка, то есть «не буквальные переводы, но переводы, передающие только значение» (13, стр. 61). Иначе говоря, семантическое калькирование заключается в употреблении слова в языке-рецепторе в новых значениях по образцу употребления слова-прототипа в воздействующем языке. В семантической кальке заимствованным является смысл иноязычного слова, его значение. Само же слово по своему звучанию, материальному составу и словообразовательной структуре является исконно узбекским. Калькирование семантики чужих слов ведет к обогащению исконно узбекских слов новыми значениями. Так, например, узб. *майдон* 'площадь' первоначально имело значение «площадка возле дома с хозяйственными строениями». Однако под непосредственным влиянием русского слова «площадь» слово *майдон* приобрело следующие значения: 1) в геометрии, математике: «часть плоскости, заключенная внутри замкнутой геометрической фигуры», 2) «незастроенное большое и ровное место (в городе и селе), от которого расходятся улицы в разные стороны», 3) «пространство, предназначенное для какой-нибудь цели».

Под влиянием русского же слова «арена» узбекское *майдон* еще более расширило свою семантическую структуру: 1) «большая, круглая, площадка посредине цирка, на которой даются представления», например, *цирк майдонида* «на арене цирка», 2) перен. «поприще, область деятельности», например, *адабиёт майдонида* «на литературной арене».

Под влиянием спортивного термина «стадион» слово *майдон* приобретает еще одно значение — «сооружение со специально оборудованными площадками для спортивных состязаний, занятий и с трибунами для зрителей», например, *марказий «Пахтакор» спорт майдони* «центральный стадион «Пахтакор»» (ср. также *спорт майдончаси* «спортивная площадка»).

И, наконец, под влиянием физического термина «поле» слово *майдон* обобщается новым значением — «пространство, в пределах которого проявляется действие каких-нибудь сил», например, *магнит майдони* «магнитное поле» и т. п.

Таким образом, семантическое калькирование из русского языка ведет к развитию полисемии слов узбекского языка, что приводит к реализации потенциально заключенного в них самостоятельного смыслового развития.

Семантические калки в отличие от обычного перевода обязательно обозначают новые явления, предметы и понятия. Примеры семантических калек: *ғилдирак* «колесо»; *тарих ғилдираги* «колесо истории»; *қуролланиш* «вооружение»; *қуролланиш пойгаси* «голка вооружений»; *оқим* «течение»; *сиёсий оқим* «политическое течение»; *уй* «дом»; *дам олиш уйи* «дом отдыха»; *олимлар уйи* «дом ученых»; *кўрлик* «слепота»; *сиёсий кўрлик* «политическая слепота»; *кураш* «борьба»; *синфий кураш* «классовая борьба» и т. п.

Словообразовательные калки, по мнению А. А. Реформатского, возникают тогда, «когда иноязычный образец переводится по частям средствами своего языка» (18, стр. 198). В. В. Иванов считает, что словообразовательные калки «заимствуют структуру калькируемого термина языка-источника и дают буквальный перевод каждого структурного элемента калькируемого термина» (17, стр. 105).

На наш взгляд, следует принять определение, данное Н. А. Баскаковым: словообразовательные калки — это «буквальные переводы, выражающие не только смысл, но и состав, а иногда форму слова» (13, стр. 61).

При словообразовательном калькировании русские слова переводятся на узбекский поморфемно. Однако, при сопоставлении морфологической структуры калек с их русскими прототипами, обнаруживается, во-первых, разница в количестве морфем [например, в слове «самходный» содержатся пять морфем (*сам+о+ход+н+ый*), а в калке *ўзиюрар* (*ўзи+юр+ар*) три морфемы], во-вторых, разница в словообразовательных моделях (в приведенном примере калькируемое слово состоит из двух корней, соединительного *-о-*, суффикса и окончания, а калка — из двух корней и аффикса).

Кроме того, при анализе словообразовательного калькирования в узбекском языке необходимо учитывать особенности словообразования в русском и узбекском языках. Так, например, для русского языка характерно префиксальное словообразование, а в узбекском языке (кроме нескольких префиксов, заимствованных из персидско-таджикского языков) приставок нет, и, следовательно, невозможно образовать слова этим способом. При словообразовательном калькировании узбекская калка может вообще не соответствовать русскому источнику в струк-

турном плане: ср., например, «парник» (корень + суффикс) и *кўчатхона* (два корня: *кўчат* 'саженец' + *хона* 'комната'); «аптека» и *дорихона* (*дори* 'лекарство' + *хона* 'комната') и т. д.

Лишь в отдельных случаях калькируемое слово и калька целиком совпадают по структуре, например, «надстройка» (*над* + *строй* + *к* + *а*) и *устўурма* (*уст* + *қур* + *ма*) и т. п.

Таким образом, словообразовательное калькирование тесно связано с процессом словообразования. Поэтому языки с богатыми словообразовательными возможностями представляют собой наиболее благоприятную почву для распространения данного вида калькирования. Различия в прагматической и словообразовательной системах разных языков очень часто препятствуют точной передаче внутренней структуры моделей (ср. примеры со словами «самоходный» *ўзшорар*, с одной стороны, и «парник» *кўчатхона*, «аптека» *дорихона*, с другой). Калькирование, при котором внутренняя модель калькируемого слова адекватно передается во второй язык, является точным, а калькирование при котором внутренняя форма передается только приближенно — приблизительным (19, стр. 141—142). Например: а) точное калькирование: *кўпмиллатли* < «многонациональный», *кўрсаткич* < «указка», *бириктиргич* < «скрепка», *илғор* < «ударник», *ўқитувчи* < «учитель», *ўқувчи* < «ученик» и т. п.; б) приблизительное калькирование: *кўтаргич* < «подъемник», *сузгич* < «фильтр», *ўз-ўзини танқид* < «самокритика», *меҳнат куни* < «трудодень», *сайлов олди* < «предвыборный» и т. д.

Среди лексических калек можно выделить особую подгруппу словообразовательных полукалек.

Полукальки представляют собой гибридные слова, состоящие из исконных и заимствованных морфем. Л. А. Булаховский так характеризует их: «Полукальки представляют собой наполовину сохранение, наполовину перевод иноязычных слов на заимствующий язык» (5, стр. 127).

Словообразовательные полукальки занимают среди лексических калек вообще довольно большое место, способствуя обогащению узбекского языка новыми словами, умножению и активизации способов словообразования, а также сближению морфологических структур узбекского и русского языков.

В гибридных словах изменению подвергаются либо первая, либо вторая часть сложных (производных) слов:

а) иллюстрацией изменения первой части могут служить полукальки типа: *яримавтомат* < «полуавтомат», *яримфабрикат* < «полуфабрикат», *қизилармиячи* < «красногвардеец», *оқгвардиячи* < «белогвардеец» и т. п.

б) подверглась изменению вторая часть в следующих гибридных словах: *метроқурилиш* < «метрострой», *метроқурувчи* < «метростроитель», *авиамоторсозлик* < «авиамоторостроение», *авиамоделчи* < «авиамоделист», и т. д. Таким образом, в данной подгруппе полукалек можно выделить односоставные слова типа: *автоматлаштириш* (*автомат* — корень, *-лаштириш* — словообразовательный аффикс) < «автоматизация», *коллективлаштириш* < «коллективизация», *химиялаштириш* < «химизация», *электрлаштириш* < «электризация» и т. п.

Словообразовательные полукальки в большинстве случаев относятся к технической, общественно-политической терминологии.

Таким образом, лексические кальки, созданные по модели и семантике соответствующих русских лексических единиц, не противостоят способам словообразования узбекского языка и поэтому беспрепятственно функционируют в лексико-семантической системе узбекского литературного языка.

Фразеологические кальки. Некоторые исследователи относят к лексическому калькированию и фразеологическое калькирование (20, стр. 7).

Среди бытующих в настоящее время в узбекском литературном языке фразеологических оборотов заметное место занимают фразеологические кальки, образованные по русским моделям и образцам.

Фразеологические кальки образовались в узбекском литературном языке в результате буквального (пословного) перевода русских фразеологических оборотов, «крылатых выражений» и т. п. При этом фразеологические обороты различаются по степени их семантической слитности.

Среди существующих классификаций фразеологических оборотов наиболее распространенной является принадлежащая Н. М. Шанскому, творчески переработавшему классификацию В. В. Виноградова: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения (19, стр. 76). По мнению Н. М. Шанского, из упомянутых «первые две группы составляют семантически неделимые обороты. Они эквивалентны с точки зрения своего значения одному какому-нибудь слову или словосочетанию. Третья и четвертая группы, т. е. фразеологические сочетания и фразеологические выражения, представляют собой уже семантически членимые обороты. Их значение равнозначно семантике составляющих их компонентов» (19, стр. 76).

Благодаря наличию неразложимого семантического центра, фразеологические сращения и единства тяготеют к словам. Их компоненты полностью или частично утратили свою семантическую самостоятельность и автономию. Характерным для них является сильная семантическая спаянность, поэтому они почти не калькируются. Нам, например, не удалось обнаружить ни одной кальки русских фразеологических сращений и единств в узбекском литературном языке.

Однако фразеологические сочетания и выражения часто поддаются калькированию, так как они по характеру связей составляющих их слов, и общему значению близки к свободным словосочетаниям.

В большинстве случаев фразеологические кальки — устойчивые сочетания слов терминологического и квазитерминологического характера. Относятся они к различным терминологическим и семантическим областям: общественно-политической, производственной, технической и прочей терминологии. Известно, что составные термины в языке выполняют функцию наименования; однако, термины-словосочетания отличаются от терминов-слов обозначаемым объемом понятия. «В составных терминах, — утверждает А. Н. Кожин, — находит свое выражение сложный смысл, предопределяемый, формируемый семантикой слов-компонентов; такие наименования употребляются в тех случаях, когда возникает „словная недостаточность“, т. е. когда явление (понятие) не может быть определено с помощью слова» (21, стр. 74). При заимствовании явления (понятия), выраженного терминном-словосочетанием, в языке-рецепторе возникает такая же словная недостаточность и, естественно, такие сочетания слов только калькируются.

По способу образования фразеологические кальки ничем не отличаются от словообразовательных. Однако следует подчеркнуть, что фразеологические кальки появляются в языке-рецепторе для обозначения какого-либо нового понятия, предмета и т. д. Поэтому необходимо четко разграничивать их от исконных выражений (в том числе свободных). Например, такие сочетания слов узбекского языка, как *катта йўл* 'большая дорога', *чанг йўл* 'пыльная дорога' и т. п., никак нельзя отне-

сти к калькам. Примеры фразеологических калек: *давлат бошлиғи* <«глава государства», *қуrolланиш пойғаси* <«гонка вооружений», *таж-риба майдончаси* <«опытный участок», *сиёсий тўғарак* <«политический кружок», *сиёсий машғулот* <«политическое занятие» и т. п.

Устойчивые обороты, образованные по модели и образцу русских фразеологических оборотов, могут быть двучленными и многочленными (трехчленными, четырехчленными).

К двучленным фразеологическим калькам относятся: *Меҳнат қаҳ-рамони* <«герой труда», *Ватан уруши* <«Отечественная война», *бош-ланғич мактаб* <«начальная школа», *ўлчов бирлиғи* <«единица измерения», *тортимиш кучи* <«сила притяжения» и т. п.

К многочленным устойчивым оборотам относятся сочетания, состоящие не менее, чем из трех самостоятельных слов: *хизмат кўрсатган санъат арбоби* <«заслуженный деятель культуры», *хизмат кўрсатган фан арбоби* <«заслуженный деятель науки», *ҳисобат—сайлов мажлиси* <«отчетно-выборное собрание» и т. п.

Среди этой подгруппы калек можно выделить кальки-пословицы и кальки-поговорки, образованные по русским образцам и моделям: *Биз-нинг кўчада ҳам байрам бўлади* <«Будет и на нашей улице праздник»; *Бўрини бури бўлгани учун эмас, қўйни егани учун урадилар* <«Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел»; *Жон берсанг ҳам, сир берма* <«Жизнь отдавай, а тайны не выдавай»; *Шайтон одамлар тасвир қилганидек ваҳимали эмас* <«Не так страшен черт, как его малюют»; *Тиз чўкиб яшагунча, тик туриб ўлмоқ аҳши* <«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» и т. п.

Среди фразеологических калек узбекского языка, образованных по модели соответствующих русских устойчивых оборотов, можно выделить и фразеологические полукальки, включающие «свой» и «чужие» структурные элементы. Иначе говоря, фразеологическая полукалька «проявляется тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода» (19, стр. 146). Фразеологические полукальки также могут быть двух- или многочленными.

Двучленными фразеологическими полукальками являются: *атмос-фера босими* <«атмосферное давление», *декоратив ўсимликлар* <«декоративные растения», *социалистик қурилиш* <«социалистическое строительство», *космик кема* <«космический корабль», *социалистик мусоба-қа* <«социалистическое соревнование» и т. д.

К фразеологическим полукалькам относятся: *социалистик қишлоқ хўжалиғи* <«социалистическое сельское хозяйство», *жаҳон социалистик системаси* <«мировая система социализма», *ёзги меҳнат семестри* <«летний трудовой семестр», *партиянинг раҳбарлик роли* <«руководящая роль партии» и т. п.

Таким образом, фразеологические кальки, передающие внутреннюю форму и структуру русских устойчивых словосочетаний, не вступают в конфликт с моделями сочетания слов в узбекском языке. По форме фразеологические обороты ничем не отличаются от свободных словосочетаний узбекского языка, и правомерно было бы предположить, что такие словосочетания могли быть образованы в узбекском языке независимо от влияния русского языка. Однако это не так. Поскольку понятия, выраженные этими словами, впервые нашли свое лексическое выражение в русском языке, влияние его здесь бесспорно, и поэтому следует считать их фразеологическими кальками соответствующих русских устойчивых оборотов.

Грамматические кальки. Вопросы грамматического калькирования (влияние русского языка в области морфологии и синтаксиса) до на-

стоящего времени не были предметом специального исследования в узбекском языкознании, хотя в отдельных работах и упоминались (см., например, 22, стр. 18).

В узбекском литературном языке грамматических калек значительно меньше, чем лексических и фразеологических. Это связано, по-видимому, с тем, что степень системной организованности морфологического и синтаксического уровней любого языка значительно больше, нежели лексики, и поэтому синтаксическая, а тем более морфологическая структура узбекского языка подвергается меньшему воздействию русского языка.

В лингвистической литературе часто встречаются работы, посвященные относительной устойчивости морфологической системы языка против внешнего влияния (23, стр. 204—224; 24, стр. 225—236).

Однако в настоящее время не приходится сомневаться в том, что «несмотря на колоссальную устойчивость словоизменительных элементов, структурная модель языка может в значительной своей части складываться по образцу структурной модели другого языка» (23, стр. 216) и, что длительное контактирование языков обязательно приведет и к морфологическому взаимопроникновению.

По мнению Н. А. Баскакова, в результате тюркско-русских языковых контактов в некоторых тюркских языках происходят значительные типологические изменения и в области морфологий. Из морфологических явлений, характеризующих воздействие активного из взаимодействующих языков, он отмечает прежде всего повышение продуктивности аффиксов словообразования и роли словосложения в образовании новых слов, превращение послелогов в падежные аффиксы, изменение значений послелогов и аффиксов, возникновение новых форм словообразования и словоизменения, увеличение продуктивности некоторых словообразовательных моделей, расширение значений падежных форм, утверждение новых норм управления падежами для некоторых глагольных основ и т. д. (25, стр. 79—80).

В узбекском языке количество синтаксических калек, образованных по модели и образцу русских словосочетаний и предложений, довольно значительно, хотя и меньше количества лексических и фразеологических калек, ибо «синтаксический строй языка является одним из наиболее проницаемых уровней» (26, стр. 225) после лексики и фразеологии.

Н. А. Баскаков отмечает, что наиболее заметные типологические изменения и сдвиги произошли в синтаксисе тюркских языков. Расширение общественных функций языка, развитие художественной, общественно-политической, научной литературы, многообразие форм использования литературного языка в общественной жизни республики, развитие сценической речи, языка средств массовой информации способствовали реализации широких потенциальных возможностей тюркских языков, как тех, что были свойственны их природе, так и тех, что возникли под влиянием внешних импульсов и, в частности, синтаксических норм русского языка (27, стр. 270—271).

В ряде исследований влияние одного языка на другой справедливо связывается с проблемой билингвизма¹. Однако, следует отметить, что немалую роль в этом процессе играют переводы общественно-политической, художественной, публицистической, научно-технической литературы с русского языка на узбекский. Именно в процессе перевода чаще всего прибегают к калькированию, так как «структурные модели языка могут легко калькироваться, создаваться одним языком по образцу другого языка» (23, стр. 215).

¹ См., например, сборник «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972.

Итак, синтаксическое калькирование — это влияние русского языка на узбекский на синтаксическом уровне. Кальки в области синтаксиса являются прежде всего имитацией синтаксической структуры русских словосочетаний и предложений, а также типов связей в них.

Например, под влиянием русского языка в узбекском языке, в его различных стилях (в частности, в публицистике, в периодической печати) стали все чаще появляться предложения по модели русских синтаксических конструкций с опущенным сказуемым, что, однако, не затрудняет понимание смысла высказывания: *Партия — галаба байроғи* < «Партия — знамя победы»; *Қизил Армия — озодлик армияси* < «Красная Армия — армия свободы»; *Беийилликни — тўрт йилда* < «Пятилетку — в четыре года»; *Галла — дазлатга* < «Хлеб — государству»; *Бутун куч ва билимиз — қишлоқ хўжалигига* < «Все силы и знания — сельскому хозяйству»; *Галаба — фронтда қон билан, мамлакат ичкарасида — тер билан* < «Победа — на фронте кровью, а в тылу — потом» и т. д. Употребление таких конструкций — новое явление в грамматике узбекского языка. Это, несомненно, синтаксические кальки, образованные по русскому образцу.

Русское влияние на строй простого предложения в узбекском языке проявляется также в свободном порядке расположения членов предложения. Как известно, в тюркских языках существует строгий порядок следования главного и зависимого членов предложения (например, определение — перед определяемым, дополнение — перед сказуемым и т. д.). Под влиянием русского синтаксиса в узбекском языке предложение начало строиться более свободно (28, стр. 394). Подобные явления специалисты отмечают и в других тюркских языках (см., например, 26, стр. 230).

Узбекский литературный язык перенимает из русского языка различные синтаксические модели обособленных простых предложений с различными оборотами (деепричастным, сравнительным и т. п.), главными и второстепенными членами (подлежащим, сказуемым, определением и др.), однородными членами и т. д. Такие синтаксические конструкции, на наш взгляд, тоже можно считать синтаксическими кальками.

Кроме того, в сфере простого предложения копируются нижеследующие синтаксические модели русских предложений:

а) простое предложение, осложненное вводными словами: *Менинг фикримча, ўғлинг икки йилдан кейин шу ернинг ўзида ҳам йилига 40—50 танга тополдиган бўлиб қолади* (С. Айний) 'По моему мнению, твой сын через год-два на этой самой земле сможет каждый год наживать 40—50 танга'; *Аброр, эҳтимол, адашиб қолгандир* 'Аброр, возможно, заблудился';

б) простое предложение, осложненное вводной фразой: *Кечаси бирдан, мен шу вақт ишлаб ўтирган эдим, дарвози тақиллади* (27, стр. 257—258) 'Ночью вдруг, я в это время работал, постучали в ворота';

в) простое предложение, осложненное обособленными дополнениями: *Унсун учун, бечора қиз учун, бу қандай муҳими мотом!* (Ойбек) 'Как ужасна эта печаль для Унсун, для (этой) несчастной девушки';

г) простое предложение, осложненное определением: *Биз, ёши улуглар, йиғилишиб шу тўғрида маслаҳат қилишдик* (М. Горький) 'Мы, старики, собрались и устроили совет по этому поводу';

д) простое предложение, осложненное обособленным обстоятельством: *Мана сиз ҳам, ўз кучингизга яраша, шу ишга киришингиз* (Айний) 'Вот и вы, в меру ваших сил, принялись за эту работу'.

По мнению специалистов, под влиянием русского синтаксиса в узбекском языке расширились функции всех типов и видов сложных предложений, появились их новые виды и типы (в частности, осложненные

сложные предложения), стали употребляться назывные предложения, слова-предложения, хотя ранее и существовавшие в узбекском языке, но мало распространенные (29, стр. 33).

Таким образом, влияние русского языка способствовало расширению общественных функций узбекского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, ч. I.
2. Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности народов СССР. — «Вопросы языкознания», 1952, № 3.
3. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова. Справочник лингвистических терминов. М., 1972.
4. С. Булич. Заимствованные слова и их значение для развития языка. — Отдельный оттиск из «РФВ», Варшава, 1886.
5. Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. М., 1953, ч. II.
6. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965.
7. Л. Блумфилд. Язык. М., 1968.
8. М. А. Хегай. К понятию калки. — «Ученые записки Ташкентского ГПИ им. Низами», Ташкент, 1964, т. 45, вып. 3.
9. Л. П. Ефремов. Калькирование и его отличие от заимствования. — «Известия АН Казахской ССР, СФИ», Алма-Ата, 1960, вып. I.
10. К. А. Левковская. Лексикология немецкого языка. М., 1956.
11. Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава английского языка. М., 1956.
12. Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
13. Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. — В кн.: «Вопросы терминологии», М., 1961.
14. И. А. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959.
15. Е. М. Верещагин. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
16. Р. М. Вайнтрауб. Калки русского происхождения в польском литературном языке. — В кн.: «Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка в педвузах», Ташкент, 1976.
17. В. В. Иванов. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М., 1973.
18. А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1967.
19. Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1969.
20. А. К. Палий. Калькирование как вид языкового влияния (на основе взаимоотношений молдавского и русского языков). Автореф. канд. дисс., Кишинев, 1980.
21. А. Н. Кожин. Термины-слова и термины-«фразеологизмы». — В кн.: «Вопросы фразеологии». Труды Самаркандского Госуниверситета им. Навои. Новая серия. Самарканд, 1970, вып. 178.
22. А. Г. Гулямов. Развитие узбекского литературного языка в советский период. — «Известия АН Узбекской ССР», Ташкент, 1948, № 5.
23. Б. А. Серебренников. Об устойчивости морфологической системы языка. — В кн.: «Вопросы теории и истории языка», М., 1952.
24. В. С. Расторгуева. Об устойчивости морфологической системы языка (по материалам северных таджикских говоров). — В кн.: «Вопросы теории и истории языка», М., 1952.
25. Н. А. Баскаков. Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков). — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия», М., 1972.
26. К. М. Мусаев. Общепонимание двуязычие и синтаксис родного языка. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия», М., 1972.
27. Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.
28. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960.
29. И. У. Асфандияров. Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма. Ташкент, 1982.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. СТЕБЛЕВА

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО БАБУРА

(К 500-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Литературная деятельность Захираддина Мухаммада Бабура (1483—1530) относится к первой трети XVI века, то есть к эпохе расцвета классической тюркоязычной литературы Средней Азии, начавшегося со второй половины XV века. В истории развития тюркоязычных литератур это было время, когда завершилась и особенно отчетливо проявилась консолидация всех составных частей и элементов новой эстетической системы, базировавшейся на достижениях мусульманской культуры. Теоретическую основу классической тюркоязычной поэзии составляла арабо-персидская теория метров, рифмы и поэтических фигур, начавшая проникать в тюркоязычную среду с XI века (возможно, и несколько ранее), и во времена Бабура уже не осознававшаяся как совершенно чужеродная. На этом сложном пути становления в тюркоязычной поэзии поэтики, первоначально разработанной на иной языковой почве, творчество Бабура должно быть признано вершиной поэтического искусства того времени, ибо высокое техническое мастерство сочетается в нем с непринужденной естественностью языка — среднеазиатского тюрки — языка письменной литературы Средней Азии (в его поэтическом варианте).

Следует сказать, что литературное, особенно поэтическое творчество Бабура до сих пор изучалось явно недостаточно. В настоящее время о нем имеются только небольшие работы, в основном статьи, предисловия к изданиям его стихов и упоминания о его поэзии в различных учебниках и энциклопедиях, где, как правило, пересказываются одни и те же суждения. Нами поэзии Бабура была посвящена специальная монография «Семантика газелей Бабура»¹, дополнением к которой и является данная статья.

Бакур прожил короткую жизнь (он родился 6 мухаррама 888 г. х. — 14 февраля 1483 г., а умер 6 джумада I 937 г. х. — 26 декабря 1530 г.) и поэтому оставил после себя сравнительно небольшое поэтическое наследие. Жизнь его далеко не была спокойной: он вел междоусобную борьбу за сохранение своей власти в Ферганском уделе государства Тимуридов в Мавераннахре, унаследованном им от отца, Омар Шейха; воевал с предводителем кочевых узбеков Шейбани-ханом, вытеснившим Бабура из родной Ферганы в Кабул; был одолеваем многочисленными

¹ И. В. Стеблева. Семантика газелей Бабура. М., 1982.

заботами по управлению огромным после завоевания Кабула (1504 г.) и Северной Индии (1526 г.) государством².

Будучи человеком разносторонне образованным и весьма деятельным, Бабур, помимо военных и государственных дел, находил время еще и для литературных и научных занятий. Он написал прозаическое сочинение мемуарного жанра «Бабур-наме», сочинение по теории стиха «Трактат об арузе» и кратко изложил в стихотворной форме фикх (мусульманское право) в произведении «Мубаййан» («Мубаййин»), изобрел новый алфавит «хатт-и бабури» («Бабурово лисьмо»), перевел с персидского языка на тюркский суфийский трактат Ходжи Ахрара «Рисала-йи Валидийа».

В настоящее время в научном обиходе имеются три рукописи поэтических произведений Бабура. Одна из них — парижская, хранится во французской Национальной библиотеке³. Текст этой рукописи был издан академиком А. Н. Самойловичем в 1917 году⁴. Другая рукопись, стамбульская, находится в библиотеке Стамбульского университета⁵, ее текст опубликовал в 1915 году М. Ф. Кёпрюлю-заде⁶. Кроме того в упоминавшейся публикации А. Н. Самойлович переиздал рампурскую рукопись, хранящуюся в частном собрании в Индии, с издания Э. Денисона Росса, осуществленного в Калькутте в 1910 году⁷. Все три рукописи различны по составу. По определению А. Н. Самойловича, парижская рукопись содержит стихи Бабура, относящиеся к «туркестанскому» и «афганистанскому» периодам его жизни, а рампурская сборник — к «индийскому»⁸. В стамбульской же рукописи, более полной по составу, содержатся стихи, связанные со всеми периодами жизни Бабура, и в ней раздел газелей завершается той единственной законченной газелью, которая имеется в рампурском сборнике.

По «Бабур-наме» можно датировать появление первой законченной газели Бабура — лето 1502 года. Последняя газель Бабура, относящаяся к индийскому этапу его биографии, появилась, по-видимому, между годом завоевания Северной Индии — 1526 и годом составления рампурского сборника — 1528, на котором имеется автограф самого Бабура (935 г. х.). Судя по опубликованным рукописям Бабур с 1502 по 1528 год написал 119 газелей (не исключено, конечно, что могут быть обнаружены новые рукописи, которые внесут поправку в это число). В свое время А. Н. Самойлович обратил внимание на то, что стихи Бабура в парижской рукописи расположены не в алфавитном порядке рифм, как это обычно было принято делать при составлении диванов, и высказал в связи с этим предположение, что газели расположены в хронологическом порядке их написания. Это подтверждается и газелями, упомянутыми в «Бабур-наме». В том же порядке (с некоторыми перестановками) расположены газели и в стамбульской рукописи.

Издания М. Ф. Кёпрюлю и А. Н. Самойловича легли в основу всех последующих публикаций лирических стихов Бабура и их переводов.

² О Бабуре как историческом деятеле см. работы: С. А. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957; *её же*. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977.

³ Bibliothèque Nationale, Suppl. turc, 1230.

⁴ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. 1; Текст. Пг., 1917.

⁵ İstanbul Universitesi kütüphanesi, T 3743.

⁶ М. Ф. Кёпрюлю-заде. «Babur Şah'ın şiirleri». — «Milli tettebbüler mecmuası», cild. 1—2, İstanbul, 1331 (h.).

⁷ E. Denison Ross. A Collection of Poems by Emperor Babur. — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal». Vol. VI, Extra No, Calcutta, 1910.

⁸ А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 7, 9.

Газели Бабура невелики по объему: большая часть их состоит из пяти бейтов; некоторые газели (таких, правда, мало) не имеют заключительного бейта — *макта*, обычно включающего *тахаллус* — поэтическое имя автора. Написаны газели самыми различными поэтическими размерами, среди которых на первом месте стоит *рамал*, затем — *хазадж*; рифма соответствует нормативам арабо-персидской поэтики с некоторой ее модификацией, ориентированной на специфику тюркского языка. Половина газелей обладает редифом, который служит дополнительным, кроме рифмы, средством звуковой организации стиха. Газели Бабура содержат разнообразные поэтические фигуры, однако искусное владение ими никогда не было для Бабура самоцелью, — все они подчинены раскрытию смыслового содержания газелей. Особенности образной системы газелей Бабура, во многом характерные для всей газельной лирики классической тюркоязычной поэзии, отражают различные аспекты построения поэтического мира, вступающего в сложные взаимоотношения с действительностью.

Многие газели Бабура посвящены не столько традиционной теме изображения красоты возлюбленной и любовных переживаний влюбленного, сколько описанию его жалоб на жизненные невзгоды и удары судьбы. Сопоставление содержания газелей с биографическими сведениями из «Бабур-наме» обнаруживает отражение поэтических переживаний вполне конкретных событий, хотя прямо о них и не говорится, ибо это было бы нарушением традиции жанра. Вместе с тем трудная, полная превратностей судьбы жизнь Бабура создавала реальную почву для жалоб лирического героя его газелей на горестную разлуку, которая представляется ему неизбежной, на снедающие его тоску и печаль, на отсутствие доброты у окружающих его людей. Особенности развития содержания ряда газелей Бабура показывают несомненную связь их с подлинными событиями жизни поэта. Подтверждается это теми реалиями и спецификой трактовки образов, которые представляются наименее традиционными.

О существенной связи между содержанием газелей и биографией поэта свидетельствуют и географические названия, которые в стихах Бабура неизменно конкретны и реальны. Так в газели, включенной в рампурский сборник, относящийся к последнему, индийскому периоду жизни Бабура, имеется упоминание об Индии:

- (1) Yurbatta ol aj haʒri meni pīr qylybtur
Hiʒrān bila yurbat māngā taʾθir qylybtur
- (2) Maqdūr baryča qyluram saʾj-i višālyng
Tā tengrini bilmān kā ne tēqdīr qylybtur
- (3) Taqdīrdur ol jan-u bu jan salyučy joqsa
Kimgā havas-i sunbul-u tatjir qylybtur
- (4) Bu Hind jeri hāsīlīdīn kōp kōngül aldym
Nā sūd kā bu jer meni takdīr qylybtur
- (5) Sendin bu qadar qaldy jyraq ölmādi Bābur
Maʾdur tut āj jār kā taqsir qylybtur⁹.

- (1) На чужбине разлука с этой луной состарила меня.
Разлука и чужбина оказали на меня влияние.
- (2) Сколько предназначено (суждено), я усердствую ради свидания с тобой.
С тех пор я не разумею бога, ибо что за судьбу он [мне] определил
(букв. сделал)!
- (3) Эта судьба направляет (посылает) [то] в ту сторону,
[то] в эту сторону, [а] иначе
Она на кого-нибудь насыляет страсть к гиацингу (т. е. локонам).

⁹ А. Н. Самойлович. Указ. изд. стр. 80 (в арабской тагинации), № 227.

- (4) Из урожая этой индийской земли я взял много сердец,
[Но] что за польза, ведь эта земля привела меня к унынию (или: мне надоела).
- (5) Так далеко от тебя остался и не умер Бабур,
Прости, друг, что он так провинился¹.

Газель начинается традиционным мотивом жалобы лирического героя на разлуку с идеалом любви, обозначенным метафорой «эта луна». Этот мотив имеет интересный смысловой поворот — признание лирического героя в том, что «разлука», причиной которой является его пребывание «на чужбине», его «состарила». Невозможность встречи с идеалом любви обусловлена в этой газели исключительно пребыванием лирического героя на чужбине, причем не по своей воле, а по велению судьбы. Связь понятий «чужбина» и «судьба» в данном случае не только определила развитие содержания газели, но была главной целью ее создания. Складывается впечатление, что автор газели стремился не столько поведать о традиционных взаимоотношениях влюбленного и возлюбленной, сколько рассказать о своей собственной судьбе, обрекшей его на постоянное пребывание на «чужбине»: Бабур всегда и особенно в последние годы жизни тосковал по оставленной Фергане.

Газели Бабура отличаются отсутствием излишней украшенности формы, когда традиционные красоты стиля становятся важнее смысла сказанного. Это особенно заметно в газелях, в которых как бы существует второй план содержания: сквозь описания любовных переживаний лирического героя проступает личное настроение автора. В газелях Бабура имеется немало включенных в традиционное содержание бейтов, которые с известной долей вероятности поддаются трактовке в связи с фактами биографии поэта, особенно с приведенными в «Бабур-наме». Конечно, в газелях Бабура современная ему действительность отражена настолько, насколько это было возможно сделать в то время, не нарушая эстетических норм классической тюркоязычной поэзии. Вместе с тем они свидетельствуют о незаурядной личности автора, сумевшего многое сказать о себе, несмотря на традиционность содержания газелей¹⁰.

В поэтическое наследие Бабура помимо газелей входит более двухсот *рубаи*, *тугозов* и *кыта*, небольшое количество коротких *месневи* и *фардов*. Эти произведения малых форм тематически неразрывно связаны с газелями автора. Кроме того, и в них прослеживается мотив разлуки, связанный с мотивами чужбины, скитаний, жизненной неустроенности автора.

Понятие «чужбина» для Бабура, в свете его скитальческой биографии, всегда наполнено конкретным смыслом, ибо он волею обстоятельств, оказывался со временем все дальше и дальше от родных мест, к которым был искренне привязан, о чем он неоднократно писал. Поэтому мотив «чужбины» и связанные с ним мотивы скитаний, разлуки, в творчестве Бабура, как ни у кого другого, выразительны и всегда исполнены горечи и сожаления. Например, в рубаи, написанном в 1502 году, когда Бабур под натиском войск Шайбани-хана потерял Ферганский удел и стал искать помощи у своего дяди хана Султан Махмуда, правителя Ташкента, говорится:

Jād etmās emiš kişini yurbatta kişi
Şād etmās emiš köngülün mihnattā kişi
Könglüm bu yarıblyqda şād olmady āb
Yurbatda sevünmās emiş albatta kişi¹¹.

¹⁰ См. подробнее об этом: И. В. Стеблева. Указ. раб.

¹¹ А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 43, № 102.

‘На чужбине человек не вспоминает человека,
В заботе человек не веселит свое сердце.
Ох, не было весело мое сердце на чужбине,
Конечно, человек не радуется на чужбине’.

В другом рубай мы находим такие строки:

Kābulda iqāmat etti Bābur dersiz
Andaḡ demāngizlār kā muqim ermāsmen¹².

‘Вы говорите, что Бабур поселился в Кабуле.
Не говорите так, потому что я не постоянный житель [здесь]’.

Этот бейт написан после завоевания Бабуrom Кабула в 1504 году, когда он уже стал правителем Кабульского удела государства Тимуридов. А в рубай, входящем в состав рампурского сборника, снова обнаруживаем мотив разлуки и тоски по покинутым местам:

Āj bād-i šabā ājlā Xorāsānya gubār
Mendin degil ol jār-i parišāya xabar¹³.

‘О легкий ветерок, отправься в Хорасан,
Передай от меня весть той возлюбленной с разметающимися
[кудрями]’.

Наряду с тематической связью газели образуют с малыми поэтическими жанрами единое целое, благодаря единству образной системы: помимо повторяющихся мотивов, используются сквозные образы, иногда с некоторой вариацией в пределах, допустимых традицией. Поэтому поэтическое творчество Бабура поражает своей цельностью, взаимосвязанностью всех своих компонентов.

Поэтическая техника рубай Бабура очень высока, но особенно виртуозными являются его *туюги* — специфически тюркская поэтическая форма, не встречающаяся ни в арабской, ни в персидской литературах. В немногочисленных туюгах Бабура также повторяется мотив чужбины:

(1) Zānya saldy dahr yurbat nāryny
Köz jaşym beldy moʻyulnyng Naryny

(2) Bu arada men degāndek bolmasa
Közlāj Ysyū köl-i andyn naryny¹⁴.

(1) ‘Время загло душу огнем чужбины.
Мои слезы стали могольским Нарыном’.

(2) ‘А если бы не было так, как я говорю,
Направился бы я на Иссык-Куль и далее него’.

Во всех туюгах Бабура выдержаны формальные особенности, специфичные для этой формы (метр рамал, рифмовка по типу рубай или кыта). Главную особенность жанра туюг, отличающую его от других форм, таких как рубай или кыта, составляет помимо метра, обязательное наличие в рифме слов-омонимов. В процитированном туюге рифма включает следующие слова-омонимы: نارينى (слово نار ‘огонь’ с аффиксальными окончаниями) — نارينى (название реки نارين «Нарын» с аффиксом) — نارينى (слово نارى ‘по ту сторону, дальше’ с аффиксом). Арабо-персидская теория поэтических фигур, используемая во всех жанрах классической тюркоязычной поэзии, располагает фигурами, употребляемыми также при написании туюгов: это *таджнис-и тамм* («полный таджнис»), *таджнис-и мураккаб* («составной таджнис») и *таджнис-и хатт* («графический таджнис»). Процитированный выше туюг включает поэтическую фигуру *таджнис-и тамм* («пол-

¹² А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 45, № 109.

¹³ Там же, стр. 81, № 234.

¹⁴ Там же, стр. 57, № 192.

ный таджнис»). Одна из особенностей туюгов Бабура — употребление слов-омонимов в редифе¹⁵.

В своих газелях Бабур часто прибегает к традиционному сравнению лица красавицы с розой, но во всех случаях оно получает дополнительные смысловые оттенки, которые вовлекаются посредством сопоставлений и противопоставлений в построение всей образной системы той или иной газели. Например, в одном из бейтов говорится:

Engi mengi aj-u dāyū jūzi sözi gul-u mul¹⁶.

‘Ее подбородок, ее родинка — луна и пятно [на ней],
ее лицо, ее речь — роза и вино’.

В этом примере сравнение лица с розой сочетается с другими сравнениями, что создает определенный взаимосвязанный и ассоциативный ряд: подбородок красавицы сравнивается с луной, потому что он круглый и светлый (даже сияющий), родинка также круглая, но темная — это пятно на луне; лицо красавицы, сравниваемое с розой, тоже круглое, но розовое (или румяно-алое) ее речь — пьянящая, как вино, которое традиционно бывает или розовым, или алым (красным).

В другом примере лицо красавицы также сравнивается с розой, но набор сопровождающих сопоставлений не повторяет прежний:

Gahī guldek jūzini ol šakar sözlükni yslasam
Gahī šakar kibi ol jūzi gulning la'ly:lyn tatsam!¹⁷

‘Порой я обонял бы подобное розе лицо этой сладкоречивой,
Порой я отвеживал бы сладких, как сахар, рубинов [губ] этой розоликой’.

Сравнение лица возлюбленной в первом полустишии с розой дает основание для употребления эпитета «розоликая» во втором полустишии. В свою очередь эпитет «сладкоречивая» первого полустишия подкрепляется сравнением «рубинов» (губ) с сахаром во втором полустишии.

Метафорическое обозначение губ красавицы рубинами также традиционно, однако эта метафора в разных бейтах используется по-разному:

La'ly majgūn sözi mul közi xumārymny mu dej¹⁸.

‘Рассказать ли о моей [любимой], у которой рубины [губ] —
красное вино, речь — вино, глаза — хмельные?’.

Здесь, как и в первом примере, важное значение имеет указание на цвет, но сравнение «рубинов» (губ красавицы) с красным вином сделано не столько для того, чтобы еще раз подчеркнуть их цвет, сколько затем, чтобы сказать, как они пьянящи. Так же опьяняючи речь красавицы и ее хмельные, томные глаза. Во втором примере «рубины» (губы) не пьянящие, а «сладкие», как сахар, так же как сладка, а не пьяняща, и речь красавицы. Таким образом, с помощью нюансировки традиционных образов Бабуру удастся избежать монотонности и однообразия. Вместе с тем, именно повторение традиционных образов, рассчитанное на устоявшиеся и привычные представления поэта и его читателя или слушателя о том, что и с чем может сравниваться, создает дополнительные возможности и для реализации образной системы, поскольку поэт может миновать первоначальный аспект сопоставления определен-

¹⁵ Подробнее о туюге см.: И. В. Стеблива. К вопросу о происхождении жанра туюг. — «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 135—147.

¹⁶ А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 9, № 19.

¹⁷ Там же, стр. 40, № 89.

¹⁸ Там же, стр. 30, № 67.

ных предметов и понятий, и обратиться к более высокому уровню их сопоставления. Так, употребляя понятие «рубины», не обязательно пояснять, что речь идет о губах красавицы, ибо читателю эта традиционная метафора хорошо известна. Гораздо важнее и технически сложнее развить эту метафору, что и делает Бабур в каждом подобном случае. Отсюда богатство и разнообразие образной системы поэтических произведений Бабура и закономерная ее целостность.

Кроме часто повторяющихся, «сквозных» образов в поэзии Бабура встречаются и разработанные им менее традиционные. Например, только в одной из 119 дошедших до нас газелей Бабура дан редкий образ осеннего листа:

- (1) Xazān japrāy janglīy gul jüzūng hažyda saryardym
Körüb rahm ājlāgil āj lālāru bu çahra-i zardym
- (2) Sen āj gul qojmadyng sarkašlyyngy sarvdek hargiz
Ajayngya tüşüb barg-i xazāndek munça jalbardym
- (3) Latāfat gulšanyda gul kibi sen sabz-u xurram qal
Men ārcā dahr bāydydın xazān japrāydek bardym
- (4) Xazāndek qan jašym saryy jüzümdin el tanaffurda
Ba har rangi bihamdullah ulusdyn özni qıtqardym
- (5) Ne tāli'dur mārğā kim axtar-i baxtym tapylmady
Falak avrāqyny har neçā kim dafterdek axtardym
- (6) Ulusnyng ta'n-u ta'rifi māngā Bābur barābardur
Bu 'ālamda özünni çün jaman jaxşydy. ötkärdim¹⁹.

- (1) В разлуке с твоим розовым лицом я пожелтел, словно осенний лист.
Взгляни и пожалей, о тюльпанолюбая, это мое желтое лицо.
- (2) Ты, о роза, никогда, словно кипарис, не оставляла свою непреклонность.
Я [же] столько умолял, упав к твоим ногам, словно осенний лист.
- (3) Оставайся цветущей и свежей, как роза, в цветнике изящества,
Хотя я ушел из сада [этого] времени, словно осенний лист.
- (4) Люди в отвращении от моих, словно осень, кроваво-[красных] слез
и желтого лица.
Любим цветом (способом), [а] я, слава богу, избавил себя от людей.
- (5) Что за судьба у меня, если звезда моего счастья не нашлась.
Сколько я ни перебирал, словно тетрадь, листы небес.
- (6) О Бабур, укоры и похвалы людей для меня равны,
Ибо в этом мире я заставил себя пройти через дурное и хорошее¹.

В основе развития содержания этой газели лежит представление автора об осеннем листе, и все образы, употребленные в ней, так или иначе связаны с понятием и зрительным образом конкретного предмета — осеннего листа. Это понятие обусловило все повороты мысли автора и повлекло за собой прямые сравнения с осенним листом, в ассоциативной связи с ним и в противопоставление ему. Первое сравнение: «я пожелтел, словно осенний лист» (первый бейт) основано на наблюдении: осенний лист — желтый. Во втором бейте появляется ассоциативное сравнение упавшего к ногам красавицы, умоляющего героя с опавшим осенним листом.

Образ осеннего листа повторяется и в третьем бейте: лирический герой «ушел из сада [этого] времени», словно опавший «осенний лист».

Кроме прямой и ассоциативной связи зрительного образа осеннего листа с состоянием лирического героя, Бабур развил дальше найденные им образные сопоставления. В четвертом бейте для изображения страдающего лирического героя используется уже не один осенний лист, а характерные краски осени: «кроваво-[красные] слезы и желтое лицо».

¹⁹ А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 13—14. № 29.

В пятом бейте зрительный образ осеннего листа служит ассоциативным поводом для привлечения образа «листы небес» (согласно традиционному представлению мусульманской космогонии, небо состоит из семи рядов или слоев).

Если лирический герой — влюбленный — в газелях обычно обречен на страдания, тоску, слезы, то его возлюбленная (красавица) по традиции окружена красотой, пребывает в благополучии и довольстве. И в данной газели сравнению лирического героя с осенним листом противопоставлено сравнение возлюбленной (красавицы) с розой и тюльпаном (первый, второй и третий бейты)²⁰.

Эта же антитеза: роза — осенний лист, создающая цветовой эффект, использована Бабуrom еще раз, в фарде, где основным также является образ осеннего листа (второй и последний из известных нам случаев создания такого образа):

Tutmayyl äj gul ravā kim 'išqıng içrā bir yarib
Jergā baş qoյaj hazān jarayy janglyy saryaryb²¹.

‘О роза, не допускай, чтобы в любви к тебе один скиталец
Склонил голову до земли, пожелтев, как осенний лист!’

В этом фарде (то есть в единичном бейте) одновременно реализуются два аспекта образа осеннего листа: лирический герой уподобляется, во-первых, желтому осеннему листу («пожелтев, как осенний лист») и тем самым противопоставляется «розе» (метафорическое обозначение возлюбленной), и, во-вторых, опавшему осеннему листу («склонил голову до земли»).

Примечательно, что газель и фард, построенные на образе осеннего листа, написаны разными размерами. В газели употреблен *хазадж-и мусамман-и салим* по формуле: *мафā'йлун мафā'йлун мафā'йлун мафā'йлун*; в фарде — *рамал-и мусамман-и максур* по формуле: *фā'илātун фā'илātун фā'илātун фā'илān (фā'йлāt)*. Выбор метра *хазадж* в газели, безусловно, определен ритмической конфигурацией словосочетания *хазān jarayy* (— — — I —) и т. д., которое легко уложилось в схему правильной (или полной) стопы хазаджа. Если поэт решил начать газель данными словами, то, естественно, он должен был избрать этот метр, — семантика образа повлияла на выбор метра. В фарде же ритмическая конфигурация словосочетания *хазān jarayy*, давшая в газели основание для первой правильной (или полной) стопы хазаджа, использована так, что укладывается в схемы второй и начала третьей стопы *рамала*: *jergā baş qoյaj hazān jarayy* (— — — I — — — I —) и т. д.

Если предположить, что Бабур написал фард позднее газели, то, по-видимому, следует полагать, что он просто вернулся к зрительному представлению и понятию осеннего листа, привлекаемому его внимание возможностями построения нужного ему образа. Если же допустить, что данный фард был написан ранее или приблизительно в одно время с газелью, то это можно рассматривать как творческий поиск оптимального соответствия смысла образа, метра произведения и конкретизированной в этой газели темы жанра.

Как многие образованные люди своего времени, Бабур был двуязычным автором: писал и на тюркском, и на персидском языках. Ему принадлежат несколько персидских рубай и фардов в рамপুরском сборнике (парижская рукопись содержит исключительно тюркские стихи).

²⁰ Более подробно об этой газели см.: И. В. Стеблева. Семантическое единство газели Бабура. — «Тюркологический сборник, 1974», М., 1978, стр. 158–166.

²¹ А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 63, № 217.

В рампурском же сборнике имеется один урду-тюркский бейт (фард), написанный Бабуром в конце жизни:

Maḡga nā havā kaḡ havas-i mānak-u mōti
Faqr ahlıyā bās bolıysıdur bānı-u rōti²².

‘Какие возжелания у изнеженных? — Порочная тяга к рубинам и жемчугу.

Для бедняков же достаточно будет холста и лепешки’.

В этом фарде Бабур наряду с тюркскими, персидскими и арабскими словами употребил пять слов из языка урду. Это maḡ (مح) ‘изнеженный; жирный’, mānak (مانك) ‘рубин, драгоценный камень’, mōti (موتى) ‘жемчуг’, bānı (بانى) ‘пряжа; холст’, rōti (روتى) ‘лепешка, хлеб’.

Примечательно также и содержание этого фарда: противопоставление «изнеженных (жирных)» «беднякам» (антитеза: богатый—бедный).

Если сравнивать содержание последней в жизни Бабура газели с урду-тюркским фардом, то как-будто трудно найти связь между ними. Газель посвящена жалобам лирического героя на разлуку с его идеалом любви, в чем повинна «чужбина», на которую забросила его судьба; фард же содержит сентенцию о неравенстве людей. И все же связь между последней газелью Бабура, где упоминается Индия, и фардом, написанным на смешанном языке (тюрки и урду), неизбежно должна была в чем-то проявиться, ибо для поэтического творчества Бабура характерна взаимосвязанность всех слагающих его компонентов. В данном случае эта связь проявилась в том, что последняя газель и указанный фард написаны одним и тем же размером — достаточно сложной модификацией хазаджа, а именно: *хазадж-и мусамман-и ахраб-и макфуф-и махзуф* по формуле: *маф’улу маф’а’улу мафа’улу фа’улу*.

В газели:

— — — — —
yurbatta ol aj haḡri meni piri qylybtur

В фарде:

— — — — —
maḡga nā havā kaḡ havas-i mānak-u mōti

Кроме высокого поэтического мастерства, позволившего Бабуру в этом фарде на равных правах употребить слова арабские, персидские, тюркские и урду, появление такого бейта в творчестве Бабура и включение его в свой последний рампурский сборник, завизированный собственной рукой, свидетельствуют о том, что Бабур вполне серьезно относился к этому своему поэтическому опыту. Трудно пока сказать, были ли эти произведения написаны почти одновременно или через какой-то промежуток времени, а также, в какой последовательности. Очевидно только то, что сознание поэта находилось под влиянием определенной ритмической инерции, побудившей его высказаться столь различно, однако внутренне взаимосвязанно. Кстати сказать, мотив неодобрения «изнеженных» с их «порочной тягой» к «рубинам и жемчугу», на наш взгляд, появился у Бабура также к концу его жизни, когда он сам начал чувствовать усталость и равнодушие ко всему, что дала ему жизнь в Индии²³. Однако Бабур, с его пытливым и восприимчивым умом, дея-

²² А. Н. Самойлович. Указ. изд., стр. 86, № 255.

²³ См. подробнее об этом: С. А. Азимджанова. Государство Бабура в Кабуле и в Индии, стр. 127—128.

тельной натурой, лишенной какой-либо религиозной (хотя сам он был правоверным мусульманином) и психологической предвзятости, несомненно должен был откликнуться на новую для него индийскую действительность, еще раз доказав, что истинное творчество не знает самоограничений.

Бабур проявлял живой интерес к главнейшим областям культурного развития народов, которых он объединил под своей властью, к их обычаям, традициям, литературе и религии.

Этот процесс культурного взаимообогащения народов привел к дальнейшему развитию индо-мусульманской культуры в Индии, хотя проникновение в Индию мусульманской культуры началось значительно раньше завоеваний Бабура. Как признание заслуг Бабура может рассцениваться характеристика, данная ему Джавахарлалом Неру: «Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью»²⁴.

Если к этому добавить, что Бабур принадлежал к людям, оказавшим влияние на культурное развитие не только своего, но и других народов, к тем, чье литературное творчество вошло в сокровищницу мировой культуры, то становится очевидной необходимость дальнейшего всестороннего и глубокого изучения многоаспектной деятельности Бабура.

²⁴ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 272.

ОНОМАСТИКА

В. МАХПИРОВ

ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ В «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»

Среди собственных имен, приведенных в «Диване» Махмуда Кашгари, наиболее значительную группу составляют географические названия — топонимы (более 175). Историко-географические данные в сочинении средневекового ученого не случайно привлекают пристальное внимание современных исследователей¹. Махмуд Кашгари приводит названия крупных и небольших тюркских городов и населенных пунктов, а также рек, озер, горных перевалов, даже пастбищ и мостов, находившихся на территории обитания тюркоязычных племен.

Автор «Дивана» раскрыл значения целого ряда слов, употреблявшихся в составе географических названий. Высказанные им соображения об употреблении и происхождении того или иного термина зачастую служат единственным достоверным источником для установления смысла того или иного топонима. Предметом исследования Махмуда Кашгари были и сами географические объекты: он указывает их местоположение, почему и кем они были названы и т. д.²

География «Дивана» чрезвычайно обширна, несмотря на то, что целью его автора было ознакомление читателя с территорией, населенной тюркскими племенами. Им упоминаются страны, города, области и реки различных регионов мира, поэтому топонимия «Дивана» содержит разноязычный материал, включающий в себя, кроме собственно тюркского пласта топонимов, также географические названия китайского (Чин, Мачин, Тавгач и др.), санскритского (Кашмир), арабского и иранского происхождения. Более того, и на территории обитания тюркских племен было зафиксировано множество нетюркских топонимических названий, свидетельствующих о древнейших связях тюрков Средней Азии и Восточного Туркестана с другими народами.

Но все же подавляющее большинство географических названий, приведенных в «Диване» — собственно тюркского происхождения. Боль-

¹ Х. Хасанов. Среднеазиатский географ-филслог XI века. — «Известия Узбекского филиала ВГО», т. 5, Ташкент, 1960, стр. 91—100; его же. Ценный источник по топонимии Средней и Центральной Азии. — В кн.: «Топонимика Востока. Труды совещания», М., 1962, стр. 58—62; его же. Махмуд Кашгарий (Хаети ва географик мероси). Ташкент, 1963; А. Әбдірахманов. Махмуд Кашқари және ономастика мәселелері — «Қазақстан мектебі», 1971, № 10, стр. 88—91; С. Караев. Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1969; О. Караев. Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Кашгари (по Тянь-Шаню и Семиречью). — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 111—113 и др.

² См.: В. Махпиров. Некоторые этимологии антропонимов, этнонимов и топонимов по Махмуду Кашгарскому. — «Вестник АН Казахской ССР», 1980, № 11.

шая часть их устойчива и легко опознается благодаря прозрачной семантике, на которую неоднократно указывали многие исследователи тюркской топонимии.

Не вызывает, к примеру, особых затруднений выяснение происхождения таких названий, как Qum (название города) (ВА, 3—149; СМ, 3—163)³, qum 'песок'; в наименовании моста через реку Или в землях ягма Aq terek (ВА, 1—81; СМ, 1—101) 'тополь' отражено, видимо, название материала, из которого был построен мост. Представляется бесспорной этимология названия города Qatun sinī (ВА, 3—138; СМ, 1—152), расположенного между Чинном и тангутами — 'могила госпожи'; не вызывает сомнений приведенная Махмудом Кашгари этимология таких топонимов, как Beš balıq 'пять городов' (ВА, 1—370; СМ, 1—388), Jāñī balıq 'новый город', Taškānd 'каменный город' и др. Не изменилось и по сей день название озера Isiq köl 'горячее озеро' (ВА, 3—135; СМ, 3—149), известное своими горячими источниками, что было необычно для горных озер. Однако следует учесть и мнение киргизского топонимиста Д. Исаева о топониме Исык-Көл — 'Прекрасное озеро'⁴. Название же Kögün köl — другого горного озера в Кашгаре, включающее kögün 'быть видным', 'показаться', говорит о том, что оно, вероятно, было видно издали, что также не характерно для горных озер. В названии озера Siziñ köl (ВА, 3—135; 3—149) отражена другая особенность — siziñ 'просачивающийся' (ВА, 3—134; СМ, 3—148). Прозрачна этимология названия Teriñ köl 'глубокое озеро' (ВА, 3—135; СМ, 3—149). По мнению В. Бартольда, Teriñ köl у Махмуда Кашгари это современный Балхаш, получивший свое название как самое большое озеро в этом крае⁵. Наконец, очевидна этимология названий озер Aj köl 'лунное озеро' и Julduz köl 'звездное озеро' (ВА, 3—135; СМ, 3—149). Названия последних гидронимов связаны, по всей вероятности, с древнейшими религиозными культами небесных светил.

Среди топонимов «Дивана» выделяются названия, образованные из этнонимов: названия городов Bulıaq и Suvar на Волге (ВА, 1—437; СМ, 1—425), Qifcaq у города Кашгара (ВА, 1—427; СМ, 1—415), Arıu (ВА, 3—379; СМ, 3—374), Aramut (ВА, 1—137; СМ, 1—157), Türk (ВА, 1—350; СМ, 1—333) и местности Јауға (ВА, 1—96; СМ, 1—122) и др. Эти топонимы восходят к этнонимам, упоминаемым Махмудом Кашгари. Автор «Дивана» приводит название местности на земле уйгуров Mınlaq (ВА, 1—434; СМ, 1—407), вероятно, Mınlaq (топоним) < mın (этноним) + -laq — афф. со значением места совокупного расположения предметов или живых существ⁶ > mınlaq 'место, где расположено племя минг'. Данный этноним не упоминается в «Диване», но известен по другим источникам с древнейших времен. Названия моря Хажаг (ВА, 3—150; СМ, 3—164) и местности Хажаг (ВА, 1—411; СМ, 1—389) происходят от этнонима *хазар*, также не упоминаемого Махмудом Кашгари. Река, стекающая с Кашгарских гор, называется Јабаку suvı (ВА, 3—36; СМ, 3—43) 'река племени ябаку'. В один ряд с этим названием можно поставить гидроним Адүйаг suvı (ВА, 1—144; СМ, 1—162), где адүйаг 'гор-

³ Собственные имена приводятся по изданиям: *Dıvanü lûgat-it-türk tercümesi*. Ankara, 1939 (1), 1940 (2), 1941 (3), 1943 (Index) — (ВА); *Махмуд Кашгарий*. Туркий сүзлар девони (Девону луғотит турк). Таржимон ва нашрга тайёрлози С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960 (1), 1961 (2), 1963 (3), 1965 (Индекс-лугат) (СМ).

⁴ Д. Исаев. Топонимика Северной Киргизии. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972, стр. 8.

⁵ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5, стр. 85.

⁶ А. М. Шербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 106.

ный козел', 'муфлон', отсюда *adıǵaǵ suvı* 'река горных козлов', хотя, может быть *adıǵaǵ* и этноним. Иначе обстоит дело с гидронимом *Tawuſ-qan öküz* (BA, 1—513; CM, 1—469). В первой части названия некоторые исследователи усматривают слово *tawuſqan* 'заяц', однако подобная этимология (заяц-река) не согласуется с основными формами образования названий рек да и по семантике мало вероятна. По мнению Э. М. Мурзаева, данное название происходит от *ташқан* 'разливающийся, полноводный поток', 'бурная река', что вполне соответствует характеру этой реки⁷.

Довольно часто встречаются в «Диване» топонимы, связанные с титулами. Так, одно из названий Ташкента, не упоминаемое в других источниках, — *Terken* (BA, 1—434; CM, 1—414) восходит, вероятно, к *terken* 'титул хана' (BA, 1—441; CM, 1—413); аналогичного происхождения топоним *Javvu* — город у Барсгана (BA, 3—32; CM, 1—39) <*javvu* 'титул', 'человек, по положению на два ранга ниже хана' (BA, 3—30; CM, 3—37). Название другого города — *Hoſānd* (BA, 3—443; CM, 3—414), на наш взгляд, включает компонент *ходжа*. Как указывает Р. Я. Рассудова, данный термин, широко распространенный в составе топонимов Средней Азии, — персидского происхождения, означает «старший начальник» и в этом значении был широко распространен в свое время у различных народов⁸.

Внешне схож с этими названиями и ороним *Altun qan*//*Altun xan* (гора у уйгуров) (BA, 4—416; CM, 3—422). Однако в действительности *Altun xan* не «золотой хан», а «место, где добывается золото», ср.: *Туз хан* или *Туз кан* 'соляной рудник', 'место, где добывается соль'⁹.

Во многих названиях «Дивана» широко отражен хозяйственный уклад тюрок, чаще всего связанный со скотоводством: *Suvlay* 'название местности' <*suvlay* 'водопой' (BA, 1—464; CM, 1—431); *Qası* 'название местности в Кашгаре' <*qası* 'хлев, коровник' (BA, 3—224; CM, 3—244), *İtliq* 'город у Тираза' <*atluq* 'конюшня' на языке жителей этого города (BA, 1—98; CM, 1—124).

Название *Manqışlaq* (BA, 1—465; 3—157; CM, 1—432, 3—172) — 'местность у огузов' — по-разному объяснялось исследователями:

1. *Manqış + laq* <*manqış* 'морское чудовище' + *laq* афф. > *manqışlaq* 'место, где имеются чудовища'¹⁰.

2. *Manqışlaq* <*minqışlaq* <*mın* 'тысяча' + *qışlaq* > *manqışlaq* 'тысяча' кишлаков'¹¹.

3. *Manqışlaq* <*man* + *qışlaq* <*man* 'баран' + *qışlaq* 'зимовка' > *manqışlaq* 'баранья зимовка'¹².

4. В. А. Никонов считает удачной этимологию А. Семенова, согласно которой *Manqışlaq* <*mānk* 'этноним' + *qışlaq* > *mankqışlaq* 'кишлак', 'селение менков'¹³. Ср: топоним *Mınlaq*.

5. Наиболее убедительна, на наш взгляд, гипотеза С. Атаниязова: *Manqışlaq* <*man* + *qışlaq* <*man* 'укрепленный' + *qışlaq* 'селение' > *man*

⁷ Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974, стр. 297.

⁸ Р. Я. Рассудова. Термин *ходжа* в топонимии Средней Азии. — В кн.: «Ономастика Средней Азии», I, М., 1978, стр. 115—128.

⁹ Н. Г. Малицкий. О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии. — «Известия ВГО», т. 77, вып. 5, стр. 289.

¹⁰ Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 168; А. Әбдірахманов. Топонимика және этимология. Алматы, 1975, стр. 133.

¹¹ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 160.

¹² Ф. Мусабиев. Манғыстау сөзінің семантикасы. — «Известия АН Казахской ССР», 1946, вып. 4(29), стр. 37—38.

¹³ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

qışlaq 'укрепленное селение'¹⁴. В пользу этой этимологии говорит другое название, приведенное Махмудом Кашгари, — Mankänd (BA, 3—157; CM, 3—172), видимо, 'укрепленный город'. Близко по номинации также и название другого огузского города Suynaq (BA, 1—471; CM, 1—437) <суунақ 'укрытие', 'убежище'¹⁵.

По главному признаку, положенному в основу названия — надежность, спокойствие — можно поставить рядом названия İnçkänd—тюркский город (BA, 3—437; CM, 3—442) <inç 'спокойствие', 'тишина' + känd 'город'> inçkänd 'спокойный, тихий город', и аналогичное Tün känd — название города <tün 'покой, спокойствие' + känd 'город' (BA, 3—150; CM, 3—164).

Нередко в состав тюркских топонимов «Дивана» входят слова, обозначающие цвет. Вопросам семантики цветообозначений в тюркской сномастике посвящен ряд статей А. Н. Кононова, семантика цвета в тюркских топонимах изучалась Е. Койчубаевым и другими учеными¹⁶.

В «Диване» приведены следующие «цветовые» топонимы:

Aq saǵ — название летовки (BA, 1—81; CM, 1—110). Это название широко распространено в Средней Азии и Казахстане: Aq saǵ <aq 'белый', второе значение 'чистый, незапятнанный' + saǵ 'балка', 'расщелина', 'лощина'¹⁷. В названии Ala — пастбище близ Ферганы (BA, 1—82; CM, 1—110) — ala выступает, видимо, в своем основном значении «пестрый». Тоғу арт (BA, 3—346; CM, 3—316) 'малиновый перевал', название дано по окраске горных пород у водораздела¹⁸. Также в своем основном значении выступают слова qaǵa 'черный' и ürgün 'белый' в названии Qaǵa qaş öküž 'река черного каша (нефрита)' и Ürgün qaş öküž 'река белого нефрита' (BA, 3—152; CM, 3—166). По сведениям, приводимым Махмудом Кашгари, именно здесь добывался белый и черный нефрит. Ср. также топонимы Qaǵa qajas 'черные скалы' и Ürgün qajas 'белые скалы' — названия тюркских городов у чигилей и тухси (BA, 1—172; CM, 1—187). А в топонимах Qaǵačuk (BA, 1—487; CM, 1—450) <qara 'черная' + čuk/čok 'вершина', 'пик' и Qaǵa senir (BA, 3—222, CM, 3—241) <qara + senir 'вершина горы' (BA, 1—480; CM, 1—441), которые можно назвать синонимичными, qaǵa выступает, видимо, в значении «главный», либо «не покрытый снегом», наконец, в названии оврага, труднопроходимого места между Ферганой и землями, населенными татарами (BA, 3—32; CM, 3—40); в сочетании Qaǵa Jalva 'черный овраг' qaǵa означает, по-видимому, 'грозный', 'страшный', 'ужасный'. Махмуд Кашгари приводит пословицу, гласящую: «Пока не придет опасность, ни в коем случае не переходи через Qaǵa Jalva».

Мы затрудняемся определить значение слова qizil в названии долины Qizil (BA, 1—394; CM, 1—379) и в наименовании кишлака у Кашгара — Qizil öz (BA, 1—80; CM, 1—109), так как не располагаем дополнительными сведениями о них. Вполне возможно, что в названии долины и кишлака qizil выступает в своем основном цветовом значении,

¹⁴ С. Атаниязов. Еще раз об этимологии слова «Мангышлак» — «Памятники Туркменистана», 1974, № 1, стр. 27.

¹⁵ А. Әбдірахманов. Указ. раб., стр. 159.

¹⁶ А. Н. Кононов. О семантике слов «кара», «ак» в тюркской географической терминологии. — «Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук», вып. 5, 1954, стр. 83—85; его же. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — «Тюркологический сборник. 1975». 1978, стр. 158—163; Е. Койчубаев. Нецветовая сущность топонимических компонентов ак, кара, кок, сары в географических названиях. — В кн.: «Всесоюзная конференция по топонимике СССР», 1965, стр. 185.

¹⁷ Э. Мурзаев, В. Мурзаева. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 196.

¹⁸ Э. М. Мурзаев. Краткий топонимический словарь Синьцзяна. — В кн.: «Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии». М., 1966, стр. 352.

хотя не исключено и то, что qīzil употреблено здесь в качестве определения стороны света: в значении «запад» или «юг»¹⁹.

Многие географические названия, приведенные в «Диване», так или иначе связаны с местными географическими условиями — рельефом, характером растительности, наличием родников и т. д.: например, уже приведенное выше Altun qaп, а также топонимы Baqīlīq ‘медная (гора)’ и Baqīlīq тау ‘медная гора’ (ВА, 1—485; СМ, 1—447); название пастбища у города Уч — Саула (ВА, 1—451; СМ, 1—405) образованы, видимо, в связи с имевшимся источником, ср.: чагла ‘журчать’, ‘журчащий источник’²⁰. Мелкий целебный песок тюрки называли баурам қит — отсюда название песчаного массива между городами Кашгар и Яркенд — Baурам қит (ВА, 1—484; СМ, 1—447). Устья рек, теряющихся в песках или впадающих в болото, называются тарим, отсюда и название реки Tarim (ВА, 1—394; СМ, 1—376). Труднопроходимый перевал Bādāl art (ВА, 1—392; СМ, 1—373) получил название, как указывает А. Абдрахманов, от слова бедел ‘заросли, мелколесье, кустарник’²¹. По мнению же Э. М. Мурзаева, Bādāl art ‘бессердечный, или почетный перевал’ — название дано из-за большой высоты²². Наименование другого труднопроходимого перевала Aruq turuq (ВА, 1, 66, 380; СМ, 1—96, 361) связано с опасностью его прохождения. Это, видимо, парное слово, состоящее из компонентов агуц ‘худой, усталый, утомленный’ (ВА, 1—66; СМ, 1—96) + туруц ‘худой, усталый’ (ВА, 1—380; СМ, 1—361)²³.

Приведены в Словаре Махмуда Кашгари и топонимы-посвящения, связанные с первобытными мифологическими представлениями и верованиями: так, уже указанные названия Julduz köi, Aj köi связаны с древним культом светил и звезд, пережитки культа животных сохранились в названиях Адйү — селение (ВА, 1—63; СМ, 1—94) адйү ‘медведь’ как родовое, племенное название и тотем, которое было широко распространено у тюрков, так же как и Qašqa боуға ‘верблюд с белой отметиной на лбу’ — легшее в основу топонима (ВА, 1—425; СМ, 1—398). Видимо, к названиям тотемов восходят топонимы Baj Jīyač (ВА, 1—158; СМ, 1—173) и Ala Jīyač (ВА, 1—82; СМ, 1—110) и др.

В. В. Бартольд неоднократно указывал на существование у тюрков различных религий: буддизма, манихейства и других до принятия ислама. Он утверждал также, что тюрки, несомненно, были шаманистами, хотя тюркское слово для обозначения шамана — кам — нигде не встречается²⁴. На наш взгляд, данное слово сохранилось в названии городка Qamlaпči (ВА, 3—242; СМ, 3—260): qamlaпči < qam ‘шаман’ + -laп + -си ‘аффиксы’ > qamlaпči ‘место, где совершаются шаманские обряды’. Наконец, Ötükāп — по Махмуду Кашгари — название местности в татарских степях (ВА, 1—198; СМ, 1—151). Данное название встречается еще в надписях и прославляется как наименование столицы древних тюрков, резиденции тюркских каганов. Высказывались различные предположения о местонахождении этого центра каганата и его происхождения. По мнению Л. П. Поталова, наиболее близки к истине были В. Я. Владимирцов и П. Пельо, независимо друг от друга высказавшие аналогичные гипотезы. По Пельо, Ötükāп < др. тюркское ötükāп ‘боги-

¹⁹ См.: А. Н. Кононов. Семантика цветообозначений, стр. 160; Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении этнонима кыргыз. — «Советская этнография», 1964, № 2, стр. 92—93.

²⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3, стр. 1849.

²¹ А. Абдрахманов. Указ. раб., стр. 296.

²² Э. М. Мурзаев. Краткий топонимический словарь Саянзьяна, стр. 398.

²³ См. подобное парное слово: А. Т. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.

²⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5, стр. 27.

ня²⁵. В. Я. Владимирцов возводил Ötükän к монг. otugen/etugen 'земля-владычица', 'божество земли' (шаманское божество), встречающемуся лишь в шаманских и полушаманских текстах, а также в шаманских заклинаниях²⁶.

Л. П. Потапов на основании данных Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, которая установила значение тюркского термина *утуген* как названия покрытого тайгой горного хребта в современном тувинском языке, считает, что этот факт позволяет отождествить древнетюркское *Отюкен* с современным наименованием хребта *Утуген*, находящимся в верховьях Енисея, и выдвигает предположение, что этот горный хребет продолжал оставаться священным и у орхонских тюрков, ибо переселение на другую территорию не могло вытеснить из их сознания представления об их родоплеменном божестве. В новых же географических условиях, в отдаленности от реально существующего в верховьях Енисея священного горного хребта, последний постепенно стал осознаться не как конкретный горный хребет, а как абстрактное общетюркское божество земли. Существование данного термина не только у тюрков, но и у монголов Л. П. Потапов объясняет участием в этногенезе монголов некоторых тюркских племен и родов, которые не могли не привнести в монгольскую среду своих древних религиозных обычаев и традиций²⁷.

Таким образом, Ötükän 'название местности' <монг. otugen/etugen 'земля-владычица', 'божество земли' <ütügän 'название святой горы у тюрков' <ütügän 'горы, покрытые тайгой'.

Многие города тюрков эпохи Махмуда Кашгари имели по два, а то и по несколько названий. Широко распространены параллельно существовавшие тюркские и иноязычные названия, и зачастую трудно определить, какое из них появилось раньше. Так, например, Кашгар, по свидетельству Махмуда Кашгари, назывался также *Ordu känd* 'город-ставка', 'город, в котором живет хан'. В этом городе якобы жил Афрасиаб (BA, 1—343; CM, 1—330); Фергана называлась также *Öz känd* 'свой город' (BA, 1—343; CM, 1—330), а название тюркского города *Se-mizkänd* 'жирный', то есть 'богатый город', по-персидски звучит *Sämär-känd* (там же); Баласагун назывался также *Küz uluş* (BA, 1—62; CM, 1—94), а у Ташкента было ещё два названия *Terken* и *Šaš* (BA, 1—434; CM, 1—414) и т. д. Однако, встречаются случаи, когда одно из названий оказывается калькой с другого языка: так например, город *Sajram*/*Sarjām* назывался также *Ashbicab* (BA, 3—176; CM, 3—191). По мнению Х. Хасанова, название *Ashbicab*/*Isbicab* — арабская калька с тюркского названия *Sajram*, в тюркских языках данное слово обозначало каменную территорию между двумя реками²⁸. По Махмуду Кашгари *Sajram* 'мелкая, неглубокая вода' (BA, 3—176; CM, 3—191).

Таковы некоторые тюркские топонимы произведения Махмуда Кашгари, представляющего собой ценный топонимический источник, данные которого, как показывают исследования современных ученых, в большинстве случаев оказываются достоверными. Более того, многие исследователи Средней Азии и Казахстана часто опираются на данные Махмуда Кашгари и подкрепляют свои гипотезы ссылками на этот замечательный памятник тюркской культуры.

²⁵ См.: Л. П. Потапов. Новые данные о древнетюркском Отукан. — «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 110.

²⁶ В. Я. Владимирцов. По поводу древнетюркского Ötükän jış. — «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 7, стр. 133—136.

²⁷ Л. П. Потапов. Указ. раб., стр. 115—116.

²⁸ Х. Хасанов. Среднеазиатский географ-филолог, стр. 97.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Э. Г. АЗЕРБАЕВ

О ФОНЕМНОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕЯПОНСКОГО, ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКА ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Известно, что среди языков алтайской семьи (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский) (1, стр. 8) самыми древними письменными памятниками, восходящими к V—VIII векам, являются японские и тюркские. Памятники монгольской письменности датируются концом XII — началом XIII века, корейской — XV веком, а маньчжурской — XVII веком. Если же принять во внимание еще многочисленность и обширный ареал распространения тюркских языков [караимы на западе (Польша), якуты на северо-востоке, турки и халладжи на юго-западе], а также особое положение японского языка (крайний восток и изолированность от остальных языков), то станет очевидной исключительная важность проведения сравнительно-исторического исследования фонемного состава и фонетических корреспонденций в японском и тюркских языках, в первую очередь на базе синхронно засвидетельствованных памятников письменности. Привлечение данных чувашского языка объясняется его спецификой, выделяющей его из числа других тюркских языков, и большей архаичностью по ряду признаков в сравнении с языком тюркских рунических памятников, что «открывает широкие перспективы для сравнительно-исторического изучения процессов развития как тюркских, так и остальных языков алтайской семьи» (2, стр. 113, 115).

Установлено, что к VIII веку древнеяпонская система вокализма и консонантизма характеризовалась наличием восьми гласных: *a, e, ё, o, ö, i, ü, u* и тринадцати согласных: *p, b, w, m, r, s, z, t, d, n, j, k, g*. Три из указанных гласных некоторые авторы считают производными от сочетаний остальных гласных: $e \leftarrow i + a$, $ё \leftarrow a + i$, $i \leftarrow u + i$ или $o + i$ (3, стр. 26—30; 4, стр. 29—30; 5, стр. 29; 6, стр. 147—153). Таким образом, на более ранних этапах развития древнеяпонского языка последний характеризовался наличием пяти гласных: *a, o, ö, i, u* и тринадцати вышеуказанных согласных.

Остановимся несколько подробнее на характере сингармонизма в древнеяпонском языке. Сингармонизм этого языка характеризовался разделением всего множества гласных и согласных фонем на три подмножества родственных фонем (см. таблицу 1).

Особенностью сингармонизма древнеяпонского языка, открытого Х. Арисака и Т. Икэгами, являлось наличие в составе одной лексемы либо только твердого, либо только полумягкого (полутвердого) вариантов фонем. Мягкие варианты в данном отношении были индифферентны и сосуществовали в составе лексемы как с твердыми, так и с по-

лутвердыми (полумягкими) вариантами фонем. Остальные гласные *e*, *ẽ*, *i* отсутствовали в раннедревнеяпонском языке и развились позднее, а потому не имеют отношения к сингармонизму в древнеяпонском языке (6, стр. 160—162).

Таблица 1

Система вокализма и консонантизма раннедревнеяпонского языка

Твердый вариант	Полутвердый (полумягкий) вариант	Мягкий вариант	Твердый вариант	Полутвердый (полумягкий) вариант	Мягкий вариант
a	—	—	s	s	s
u	—	—	z	z	z
o	õ	—	t	t	t
—	—	i	d	d	d
p	p	p	n	n	n
b	b	b	j/y	j/y	—
w	—	w	k	k	k
m	m	m	g	g	g
г	г	г			

Примечание: в данной таблице (5, стр. 30) использованы новейшие исследования японских лингвистов, в частности, К. Мабути, установившего наличие полутвердого (полумягкого) вариантов согласных *p* и *b*, которые были неизвестны авторам «Очерка древнеяпонского языка» (4, стр. 29).

Указанные фонемы и их варианты имели следующие артикуляционные характеристики: *A* — нелабиальный гласный заднего ряда низкого подъема; *I* — нелабиальный гласный переднего ряда верхнего подъема; *U* — лабиальный гласный заднего ряда верхнего подъема; *O* — лабиальный гласный заднего ряда верхнего подъема; *Õ* — лабиальный гласный среднего ряда; *E* — неогубленный гласный переднего ряда среднего подъема; *Ê* — точная артикуляция этого гласного не установлена, однако полагают, что она заключалась где-то между *e* и *a*, аналогично гласному *æ*, имеющемуся в некоторых современных диалектах; *Ī* — точная артикуляция этого гласного также не установлена, однако вероятно, что она была аналогична гласному *ĩ* (соответствует русскому *ы*), существующему в настоящее время в северо-восточных диалектах острова Хонсю; *P* — билабиальный глухой смычный; *B* — звонкий *p*, причем высказана гипотеза о существовании в древнеяпонском языке назального варианта данного согласного *ᵐb*; *W* — билабиальный щелевой звонкий сонант; *M* — билабиальный смычный носовой сонант, иногда альтернирующий с *b*; *R*. На основании онов (японизированное чтение китайских иероглифов) дать артикуляционную характеристику этому согласному весьма затруднительно, однако, на основе чередования *r*—*j* в формах страдательного залога, высказывается предположение, что его артикуляционная характеристика была близка к *l*. По всей вероятности, он представлял собой переднеязычный альвеолярный одноударный сонант, образовывавший звук, средний между русскими *р* и *л*; *S*. Относительно артикуляционной характеристики данного согласного среди японоведов нет единого мнения. По одной гипотезе, *s* имел четыре фонетических варианта: *s* — переднеязычный глухой свистящий спират, *S* — переднеязычный глухой свистяще-шипящий спират, *ts* — переднеязычная глухая свистящая аффриката, *tS* — переднеязычная глухая шипящая аффриката; согласно другой гипотезе, перед *i* и *u* он выступал в *s*-варианте, а перед *a*, *o*, *õ* — в *ts*-варианте; по третьей ги-

потезе, только перед *i* он выступал в *s*- варианте, а перед остальными гласными, *a*, *o*, *ö*, *u* — в *ts*- варианте; и, наконец, согласно четвертой гипотезе, перед *i* и *ö* он выступал в *ts*-варианте, а перед *a*, *o*, *u* — в *ts*-варианте. Можно предположить, что рассматриваемый согласный представлял собой переднеязычный глухой спирант; *Z* — звонкий *s*; *T* — переднеязычный зубной глухой смычный; *D* — звонкий *t*, имеется гипотеза о наличии в древнеяпонском языке переднеязычного назального звонкого смычного ⁿ*d*; *N* — переднеязычный смычный носовой сонант; *J* — среднеязычный щелевой сонант; *K* — заднеязычный глухой смычный; *G* — звонкий *k*; есть также гипотеза о наличии в древнеяпонском языке заднеязычного назального звонкого смычного ^g*g* (7, стр. 23—24; 8, стр. 15—17, 26, 28, 37—39, 49, 83; 3, стр. 30, 113—114, 162; 4, стр. 29—30).

Рассмотрим систему вокализма и консонантизма языка тюркских рунических памятников. В их языке вся система гласных и согласных в соответствии с законом сингармонизма разделяется на две подсистемы родственного фонем (твердые и мягкие варианты) (см. таблицу 2), артикуляционные характеристики которых представляются следующим образом: *A* — заднерядный широкий гласный нелабиальный нижнего подъема; *Ä* (*E*) — переднерядный (средне-) широкий (среднего) нижнего подъема нелабиальный гласный; *I* — переднерядный узкий нелабиальный гласный верхнего подъема; *I* — заднерядный узкий нелабиальный гласный верхнего подъема; *U* — заднерядный узкий гласный лабиальный верхнего подъема; *Ü* — переднерядный узкий лабиальный гласный верхнего подъема; *O* — заднерядный среднеширокий лабиальный гласный среднего подъема; *Ö* — переднерядный среднеширокий лабиальный гласный среднего подъема; *P* — билабиальный глухой смычный; *B* — звонкий *p*; *M* — билабиальный смычный носовой сонант; *L* — переднеязычный небно-зубной дрожащий сонант; *L* — переднеязычный зубной латеральный сонант; *S* — переднеязычный зубной глухой свистящий спирант; *Z* — звонкий *s*; *Š* — переднеязычный небно-зубной глухой шипящий спирант; *C* — переднеязычная глухая небно-зубная аффриката; *T* — переднеязычный небно-зубной глухой смычный; *D* — звонкий *t*; *N* — переднеязычный зубной смычный носовой сонант; *J* — среднеязычный щелевой сонант; *K* — заднеязычный глухой смычный; *G* — звонкий *k*; *Ŋ* — заднеязычный смычный носовой сонант (9, стр. 59—60; 10, стр. 62—63).

Таблица 2

Система вокализма и консонантизма языка тюркских рунических памятников

Твердый вариант	Мягкий вариант ä(e)	Твердый вариант	Мягкий вариант	Твердый вариант	Мягкий вариант	Твердый вариант	Мягкий вариант
a	ä(e)	b	b ^m	*z	*z	n	n
ī	ī	*m	*m	*š	*š	j	j
u	ū	g	g	*č	*č	k/g	k
o	ö	l	l	t	t	g/γ	g
*p	*p	s	s	d	d	*ŋ	*ŋ

Примечание: знаком* отмечены реконструированные соответствия по мягкости — твердости, орфографически не различавшиеся в языке тюркских рунических памятников.

Исходя из строгого соблюдения в языке тюркских рунических памятников закона сингармонизма можно утверждать, что в их языке в дей-

ствительности существовали твердые и мягкие варианты согласных *p*, *m*, *z*, *š*, *č*, *ŋ*, тем более, что *p*, *z* являются соответственно глухим и звонким вариантами *b* и *s*, для которых в языке памятников существуют специальные графические обозначения твердого и мягкого вариантов. Кроме того, в родственном чувашском языке четко различаются твердые и мягкие варианты *p*, *m*, *š* (согласные *z* и *ŋ* в чувашском языке вообще не сформировались). Наряду с этим, в близкородственном языку данных памятников хакасском языке отмечаются твердые и мягкие варианты *p*, *m*, *ŋ*, *č*, *z*, причем последняя не противопоставляется *s* в качестве самостоятельной фонемы, а рассматривается лишь как его звонкий вариант (11, стр. 29, 33, 34, 36, 37) (согласный *š* в хакасском языке вообще не сформировался). Причины, по которым указанные шесть согласных не имели графического обозначения для различения твердого и мягкого вариантов, заключаются в том, что на слух указанные различия слабо дистинктивны, а «стихийные фонологи» древности не имели никакого аппарата для различения твердого и мягкого вариантов, кроме слухового, который по природе своей является далеко несовершенным в подобных случаях.

Точно так же система гласных и согласных чувашского языка в полном соответствии с законом сингармонизма рассекается на две родственные подсистемы: твердую и мягкую (см. таблицу 3), элементы которых имеют следующие артикуляционные характеристики: *A* — нелабиальный гласный заднего ряда нижнего подъема; *E* — нелабиальный гласный переднего ряда среднего подъема; *I* — нелабиальный гласный переднего ряда верхнего подъема; *Ы* — нелабиальный гласный заднего ряда верхнего подъема; *У* — лабиальный гласный заднего ряда верхнего подъема; *У̇* — лабиальный гласный переднего ряда верхнего подъема; *Ė* — нелабиальный гласный переднего ряда среднего подъема; *Ȧ* — нелабиальный гласный заднего ряда среднего подъема; *П* — билабиальный глухой смычный; *В* — лабиально-дентальный (полувзвонный) спират; *М* — билабиальный смычный носовой сонант; *Р* — переднеязычный дрожащий сонант; *Л* — переднеязычный латеральный сонант; *С* — переднеязычный глухой свистящий спират; *Ш* — переднеязычный глухой шипящий спират; *Č* — переднеязычный глухой свистящий спират с оттенком палатальности; *Ч* — переднеязычная глухая аффриката; *Т* — переднеязычный глухой смычный; *Н* — переднеязычный смычный носовой сонант; *И* — среднеязычный щелевой сонант; *К* — заднеязычный глухой смычный; *Х* — заднеязычный глухой спират (12, стр. 44—45; 13, стр. 301, 303). «В чувашском языке в природных словах мы находим следующие согласные звуки: *в, й, к, л, м, н, п, р, с, č, т, х, ч, ш* в твердой и мягкой разновидности их» (13, стр. 301). Особого внимания заслуживает артикуляция чувашского *ч*. «Звук этот в чувашском языке звучит несколько иначе чем в русском; он здесь сильно тяготеет к мягкому *т*. По этой причине составители чувашского алфа-

Таблица 3

Система вокализма и консонантизма чувашского языка

Твердый вариант	Мягкий вариант	Твердый вариант	Мягкий вариант	Твердый вариант	Мягкий вариант	Твердый вариант	Мягкий вариант
а	е	ѡ	в	с	с	н	н
ы	и	м	м	ш	ш	й	й
у	ү	р	р	ç	ç	к	к
а̇	е̇	л	л	ч	ч	х	х
п	п̇			т	т̇		

вита и обозначили его первоначально не русской буквой *ч*, а буквой *т* с хвостиком, чтобы напомнить его близкое сходство с мягким *т*» (14, стр. 174).

Далее, с учетом других признаков дифференциации родственных фонем (глухость — звонкость, смычность — щелинность, свист — шипение, назализованность — неназализованность, огубленность — неогубленность) (11, стр. 28), кроме признака мягкости — твердости, вышеприведенные системы гласных и согласных древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников перераспределяются (см. таблицу 4).

Таблица 4

Матрица фонетических корреспонденций

Ряд	Древнеяпонский язык	Язык ТРП	Чувашский язык	Протофонема
1	<u>a</u> (0,93) (<u>e</u>) (0,05) (<u>ē</u>) (0,02)	<u>a</u> (0,67) <u>ā</u> (<u>e</u>) (0,33)	<u>a</u> <u>e</u> (<u>ā</u>) (<u>ē</u>)	<u>A</u>
2	<u>i</u> (0,89) (<u>e</u>) (0,07) (<u>ē</u>) (0,03) (<u>i</u>) (0,01)	<u>i</u> (0,64) <u>ī</u> (0,36)	<u>i</u> <u>yi</u> (<u>ā</u>) (<u>ē</u>)	<u>I</u>
3	<u>u</u> (0,57) <u>o</u> (0,31) <u>ō</u> (0,11) (<u>ī</u>) (0,01)	<u>u</u> (0,40) <u>ū</u> (0,28) <u>o</u> (0,19) <u>ō</u> (0,13)	<u>y</u> <u>i</u> (<u>ā</u>) (<u>ē</u>)	<u>U</u>
4	<u>p</u> (0,75) <u>b</u> (0,13) <u>w</u> (0,12)	<u>p</u> (0,12) <u>b</u> (0,88)	<u>n</u> <u>v</u>	<u>P</u>
5	<u>m</u>	<u>m</u>	<u>m</u>	<u>M</u>
6	<u>г</u>	<u>г</u> (0,60) <u>l</u> (0,40)	<u>р</u> <u>л</u>	<u>R</u>
7	<u>s</u> (0,92) <u>z</u> (0,08)	<u>s</u> (0,43) <u>z</u> (0,28) <u>s</u> (0,16) (<u>č</u>) (0,13)	<u>с</u> <u>ç</u> <u>ш</u> (<u>ч</u>)	<u>S</u>
8	<u>t</u> (0,68) <u>d</u> (0,32)	<u>t</u> (0,69) <u>d</u> (0,18) (<u>č</u>) (0,13)	<u>т</u> (<u>ч</u>)	<u>T</u>
9	<u>n</u>	<u>n</u> (0,97) (<u>η</u>) (0,03)	<u>η</u>	<u>N</u>
10	<u>J</u>	<u>J</u>	<u>й</u>	<u>J</u>
11	<u>k</u> (0,82) <u>g</u> (0,18)	<u>k/q</u> (0,61) <u>g/γ</u> (0,34) (<u>η</u>) (0,05)	<u>κ</u> <u>x</u>	<u>K</u>

Примечания: 1) в скобках указаны частотности соответствующих гласных и согласных в каждом фонемном ряду для древнеяпонского языка и языка тюркских рунических памятников, полученные на основе статистической обработки всей части лексики «Большого словаря древнеяпонского языка» (15, стр. 1—170), начинающейся с гласных, и всех корневых слов, зафиксированных в памятниках орхоно-енисейской письменности (16, б. 39—120); 2) наличие черточки под гласным или согласным указывает на возможность их использования во всех позициях в слове, отсутствие черточки означает невозможность их использования в инициальной позиции.

Родство твердого (заднерядного) и мягкого (переднерядного) вариантов гласных — прямое следствие родства твердого (веляризованного) и мягкого (палатализованного) вариантов соответствующих согласных рассматриваемых языков, причем в древнеяпонском языке твердые, полутвердые (полумягкие) и мягкие варианты, а в чувашском языке твердые и мягкие варианты согласных фонем орфографически не различались, а обозначались соответствующие варианты только гласных фонем. Другими словами, создатели древнеяпонского и чувашского алфавитов исходили из принципа: качество гласных определяет качество согласных. В отличие от этого, создатели алфавита тюркских руниче-

ских памятников исходили из диаметрально противоположного принципа: качество согласных определяет качество гласных, графически выделяя твердые и мягкие варианты для согласных фонем. Поскольку системы отсчета относительно гласных или согласных инвариантны, то оба принципа вполне приемлемы, откуда со всей очевидностью вытекает родство твердого, полутвердого (полумягкого) и мягкого вариантов соответствующих гласных и согласных рассматриваемых языков.

Вышеприведенное перераспределение (см. таблицу 4) гласных и согласных в древнеяпонском, чувашском языках, а также в языке тюркских рунических памятников можно обосновать следующим образом.

Распределение гласных в первых двух фонемных рядах никаких дополнительных комментариев не требует. Здесь уместно отметить, что в тюркских рунических памятниках твердые и мягкие варианты гласных в первых двух фонемных рядах орфографически обозначались одной и той же графемой (17, стр. 17), тем самым наглядно демонстрируется бесспорное родство этих гласных.

Наличие древнеяпонских гласных *и*, *о*, *ё* в одном (третьем) фонемном ряду обусловлено тем, что, во-первых, родство *о* и *ё* вытекает из природы сингармонизма, а, во-вторых, эти фонемы в IX веке слились в одну фонему *о*. Далее, в диалекте Адума стандартное *и* очень часто заменялось нестандартным *о* и реже *ё*. Е. Фукуда приводит шестьдесят случаев замены стандартного *и* нестандартным (диалектным) *о* и четыре случая замены *и* на *ё*, обнаруженных им в «Манъёсю» (антология древнеяпонской поэзии, датирующаяся VIII веком) (18, стр. 755—756). Кроме того, другим косвенным подтверждением вероятного родства *и* и *о* является то, что на более раннем этапе развития древнеяпонского языка гласный *і* образовался из стяжения гласных *и+і* или *о+і*. И, наконец, еще одним доказательством предполагаемого родства *и*, *о*, *ё* является чередование *и—ё*, как средство дифференциации значений (19, стр. 172). В колонке языка тюркских рунических памятников родство двух оппозиционных пар *и—й*, *о—ё* по признаку мягкости—твердости вытекает из природы сингармонизма, а родство *и—о*, а также *й—ё* следует из графики языка тюркских рунических памятников, где для указанных пар согласных используется по одной графеме (иными словами, в языке тюркских рунических памятников признак узость—среднеширокость не является поводом для выделения самостоятельной фонемы).

В четвертом фонемном ряду в колонке древнеяпонского языка внимания заслуживает согласный *ш*. Наличие его в данном ряду обусловлено тем, что сформировался он, по всей вероятности, из *р* в инициальной позиции. На это прямо указывают авторы «Очерка древнеяпонского языка» (4, стр. 30). Примеры: др.-яп. *кара*→ япон. *кава* 'река', др.-яп. *кара*→ япон. *кава* 'кожа', 'кожура', 'шкура', др.-яп. *іра*→ япон. *іва* 'скала, утес', др.-яп. *іраірі*→ япон. *іваі* 'очищение, пост' (20, стр. 252, 298; 15, стр. 90, 93, 206—207). В инициальной позиции наблюдается чередование *р—ш*, что также отмечается составителями «Большого словаря древнеяпонского языка»: др.-яп. *расіру*—*wasіру* 'бежать', др.-яп. *ракагу*—*вакагу* 'разделяться, отделяться', др.-яп. *ракагу*—*вакагу* 'измерять, мерить, взвешивать' (15, стр. 673). Отнесение чув. *в* к данному фонемному ряду связано с тем, что в родственном чувашскому языке тюркских рунических памятников указанный согласный еще не сформировался, а появился в более позднюю древнетюркскую эпоху, образовавшись из согласного *б*. Примеры: др.-тюрк. *ber*→*ver* 'давать', *buşuŋ*→*vuşuŋ* 'расписка', *tabar*→*tavar* 'имущество' (21, стр. 90, 119, 526, 542, 633, 635).

Пятый фонемный ряд комментариев не требует.

Отнесение чув. *л* и *і* в языке тюркских рунических памятников к шестому фонемному ряду связано с особенностью японского согласного

г, артикуляционная характеристика которого, как указывалось выше, заключена между русскими *р* и *л* (артикуляционная характеристика чувашских *р* и *л* принципиально ничем не отличается от соответствующих согласных русского языка). Для подтверждения правильности отнесения чув. *л* и *л* в языке тюркских рунических памятников к данному фонемному ряду обратимся к другим языкам алтайской семьи. В монгольском: «Буквой *р* передается дрожащий плавный *р*, артикуляция которого во всех случаях весьма энергична и который не встречается в начале собственно монгольских слов (...), в результате диссимилиации часто заменяется плавным же проточным боковым *л*, например: *барігул* ← *барігур* 'ручка, рукоятка', и вместе с этим согласным нередко подвергается метатезе, например: *ғуріл* — *ғулір* 'мука'. Монгольские плавные *р* и *л* составляют пару, пропорционально соответствующую тюркской — *з* и *ш* в тех словах, которые являются общими для монгольского и тюркских языков, например: монгольск. *уғурағ* 'молозиво' и *чілағун* ← *тілағун* 'камень' — тюрк. *уғуз* — *ағуз* и *таш* — *тас*. Иными словами, монгольский дрожащий *р* по происхождению как бы оказывается звонким, а *л*, возможно, глухим» (22, стр. 42—43). В корейском: «Щелевой одноударный сонант *р*, часто встречавшийся в древнекорейском языке в позиции между гласными, в конце слова или слога перед шумными стал произноситься постепенно как смычно-проходной, апикально-какуминальный *ль*, близкий к русскому *ль* в слове «пыль», но не соответствующий твердому *л* в словах «гол», «зал»... Из закономерностей образования закрытых слогов в корейском языке видно, что боковой *ль* появился после *р*, а не наоборот. Надо полагать, что до появления *ль* в древнекорейском языке существовал одноударный сонант *р*, который в положении между гласными в словах *тыры* 'степь', *кури* 'медь', *нара* 'страна' и т. п., несомненно, произносился отчетливо. Без него непонятны были бы эти слова, а другой звук вместо *р* придал бы указанным словам иное значение. Следовательно, сонант *р* как фонема возник еще в древнее время, хотя он в качестве самостоятельной единицы звукового состава все еще не признается в литературе по корейскому языку. Нет сомнения, что в первый период в конечной позиции в слове эти два разных на слух, но одинаковых по месту образования сонанта выступали то как *р*, то как *ль*. И сейчас нередко можно наблюдать в северном диалекте, что слово со значением 'огонь' произносится то как *пур*, то как *пуль*. Но носители указанного диалекта, не замечая реальных различий между этими словами, воспринимают их как одинаковый звуковой комплекс» (23, стр. 18—19).

Наличие в седьмом фонемном ряду в колонке языка тюркских рунических памятников согласного *š*, а в колонке чувашского языка согласных *ш* и *ç*, с одной стороны, связано с тем, что указанные согласные *š/ш* и *ç* по своим артикуляционным признакам сходны с *s/c*, находясь в оппозиции к нему: свистящий-шипящий, свистящий-свистящий с оттенком палатальности, что не выводит их за пределы родственных фонем, а, с другой стороны, в чувашском языке согласный *ш* сформировался из *s* перед *и* (24, стр. 23—24). Далее, в языке тюркских рунических памятников наблюдается перебой *s/š*, на что обратили внимание тюркологи (25), причем в памятнике Моюн-Чура согласные *s* и *š* вообще оказываются недистинктивными (9, стр. 55), что, несомненно, указывает на родство этих согласных. «Для чувашского консонантизма особое значение имеет *s*- в аялауте, поскольку оно может соответствовать трем разным чувашским сибиллянтам: *s* (-*c*), *š* (-*ш*-), *š* (-*а*). Если исходить из предположения, что последних двух в древнетюркском в аялауте вообще не было, то следует считать, что *š*-, *š*- восходят к более древнему *s*- и развились на почве чувашского языка» (26, стр. 119). Ср. также с эволю-

цией древнеяпонского согласного *s* в *š* перед *i* (27, стр. 43, 44). Для большей убедительности добавим, что во всех монгольских диалектах согласный *š* также сформировался из *s* и также перед *i* (22, стр. 39). Еще отметим, что: «Начальный *š* не считается исконным не только для тюркских (...), но и для алтайских языков (...)» (28, стр. 114; 29, стр. 169; 30, стр. 162; 31, стр. 29).

Девятый и десятый фонемные ряды особых комментариев не требуют.

В одиннадцатом фонемном ряду следует отметить формирование чув. *x* из общетюркского *k/q*, что ясно прослеживается даже в сравнительно поздних заимствованиях: *xavxa* 'шум, крик' из кыпчакск. *қауға*; *xavшak* 'слабый, рыхлый' из тат. *қаушак id.*; *xan* 'рогожа, кули' из тат. *кан id.* (32, стр. 73).

Рассмотрим гласные и согласные, заключенные в таблице 4 в скобки. Отнесение древнеяпонских гласных *e*, *ẽ*, *i* к двум фонемным рядам связано с дуалистической природой их формирования, поскольку, как указывалось ранее, $e \leftarrow i + a$, $ẽ \leftarrow a + i$, $i \leftarrow u + i$ или $o + i$, причем их наличие в составе многослогового слова свидетельствует о прохождении морфемного шва (6, стр. 162), представляя тем самым удобный индикатор при определении корня слова. Далее, отнесение чувашских редуцированных гласных *ă* и *ẽ* к трем фонемным рядам также связано со спецификой их формирования. Так, Н. И. Ашмарин полагал, что чувашские гласные *ă* и *ẽ* являются продуктом делабиализации и редукции гласных *y* и *ũ* (33, стр. 341). Примерно то же утверждает В. Г. Егоров, считая, что в большинстве случаев чувашские редуцированные гласные *ă* и *ẽ* восходят к *y* и *ũ* (13, стр. 299). С другой стороны, Н. А. Баскаков и Ф. Г. Исхаков полагают чувашские редуцированные гласные *ă* и *ẽ* соответствующими *ы* и *и* в остальных тюркских языках (2, стр. 240; 34, стр. 54). И, наконец, А. М. Щербак приводит случаи, хотя и немногочисленные, соответствия чув. *ă* и *ẽ* общетюркскому *a* (30, стр. 146). Здесь важно подчеркнуть вторичный характер образования чувашских редуцированных гласных *ă* и *ẽ*. Отнесение согласных *č* и *ŋ* в языке тюркских рунических памятников, а также чувашского *ч* к двум фонемным рядам также связано с их дуалистической природой образования, где $č \leftarrow l + š$ и $ŋ \leftarrow n + k$ (35, стр. 121; 36, стр. 6; 26, стр. 134). Так как неизвестно, в каком соотношении входили указанные компоненты в состав сложных по природе образования фонем, другими словами, образовался ли *č* из *S* или из *T*, или же развился независимо из двух этих протофонем [ср. с ранее приведенными гипотезами относительно артикуляции древнеяпонского согласного *s*, а также с эволюцией древнеяпонского согласного *t* полутвердый (полумягкий) вариант которого перед *õ* уже в период Хэйан (794—1192 гг.) трансформировался в твердый вариант в связи с конвергенцией *o* и *õ* в *o*, перед *u* наметилась тенденция перехода *t* в самостоятельную глухую свистящую аффрикату (27, стр. 43), а перед *i* уже превратился в самостоятельную глухую шипящую аффрикату *tS* (27, стр. 44) (то же относится и к *ŋ*)], мы причислили указанные фонемы к двум фонемным рядам.

Можно попытаться вывести систему протофонем для японского праязыка, сочетая метод внутренней реконструкции со статистической оценкой рассматриваемых параметров (частотностью гласных и согласных). Колонка древнеяпонского языка в выведенной матрице фонетических корреспонденций показывает, что на основе принципа мажоритарности система протофонем для японского праязыка приобретает вид, указанный в последней колонке упомянутой матрицы.

При реконструкции системы протофонем для тюркского праязыка мы прибегали к синтезу методов внешней (сравнительной) и расширен-

ной внутренней реконструкции (термин «расширенная внутренняя реконструкция» обусловлен использованием двух базисных тюркских языков, а первый метод уже применялся при анализе чув. *л* и *л* в языке тюркских рунических памятников, и, частично, при анализе чув. *ш* и *ш* в языке этих памятников) с учетом статистической оценки рассматриваемых параметров (частотностью гласных и согласных). Реконструированная таким образом система протофонем для тюркского праязыка также приобретает вид, приведенный в последней колонке матрицы фонетических корреспонденций, однако здесь в отличие от древнеяпонского языка, в котором реконструкция осуществляется беспрепятственно, реконструкция протофонем для тюркского праязыка наталкивается на определенные трудности. Последние связаны с тем, что в языке тюркских рунических памятников в четвертом фонемном ряду согласный *б* обладает значительно большей частотностью, чем *р*. Здесь-то и приходят на помощь данные чувашского языка, в котором указанный согласный *б* вообще не сформировался: «Один из западных древнетюркских языков совсем не имеет звонких звуков в своем языковом составе, а только глухие и полувзвонкие, — чувашский. Исходя из этого, и чувашский язык можно считать одним из древнейших тюркских языков» (17, стр. 6). Отсутствие звонких согласных в тюркском праязыке находит свое подтверждение не только в реконструированной системе протофонем для тюркского праязыка, но и в письменном языке уйгуров Турфана и Ганьсу, где не различались глухие и звонкие согласные (36, стр. 132). Первичность глухих следует из их большей частотности в языке тюркских рунических памятников, да и вообще в памятниках древнетюркской письменности, и последующей эволюции согласных в тюркских языках, которые наглядно иллюстрируют увеличение частотности звонких согласных с течением времени.

Итак, на основе комплексного использования методов внешней (сравнительной) и внутренней реконструкции, дополненных статистической оценкой рассматриваемых параметров (частотностью гласных и согласных), оказалось возможным:

1) сформировать матрицу фонетических корреспонденций на уровне, охватывающем всю систему фонем базисных языков (древнеяпонского, тюркских рунических памятников, чувашского), и реконструировать систему протофонем, состоящую из трех гласных: *А* — нелабиального гласного заднего ряда нижнего подъема, *И* — нелабиального гласного переднего ряда верхнего подъема, *У* — лабиального гласного заднего ряда верхнего подъема и восьми согласных, выступающих в твердом и мягком вариантах: *Р* — билабиального глухого смычного, *М* — билабиального смычного носового сонанта, *С* — переднеязычного глухого спиранта, *Т* — переднеязычного глухого смычного, *Н* — переднеязычного смычного носового сонанта, *Ј* — среднеязычного щелевого сонанта, *К* — заднеязычного глухого смычного, *Р* — переднеязычного одноударного альвеолярного сонанта, с произвольной дистрибуцией первых десяти фонем, и лишь фонема *г* не могла употребляться в инициальной позиции, из чего, в свою очередь, следует:

а) исключительно глухое начало (точнее, отсутствие звонкого начала) слова в тюркском праязыке, что находит свое подтверждение в исследованиях Н. З. Гаджиевой (38, стр. 9). С другой стороны, точка зрения той же Н. З. Гаджиевой, говорящей о наличии в древнечувашском языке звонких согласных в анлауте на основании древнечувашских заимствований в венгерском языке (39, стр. 71) данными ни внутренней, ни внешней реконструкции не подтверждается. Как пишет В. Л. Лыткин: «В венгерском и пермских языках произошло спорадическое озвончение глухих согласных начала слова. В венгерском языке

процесс озвончения протекал до занятия Родины, а в пермских языках он начался еще в ранний период прапермского языка и длился в продолжение всего прапермского периода (даже наблюдаются случаи озвончения в удм. и коми языках после распада общепермского языка). Так что венгерские и пермские заимствования из древнечувашского языка не являются надежными источниками при определении звонких и глухих согласных древнечувашского языка» (40, стр. 50). Весь эволюционный ход развития как японского, так и тюркских языков, свидетельствует о неуклонном нарастании частотности звонких согласных, в частности, в анлауте;

б) наличие первичного инициального *j*- в тюркском праязыке, что также находит свое частичное подтверждение в работе Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебrenникова (41);

в) наличие в японском праязыке одного согласного *r*, а не двух *r* и *ɹ*, как считает Н. А. Сыромятников (3, стр. 27);

г) отсутствие сингармонизма как в японском, тюркском праязыках, так и в алтайском праязыке (см. далее п. 3), что противоречит точке зрения Б. А. Серебrenникова о наличии закона сингармонизма в алтайском праязыке (42, стр. 337). Этот парадоксальный на первый взгляд результат — прямое следствие чередования твердого и мягкого вариантов фонем в семантически тождественных словоформах, проявляющегося в обширном лексическом пласте тюркских языков. Примеры: др.-тюрк. *qor*—*kör* 'много', *it*—*it* 'собака', *jip*—*jip* 'нора'; др.-тюрк. *el*—чув. *ал(á)* 'рука', др.-тюрк. *ek*—чув. *ак*- 'сеять', др.-тюрк. *eg*—чув. *ар* 'мужчина', др.-тюрк. *köç*—чув. *куç* 'кочевать', др.-тюрк. *kög*—чув. *кур* 'видеть', др.-тюрк. *kün*—чув. *кун* 'день' (9, стр. 362; 21, стр. 456, 317, 215, 221, 261, 267, 209, 218, 168, 167, 175, 311, 317, 326; 43, стр. 95; 44, стр. 27, 25, 37, 182, 179). Приведенные примеры могут быть дополнены также многочисленными заимствованиями (главным образом арабско-персидскими): каз. *käzır*—*qazır* 'сейчас', каз. *mekteп*—узб. *maktab* 'школа', каз. *ғылым*—кирг. *илим* 'наука', азерб. *булбул*—каз. *булбул* 'соловей', др.-тюрк. *dağı*—каз. *däri* 'лекарство' (45, стр. 76; 21, стр. 159; 46, стр. 300; 47, стр. 113; 48, стр. 248; 49, стр. 106, 102, 99, 97). Это явление — чередование твердого и мягкого вариантов фонем в семантически тождественных словоформах — отмечается многими тюркологами (50; 51, стр. 152; 52, стр. 168—169; 53; 54, стр. 52—54; 55, стр. 51; 30, стр. 36—39) и сохраняется на протяжении многовековой истории тюркских языков, как реликт нефонематичности твердого и мягкого вариантов фонем, причем нефонематичность твердого и мягкого вариантов согласных фонем, признается всеми тюркологами безоговорочно. Нами же этот случай обобщается и переносится на гласные в силу инвариантности отсчета как относительно гласных, так и относительно согласных, что позволило разъяснить, по выражению В. Банга, одно из самых запутанных явлений во всей языковой истории тюрков (30, стр. 37). В древнеяпонском языке наблюдается так называемый «эмбриональный сингармонизм», объясняющийся так же, как и в тюркских языках, первичной семантической тождественностью словоформ с заднерядными *a*, *o*, *u* и словоформ со среднерядным *ö* (переднерядный *i*, как уже указывалось ранее, в этом отношении нейтрален и сосуществует в составе словоформ как с заднерядными *a*, *o*, *u*, так и в составе словоформ со среднерядным *ö*), которые в процессе языковой эволюции стали служить средством дифференциации значений, что довольно отчетливо прослеживается в целом ряде слов древнеяпонского языка со среднерядной и заднерядной огласовками и отмечается японскими лингвистами, например: др.-япон. *apa*—*öpö* 'axl', 'oxl', *apa*—*öpö* 'сам', *are*—*öre* 'я', *sa*—*sö*

‘(э)тот’, *saja-gu—sōjōgu* ‘шуршать, шелестеть’, *ka* ‘тот’ — *kō* ‘этот’, *ka-gu* ‘косить’, — *kōgu* ‘рубить’, *kata-gu* ‘говорить’ — *kōtō* ‘слово’, *ōgō—ugu* ‘глупый’, *ōtō* ‘звук’ — *uta* ‘песня’, *mōgō* ‘все’ — *muga* ‘толпа’, ‘рой’, ‘группа’, ‘стадо’, *pōtō* ‘почти все’ — *putu* ‘все’, *kō—ku* ‘место’, *jō—ku* ‘избегать, сторониться’, ‘уклоняться’ — *ju—ku* ‘идти’, ‘ходить’ (5, стр. 32; 19, стр. 2—10; 6, стр. 168). Гласный *o*, являющийся фонетическим вариантом более древнего гласного *u*, представлен главным образом в диалекте Адума, где он регулярно соответствует стандартному *u*, и которому обязан своим существованием в стандартном древнеяпонском языке (18, стр. 756). Сдерживающим фактором в развитии сингармонизма в древнеяпонском языке на более ранних ступенях его развития явилось влияние малайско-полинезийского субстрата, под воздействием которого была деструктирована система вокализма древнеяпонского языка, следствием чего явилась утрата сингармонизма, а также было закреплено правило открытого слога, являющееся одной из характерных черт малайско-полинезийских языков (56, стр. 21; 57, стр. 19; 58, стр. 32; 59, стр. 19, 24), ибо известно, что влияние субстрата сказывается прежде всего на фонетическом строе языка-победителя (3, стр. 22);

2) прийти к твердому заключению об отсутствии долгих гласных в тюркском праязыке. «Исключительно точное соответствие» долгих гласных между туркменским и якутским языками, выдвигаемое некоторыми учеными (54, стр. 59; 30, стр. 47—59) в качестве доказательства наличия первичных долгот в тюркском праязыке, специально проведенное нами с использованием ЭВМ, не подтверждается, а полностью отнюсится к числу случайных совпадений. Что касается других языков алтайской семьи, могущих пролить свет на проблему долгих гласных в алтайском праязыке, то здесь наблюдается следующая картина: авторы грамматик древнеяпонского языка (4, стр. 29) и старописьменного монгольского языка (22, стр. 24) прямо говорят об отсутствии долгих гласных в указанных языках; не зафиксированы долгие гласные также в древнекорейском языке, и этот вопрос, как отмечает Ли Ки-Мун (60, стр. 86—87), требует дальнейшего исследования; не представлены графически долгие гласные и в маньчжурском языке (61, стр. 13—16). В силу вышеизложенного правомерной представляется точка зрения К. Дыйканова, считающего, что долгие гласные — новое явление в тюркских языках и в каждом из них они развились своим путем (62, стр. 54, 63);

3) выдвинуть весьма правдоподобную гипотезу о том, что реконструированная система протофонем непосредственно восходит к алтайской языковой общности, поскольку в выведенную матрицу фонетических корреспонденций полностью вписываются не только системы фонем древнеяпонского и тюркских языков, но и системы фонем монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, что видно из таблиц фонетических соответствий между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, приведенных в работе Н. Поппе (63, стр. 197, 202), (который, кстати, также особо выделяет чувашский язык из семьи тюркских языков), а также между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками, приведенных в работах Г. Рамстедта (64, стр. 80, 85), М. Рясенена (54, стр. 27—28) и Ли Ки-Муна (60, стр. 24, 26). Более того, выведенная система протофонем оказывается тождественной системе фонем, охватывающей более широкий круг языков. Как отмечает Т. М. Гарилов: «Нетрудно убедиться в том, что названные „первообразными“ для ряда языковых семей мира 10 (а с учетом фонемы *j*, о „первичности“ которой Т. М. Гарилов говорит далее на стр. 263, 11, тождественных реконструированным в данной работе протофонемам. — Э. А.) фонем обнаруживаются во всех без исключения тюркских языках — лишнее свидетельство глубокой древности и отно-

сительной неизменной самостоятельности этих звукотипов на протяжении тысячелетий. Их совокупность следовало бы определить как структурную базу или каркас для фонологической системы каждого тюркского языка, а все прочие вторичные фонемы — как дальнейшее распространение и обогащение данной системы новыми элементами и отношениями» (28, стр. 262).

Здесь рассмотрен магистральный путь развития системы вокализма и консонантизма древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников, начиная от их праязыкового состояния, однако в действительности для рассмотренных языков мы наблюдаем девиацию не только в пределах родственных фонем (смещение по горизонтали или доминантная девиация), примером чего является сформированная матрица фонетических корреспонденций, но также за пределы родственных фонем (смещение по вертикали или субдоминантная девиация). Последняя особенно характерна для вокализма чувашского языка (и, отчасти, консонантизма, что объясняется в значительной степени отдаленностью во времени данных чувашского языка от языка тюркских рунических памятников, а также влиянием соседних финно-угорских языков, в первую очередь — марийского) и вызывает «горячие споры во всей алтаистике» (26, стр. 101). Эти случаи (смещение по вертикали или субдоминантная девиация), равно как и природа образования древнетюркских *č*, *ŋ* и чув. *ч* надлежит рассмотреть в исследованиях, посвященных поиску родственных корней между древнеяпонским языком, с одной стороны, и языком тюркских рунических памятников и чувашским языком — с другой, на основе выведенной матрицы фонетических корреспонденций с использованием ЭВМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Баскаков. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
2. Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960.
3. Н. А. Сыромятников. Древнеяпонский язык. М., 1972.
4. Т. Asami, S. Hashimoto, I. Ide, K. Kojima, T. Sakakura. Jōdaigo gaisetsu. — In: «Jidaibetsu kokugo daijiten. Jōdaihen», Tokyo, 1971. (Очерк древнеяпонского языка. — В кн.: «Большой словарь древнеяпонского языка»).
5. K. Mabuchi. Kokugo opinron. Tokyo, 1972 (Фонология японского языка).
6. S. Ono. Nippongo-no kigen. Tokyo, 1970 (Происхождение японского языка).
7. D. L. Philippi. Kojiki. Tokyo, 1969.
8. «Учебник японского языка (для начинающих)». Под ред. И. В. Головнина. М., 1971.
9. Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
10. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
11. «Грамматика хакасского языка». М., 1975.
12. И. А. Андреев. Чувашский язык. — В кн.: «Языки народов СССР. Тюркские языки». М., 1966, т. II.
13. «Краткий очерк грамматики чувашского языка». — В кн.: «Чавашла-вырăсла словарь». Шупашкар, 1954.
14. В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971.
15. «Jidaibetsu kokugo daijiten. Jōdaihen». Tokyo, 1971. («Большой словарь древнеяпонского языка»).
16. К. Аширалиев. Орхон-Енисей жазма эстеликтериндеги унгу сөздөр. Фрунзе, 1963.
17. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
18. R. A. Miller. The Japanese Reflexes of Proto-Altaic *d, *ʒ and *č. — «Journal of the American Oriental Society». 1968, v. 88, № 4.
19. T. Moriyama. Jōdai-ni zanson suru *ō*—и *taiō*-ni tsuite. Imi-no bunka-ni kansuru ichishiron. — Kokugogaku. 1964, N 56. (О соответствии *ō*—и — реликтовом явлении в древнюю эпоху. Опыт исследования дифференциации значений).
20. «Большой японско-русский словарь». Т. I, М., 1970.

21. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
22. Г. Д. Санжеев. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
23. Ф. З. Ким. Возникновение и исчезновение некоторых звуков в корейском языке. — В кн.: «Корейский язык. Сборник статей». М., 1961.
24. Н. Н. Понне. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам. III. — «Известия Российской Академии наук», серия VI, т. XIX, 1925, №№ 1—5.
25. Э. Тенишев. Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971.
26. М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары. 1980.
27. Н. А. Сыромятников. Развитие новояпонского языка. М., 1978.
28. Т. М. Гаринов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристик. М., 1979.
29. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b—K). М., 1971.
30. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
31. N. Porre. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Teil. I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
32. Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978.
33. Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. I—II. Казань, 1898.
34. Ф. Г. Исхаков. Общая характеристика тюркского вокализма. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика». М., ч. I, 1955.
35. Л. Блумфилд. Язык. М., 1968.
36. В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.
37. Э. Р. Тенишев. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников. — В кн.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1963.
38. Н. З. Гаджиева. Глухое начало слова в тюркском языке. — «Советская тюркология», 1973, № 4.
39. Н. З. Гаджиева. О трех этапах изменения аналитных согласных в тюркских языках. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1974». М., 1978.
40. М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, ч. II, 1968.
41. Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников. Был ли начальный *j* в тюркских языках первичным? — «Советская тюркология», 1974, № 3.
42. Б. А. Серебрянников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
43. «Чавашла-вырасла словарь». Шулашкар, 1954.
44. «Чувашско-русский словарь». М., 1961.
45. Х. А. Азизбеков. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965.
46. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
47. Х. Махмудов, Г. Мусабаев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.
48. «Узбекско-русский словарь». М., 1959.
49. Т. Шонанов, К. Тулебаев. Учебник казахского языка для взрослых. Кызыл-Орда, ч. I, 1936.
50. Н. К. Дмитриев. Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских слов. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика». Ч. I. М., 1955.
51. Л. В. Дмитриева. Заметки по языку барабинцев. — В кн.: «Вопросы грамматики и истории тюркских языков». М.—Л., 1958.
52. В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, ч. I, 1954.
53. Д. Г. Кукбаев. Вариантные слова или сингармонические параллели в башкирском языке. — «Ученые записки Башкирского государственного педагогического института», V, серия филологическая, 1, Уфа, 1965.
54. М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
55. Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.
56. В. Д. Аракин. Самоанский язык. М., 1973.
57. В. Крупа. Язык маори. М., 1967.
58. В. Крупа. Полинезийские языки. М., 1975.
59. В. Крупа. Гавайский язык. М., 1979.
60. Lee Ki-Moon. Kankokugo-no tekishi. Tokyo, 1975. (История корейского языка. Перевод с (южно) корейского на японский выполнен Ю. Фуэшимото под ред. С. Мураяма).
61. Б. К. Пашков. Маньчжурский язык. М., 1963.
62. К. Дыйканов. Кыргыз тилиндеги үндүүлөр. Фрунзе, 1959.
63. N. Porre. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
64. G. J. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki. 1957.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

П. И. КУЗНЕЦОВ

СЕМАНТИКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЮРКСКОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА $-(^{\circ})b$, $-(^{\circ})p$, $-(j)^{\circ}p$ -...

Исследователи неоднократно брались за «реконструкцию» древнего тюркского деепричастия на $-(^{\circ})b$, $-(^{\circ})p$ и т. д. (Знак $^{\circ}$ обозначает здесь узкий гласный: $u/\ddot{u}/y/i$). Этой проблеме посвящена и статья А. Н. Кононова, содержащая глубокий, детальный анализ предшествующих попыток этимологизации названного аффикса, связанных с именами В. Шотта, Ф. Е. Корша, В. Банга, К. Брокельманна, Ж. Дени, В. Котвича, К. Х. Менгеса, Т. Бангуоглу, А. Джафероглу, Н. А. Баскакова, Б. А. Серебренникова, М. Ш. Ширалиева, А. М. Щербака, Д. Синора, О. И. Сунника, Г. И. Рамстедта, О. Прицака и других¹. В этой же статье приведены интересные цифровые данные об употреблении деепричастия (или деепричастий) на $-p$ и на $-rap$ в языке орхон-енисейских памятников. Однако предлагаемая здесь реконструкция названных деепричастий, подобно аналогичным более ранним опытам, не кажется нам удачной.

На наш взгляд, несостоятельны все попытки этимологизации аффиксов, основанные на возведении современных морфем к показателям древних причастий, деепричастий, глагольных и отглагольных имен и т. п., к чему побуждает авторов теория номинативной структуры тюркского предложения². Так обстоит дело и в данном случае: аффикс $-ban$, по мнению А. Н. Кононова, «является показателем имени результата действия ~ имени совершенного действия (причастия, деепричастия) и восходит к глаголу „быть; делаться; становиться“, каковым был — на доступном нашему обозрению отрезке истории тюркских языков — и остается глагол пол-~бол- < *по-~*бо+ -л», причем сам этот глагол «выступал вторым компонентом сложного глагола, состоящего из деепричастий на $-(j)a/- (j)\ddot{a} \sim -(j)y/- (j)i/- (j)y/- (j)\ddot{y} + *bo(л) + ^{\circ}n$; например: *ал-а/-ы+*бо(л)-+ $^{\circ}n$ > ал-а/-ы+бан „взяв“...», а морфема $-(^{\circ})n$ является «древним причастием (> деепричастием), известным в тюркских (якутский, чувашский), монгольском и корейском языках...»³.

Из сказанного следует, что для возникновения деепричастия на $-(y)ban$ нужно было, чтобы уже существовало деепричастие на $-(j)a/- (j)y$,

¹ См.: А. Н. Кононов. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на $-(^{\circ})n$, $-(^{\circ})b$, $-(j)^{\circ}b$, $-(^{\circ})пан$, $-(^{\circ})бан$, $-(^{\circ})баны$, $-(^{\circ})баның$ (н) (материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков). — «Вопросы языкознания», 1965, № 5, стр. 106—109.

² См.: П. И. Кузнецов. Генезис тюркского аориста. — «Советская тюркология», 1980, № 6, стр. 38—40.

³ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 110, 111.

а также причастие (>деепричастие) на $-^{\circ}p$ от глагола $bo(-l)$; при этом остается неясным, каким образом объединение всех этих разнохарактерных компонентов привело к возникновению искомого деепричастного значения ($al-ur/al-uban$ 'взяв' и т. п.).

Впрочем, семантику деепричастия на $-(^{\circ})p$ еще предстоит уточнить; в этих целях проследим трактовку этой формы в грамматиках турецкого языка.

Поскольку деепричастие на $-ir$ занимает видное место в грамматической системе языка, его фиксируют почти все авторы турецких грамматик. (Правда, Ф.-М. Маджио отмечает лишь соответствующую форму вспомогательного глагола $ol-$ 'быть' — $ol-ur$ ⁴). При этом одни грамматисты лишь называют интересующую нас форму, другие присовокупляют к этому перевод одного-двух примеров на латинский, французский или иной язык⁵, предлагая в качестве эквивалента (дее)причастную форму прошедшего (Жобер), настоящего (Клод, Хольдерманн, Прайндль) или того и другого времени.

М. Вигье писал, что союза ve ('и') «часто стремятся избежать» и что «фраза становится более привлекательной, если вместо ve ставят деепричастие на $-ib...$ »⁶ (то же, очевидно, имел в виду Ф. М. Менинский, когда, переводя деепричастие на $-ir$, использовал союз et 'и')⁷. Еще четче сформулировал эту мысль Дж. Редгауз, указавший, что деепричастие на $-ir$ «равнозначно глаголу, за которым следует союз 'и': оно обозначает конец одного из компонентов предложения, который оно таким образом присоединяет к последующему»⁸. Там же он подчеркнул, что наклонение, время, лицо и число, выражаемые деепричастием, определяются по глаголу, которому оно подчинено. В дальнейшем еще около сорока авторов дали аналогичную или сходную характеристику, отмечая, что деепричастие на $-ir$ употребляется «в литературном стиле речи»⁹, «для сокращения последующей глагольной формы»¹⁰, что оно «не имеет никакого собственного значения»¹¹ (то есть имеет лишь значение последующего глагола) и т. д. Доминирующую «чисто копулятивную функцию» деепричастия на $-ur$ отмечают и исследователи грамматики других тюркских языков¹².

⁴ F.-M. Maggio. Syntagmata linguarum orientalium, Liber secundus... Turcicae linguae institutiones... Romae, 1670, стр. 75, 69, 70.

⁵ См.: F. M. Meninski. Linguarum orientalium turcicae... seu Grammatica turcica. Viennae Austriae, 1680, стр. 81; J. Ch. Clodius. Grammatica turcica..., Lipsiae, 1729, стр. 54; [Holdermann] Grammaire turque ou methode courte..., Constantinople, 1730, стр. 47; [J. Preindl] Grammaire turque d'une toute nouvelle methode. Berlin, 1790, стр. 34, 46; C. Comidas de Carbognano. Primi principi della grammatica turca..., Roma, 1794, стр. 106; P. A. Jaubert. Eléments de la grammaire turke. Paris, 1833 (1822), стр. 148; A. L. Davids. Grammaire turke avec un vocabulaire..., Londres, 1836 (1832), стр. 69; Berswordt. Neuste Grammatik der türkischen Sprache für Deutsche..., Berlin, 1839, стр. 48; Ch. Boyd. The turkish interpreter or a new grammar of the turkish language. Paris, London, 1842, стр. 113; N. Mallouf. Grammaire élémentaire de la langue turque. Paris, 1889 (1862), стр. 76; Генерал-майор [М. Д.] Гутор. Краткая турецкая грамматика. Тифлис, 1914, стр. 31, и другие авторы.

⁶ M. Viguier. Elémens de la langue turque. Constantinople, 1790, стр. 166; см. также: [О. И. Сенковский] Карманная книга для русских воинов в турецких походах... Часть вторая. Основные правила турецкого разговорного языка. С.-Пб., 1854 (1829), стр. 89.

⁷ F. M. Meninski. Указ. раб., стр. 81.

⁸ J. W. Redhouse. Grammaire raisonnée de la langue ottomane. Paris, 1846, стр. 108.

⁹ A. Tien. A turkish grammar. London, 1896, стр. 281, 282.

¹⁰ Х. Джевдет-заде, А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934, стр. 153.

¹¹ G. Weil. Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache. Berlin, 1917, стр. 198.

¹² См., например: А. А. Юлданов. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, стр. 29, 30.

Одновременно часть авторов указывала и еще на одну особенность деепричастия на *-ir*, которое, по словам А. Казем-бека, «иногда может переводиться настоящим, но очень часто оно означает действие прошедшее» и «совершенно соответствует русскому деепричастию на *-в* и *-вши* — выражает действие предмета, происходившее непосредственно прежде начатия другого действия этим же предметом»¹³. М. Хортен писал, что деепричастие на *-ir* «обозначает действие, которое как раз закончилось, когда происходит другое»¹⁴. В связи с этим предлагалось наименование: деепричастие предварительное (*préalable*)¹⁵. Впрочем, по мнению некоторых других авторов, деепричастие на *-ir* «показывает, что ...два действия происходят одно вслед за другим или одновременно»¹⁶.

С другой стороны, не все авторы согласны с тем, что деепричастие на *-ir* «не имеет никакого собственного значения» (Г. Вайль). Так, еще М. Вигье предположил, что (помимо чисто соединительного) оно «имеет еще значение *lorsque, quand*»¹⁷ (то есть «когда»). По мнению Ж. Дени, «может случиться, что форма на *-(y)ir* выражает... обстоятельство времени, образа действия или причины»¹⁸; А. Эмре говорит о некоторых «стенках», передаваемых деепричастием на *-ir*¹⁹, а А. Н. Кононов уже прямо утверждает, что деепричастие на *-ir* характеризует сказуемое «с точки зрения образа действия, времени, причины или условия: *al-ir* 'взяв//когда взял//так как взял//если взял...'»²⁰.

Следует все же полагать, что указанные значения в основном контекстуально обусловлены, то есть должны расцениваться как нерелевантные оттенки. Так, если обратиться к 57 примерам на это деепричастие, имеющимся в нашей картотеке, то можно установить, что в большинстве случаев (≈60% примеров) «соединительное» (копулятивное) значение этого деепричастия выступает совершенно четко. Например: *Elektrigi söndürerek sokağa fırladı ve bir otomobile atlayıp o akşam davetli olduğu eve gitti* (М. Feridun. *Kalp sustuğu zaman.*) 'Погасив свет, он выскочил на улицу и, вскочив в какой-то автомобиль, поехал к дому, куда она была приглашена в тот вечер' (*atlayıp... gitti* «вскочив... поехал» = «вскочил... и поехал»). — *Bildiğin yerden geliyorum. Komutana arattırıp buldurduğün yerden!* (М. К. Су. *Istranca eteklerinde*). — 'Я иду из известного тебе места. Из того места, где по твоему настоянию командир велел искать и найти [меня]'.

¹³ А. Казем-бек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, стр. 307, 308.

¹⁴ М. Horten. *Kleine türkische Sprachlehre*. Heidelberg, 1916, стр. 86; см. еще: А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 65, 132; М. Baha. *Yeni türkçe gramer*. *Ist(anbul)*, стр. 258; Х. Джедет-заде, А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 153; Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 42; А. Mörer. *Grammaire de la langue turque théorique et pratique*. *Ist.*, 1961, стр. 136; Y. Göknel. *Modern türkçe dilbilgisi*. *Izmir*, стр. 100; см. также: Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 847, 848; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II., М., 1952, стр. 461; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 159; Л. А. Покровская. Грамматика пагаузского языка. М., 1964, стр. 241; Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 177; его же. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 112.

¹⁵ См.: J. Déný. *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*. Paris, 1921, стр. 877; L. Basin. *Introduction á l'étude pratique de la langue turque*. Paris, 1968, стр. 129.

¹⁶ T. Banguoğlu. *Ana hatlarla türk grameri*. [Ist.] 1940, стр. 47; см. также: R. Gcdel. *Grammaire turque*. Geneve, 1945, стр. 166; А. С. Emre. *Türk dilbilgisi*. *Ist.*, 1945, стр. 393.

¹⁷ M. Viguier. Указ. раб., стр. 167.

¹⁸ J. Déný. Указ. раб., стр. 879.

¹⁹ А. С. Emre. Указ. раб., стр. 393.

²⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 474; см. еще: Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 42; ср. Вл. [А.] Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 128 («...означает: ...б) время или условие...»).

В предложениях, где деепричастие на $-ip$ удваивается²¹, имеет отдельное подлежащее²² или выступает в негативном значении, предшествуя форме с отрицательным аффиксом $-ma$ ²³, также по существу должно фиксироваться соединительное значение.

Hele büyüün, *gelip gelip* senden para koparacak ninni (A. Nesin. Uşusana tosunum, ninni) 'Пусть только вырастет, он *будет* [то и дело] *приходить* и выуживать у тебя деньги, бай-бай'.

Ayşe yağlandı. Kispetler giydi. Çifter çifter karşı:na çıkan pehlivan-ları *kaldırıp kaldırıp* yere çarptı. (Ö. Seyfettin. Elegimsağma) 'Айше намазалась маслом. Надела панталоны. Выходивших против нее парами борцов она [раз за разом] *поднимала* и бросала оземь'.

Şimşekler çaktıkça genç kadın *nelerin yanıp*, *nelerin söndüğünü* gö-recek (M. K. Su. Sus uyanmasın) 'В сверканьи молний молодая женщи-на увидит, *что* [еще] *горит*, а *что* *погасло*'.

Eğer Râkım sebze sepetini *devirip* de soğanlar yere yuvarlanmasalar, Rabia, ...hiç uyanmayacaktı (H. E. Adıvar. Sinekli Bakkal.) 'Если бы Ра-кым не *опрокинул* корзины с овощами и луковицы не посыпались на пол, Рабия ни за что не проснулась бы...'.

Komutan *dönüp* bakmadı bile... (F. Rifki [Atay]. Zeytindağı). 'Коман-дир даже *не оглянулся* и не посмотрел'.

В некоторых примерах — они составляют не более 20% от общего числа — наряду с копулятивно-соединительной возможна и обстоятель-ственная трактовка деепричастия на $-ip$, однако отказ от первой в поль-зу второй вряд ли обоснован.

...bizim ahbapların elebaşısı sırça köşkün balkonuna çıkmış, sesini *tatlılaştırıp* onlara demiş ki: ... (S. Ali. Sırça köşk.) '...главарь наших приятелей вышел на балкон стеклянного дворца [и], *подсластив* голос (или: *подсластил* голос и...), сказал им (людям): ...'.

Деепричастие *tatlılaştırıp* едва ли является обстоятельством образа действия и отвечает на вопрос: Nasıl (demiş)? 'Как (сказал)?'; в этом случае было бы употреблено деепричастие на $-arak$: sesini *tatlılaştırarak* (demiş) 'подсластив голос/подслащенным голосом (сказал)'.

Dün daha bahçe kapısından çıkmadan arkamdan *koşup* geldi. (S. Ali. İçimizdeki şeytan). 'Вчера я еще не вышла из (школьного) сада, как он *подбежал* ко мне'.

Сочетание *koşup* *gelmek* равнозначно понятию «подбежать»; обстоя-тельствоное значение — 'бегом (подоспел)' — было бы выражено деепричастием на $-arak$: *koşarak* (arkamdan geldi), ср.: Çocuk... *koşarak* Dedemköylü Mehmedin tarlasına gitti... (S. Ali. Kanal.) 'Мальчик *бегом* отправился на поле Дедемкейлю Мехмеда...'. Необходимо, впрочем, учи-тывать, что деепричастие на $-arak$ нередко утрачивает обстоятельство-ное значение и в этих случаях, наряду с формой на $-ip$, должно быть отнесено к числу соединительных деепричастий.

К сказанному следует добавить, что и «условное» значение деепри-частия на $-ip$ (в сочетании с частицей *da/de*) не имманентно этой фор-ме, а обусловлено контекстом, например:

— Babası zaten öteki çocuklara bakmaktan aciz. *Vermeyip* *te* ne yara-sak (R. N. Güntekin. Çalıkuşu.) '— Ее отец и за другими-то детьми при-смотреть не в силах. *Не отдав*//Если *не отдаст* [девочку], что он станет делать?'.

²¹ На такую возможность первым указал Р. Годель: R. Godel. Указ. раб., стр. 169.

²² Такие конструкции впервые отметил Дж. Редгауз: J. W. Redhouse. Указ. раб., стр. 269.

²³ См. об этом: M. Viguier. Указ. раб., стр. XVIII; R. Godel. Указ. раб., стр. 167; A. C. Emre. Указ. раб., стр. 394; T. N. Gencan. Dilbilgisi. Ist., 1966, стр. 257.

— ...Ne diye kaçacaksın? Sanki kaçıp da ne olacak? (A. Nesin. Sülün Osman pırrr!) — ...Чего ради ты сбежишь? Да и сбежав (= ну ты сбежишь), чего добьешься (досл. ...что будет-то?)?'

Следует полагать, что соединительно-копулятивное значение является доминантным для деепричастия на $-(^{\circ})p$ в любом тюркском языке — хотя полное единообразие значений этой морфемы по всем ареалам и языкам, несомненно, исключено, — и не случайно именно термин «соединительное деепричастие» был предложен еще авторами «Грамматики алтайского языка» как наиболее отвечающий специфике нашего деепричастия²⁴.

Правильность другого наименования («деепричастие предварительное») также подтверждается многими примерами (включая и приведенные выше). Даже в тех случаях, когда деепричастие на $-(^{\circ})p$ с формальной стороны обозначает действие, совершающееся параллельно главному действию, последнее логически все же обычно вытекает из первого, следует за первым, выраженным деепричастием. Ср. например:

...delikanlılar kendi aralarında konuşup gülüşüyorlardı (S. Ali. Böbrek.) '...[a] молодые люди разговаривали между собой и пересмеивались' (второе действие являлось следствием первого).

...nelerin yatıp nelerin söndüğünü... (см. пример, приведенный выше) — первое действие («гореть») логически предшествует второму («гаснуть»). Ср. также формосочетания типа (bir yere) gidip gelmek 'ездить (куда-то)', то есть: 'уезжать и (затем) приезжать (возвращаться)'; gelip geçenler 'прохожие', то есть: 'приближающиеся и (затем) проходящие [мимо]'; biriyle yatıp kalkmak 'быть неразлучным; дневать и ночевать (с кем-либо)' (досл.: 'ложась вставать; лечь и встать') и т. п.

Таким образом, деепричастие на $-(^{\circ})p$ («соединительное предварительное») — это глагольная форма, обозначающая второстепенное по значимости действие, которое фактически (по времени) или логически предшествует какому-то другому, главному действию, обозначаемому «главной» формой, и примыкающая к этой главной форме слева, то есть как бы в порядке временной последовательности («встав пошел» = «встал и [затем] пошел»). Уяснение основного значения деепричастия на $-(^{\circ})p$ необходимо для успешного поиска этимона этой морфемы.

Деепричастие на $-(^{\circ})p$, являясь достоянием подавляющего большинства тюркских языков, должно рассматриваться как одна из древнейших глагольных форм, при этимологизации которых за основу следует принять доморфологический уровень развития тюркского праязыка, когда никаких морфем вообще еще не было, а глагол (корень-глагол) выступал лишь в позиции сказуемого²⁵.

²⁴ См.: «Грамматика алтайского языка...». Казань, 1869, стр. 63, 64. Говоря о турецком деепричастии на $-ip$ и с учетом позиции турецких грамматистов, аналогичный термин — *verbindene od. kopulative* — «соединительное или копулятивное [деепричастие]» — в том же году предложил и А. Вармунд [A. Warmond. Praktisches Handbuch der osmanisch-türkischen Sprache. Gießen, (1869)/1898, стр. 173]; см. также: J. Deny. Указ. раб., стр. 877 (*gérondif de coordination*); А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 65 («деепричастие соединительное») и др. авторы; см. еще: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 133; Б. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 48, 49; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 318; «Грамматика хакаского языка», М., 1975, стр. 238; Тот же смысл имеют и турецкие наименования этой формы: *a'laştırma bağı* '(при)соединительное деепричастие' (M. Baha. Указ. раб., стр. 258), *bağlama ulası* 'соединительное деепричастие' (H. Edisün. Yeni türk dilbilgisi. Ist., 1963, стр. 250; T. N. Gencan. Указ. раб., стр. 256); см. также: А. Н. Кононов. Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов. Канд. дисс. (машинопись) (Л., 1939), стр. 131, 134. (*siga-i atfiye, atif rabitası* — в том же значении).

²⁵ См.: П. И. Кузнецов. Указ. раб., стр. 39.

В языке, имевшем указанные особенности, могли встречаться предложения с двойным сказуемым, где первое и второе сказуемое представляли собой однородные члены предложения. Однако, первое из этих однородных членов могло обозначать как действие, протекавшее параллельно второму [например: **тау көр кит 'он (я, ты...) видит гору [и] идет'*], так и действие, по времени предшествовавшее ему [*'он (я, ты...) увидел гору [и] (затем) пошел'*].

Здесь налицо явная языковая дискомфортность, осложняющая точное понимание сказанного, поскольку для рецепиента указанный момент (одновременность совершения действий или предшествование первого действия второму) может нести существенную информацию. Стремление устранить названное неудобство, по-видимому, привело к тому, что постепенно возникла тенденция воспринимать следующие одно за другим однородные сказуемые, как обозначающие два одновременных (параллельных) действия — **көр кит 'вид[ит и] ид[ет]*', — а для обозначения последовательных действий был, как можно думать, привлечен глагол *ba* 'привязывать'²⁶, 'присоединять' (**көр ба кит* — букв.: [*у/вид[ел и] присоедин[ил действие] пош[ел]*], то есть: 'увидел и пошел'). Глагол «присоединил» однозначно указывает на то, что второе действие «присоединилось» к первому, а не совершалось и не совершается параллельно с ним с самого начала.

Позже наряду с глаголом *ba* возник второобразный глагол *ban*, получивший возвратно-страдательное значение: «привязать (себе)»²⁷, «присоединить (к себе)» и проч. И этот глагол, наряду с *ba*, мог использоваться в указанном «союзном» (копулятивном) значении **көр бан кит* — букв.: [*у/вид[ел и] присоедин[ил (к себе) действие] пош[ел]*], то есть: 'увидел и пошел'.

Итак, *ba* и *ban* — это служебные (в данном употреблении) глаголы, первоначально указывавшие лишь на последовательный характер совершения двух действий и только значительно позже превратившиеся в деепричастные аффиксы (с тем же присоединительно-предварительным значением).

Гипотеза $-(^{\circ})p < ba$ ('присоединил') позволяет пролить свет на немаловажную особенность деепричастия на $-(^{\circ})p$, отмечаемую многими грамматистами, но не получившую пока никакого разъяснения: это деепричастие еще сравнительно недавно не имело — а в некоторых тюркских языках и ныне не имеет — отрицательной формы. Понятно, что «присоединить» главное действие можно лишь к какому-то предшествующему позитивному действию, а не к отсутствию такового, что и обозначала бы отрицательная форма.

Как происходило переименование названных служебных глаголов — *ba* и *ban* — в аффиксы? Слово *ba* в сочетании с предшествующим глаголом, имеющим в исходе гласный, постепенно утратило конечный звук *a*, например: *йаша + ба > йаша-ба > йаша-б(а) > йаша-б > йаша-п* 'пожил и...', 'пожив...'. Соответствующий вариант с глаголом *ban* серьезным фонетическим трансформациям не подвергался: *йайа + бан = йаша-бан* (перевод тот же²⁸) — форма, засвидетельствованная в ряде памятников.

²⁶ См.: «Древнетюркский словарь» (ДТС). Л., 1969, стр. 76.

²⁷ См.: там же, стр. 81.

²⁸ А. Н. Кононов, как и некоторые другие авторы, справедливо считает, что формы $-(^{\circ})п$ и $-(^{\circ})бан$ — «грамматические синонимы, порою ...приближающиеся к дубледам», см.: А. Н. Кононов. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на $-(^{\circ})п$, $-(^{\circ})б$..., стр. 106.

Авторы, касавшиеся вопроса о происхождении аффикса $-(^{\circ})p$, обычно считают исходной формой этого аффикса вариант с начальным гласным звуком $[-(^{\circ})p]$ или даже вариант со среднеязычным спирантом j $[-j(^{\circ})p]$ ²⁹. Предлагаемая мотивировка, казалось бы, достаточно убедительна: если $(^{\circ})$ — всего лишь соединительный гласный, то получается, что в форме типа турецкого *başlayıp* (*başla-y-i-p*) 'начав' наличествует два эпентетических звука: $j+y$ ($y+i$), что, безусловно, может казаться сомнительным.

Однако необходимо учесть следующие соображения. Легко предположить, что после укоренения форм типа *jaša-ban*, *başla-ban* по аналогии возникли формы с эпентетическим согласным, типа *al-y-ban* 'взяв', *ver-i-ban* '(от)дав'. С другой стороны, при наличии форм типа *jaša-b* /*jaša-p*, *başla-b*/*başla-p* и *al-y-ban*/*al-y-pan* естественным образом могли появиться формы типа *al-y-b/al-y-p*, *ver-i-b/ver-i-p* (вместо ранее употреблявшихся неудобопроизносимых форм $*al-ba$, $*ver-ba$). Решающий аргумент в пользу признания первичным варианта с согласным *b* (*ba—ban*) следует усматривать в том, что во всех (без исключения!) памятниках первого и даже начала второго тысячелетия исследуемое деепричастие встречается — после гласных основ — только в варианте $-b/-p$ (*jaša-b/jaša-p*, *başla-b/başla-p*) и никогда — в варианте *jaša-jyp*, *başla-jyp*³⁰, что доказывает вторичность последнего варианта.

Почему же этот вариант (с двумя эпентетическими звуками) все же возник? Большая часть глагольных основ — это основы с конечным согласным; поэтому вариант деепричастия с узкими, по своей сути соединительными, гласными (*al-yp/al-ub* 'взяв', *ver-ip/ver-üb*³¹ 'дав', (*b*)*ol-ur* 'быв' и т. п.), естественно, с течением времени стал восприниматься как основной, исходный, наиболее правильный. В таком случае произношение типа *başla-p* 'начав' могло казаться какой-то влиятельной группе образованных носителей одного из тюркских языков «вульгарным», так как при этом «проглатывался» узкий гласный, который, по их представлениям, обязательно должен был присутствовать в этом деепричастии. По-видимому, началось насаждение более «правильной» формы (типа *başla-j-ur* вместо *başla-p*), а поскольку новое произношение в общем следовало уже имевшимся языковым образцам (ср. *başla-j-an* 'начинающий', *başla-j-yn(yz)* 'начинайте' и т. п.), оно было в итоге принято как литературное (в некоторых языках огузского типа).

Итак, исследуемое деепричастие имеет в современных языках один общий вариант с гласными основ — $-(^{\circ})p$ (где $^{\circ}$ — один из узких гласных); для гласных же основ фиксируется два варианта: «огузский» вариант $-jor$ и этимологически более правильный «кыпчакский» вариант $-p[<-b<b(a)<*ba]$.

²⁹ См.: А. Н. Кононов. Опыт реконструкции тюркского деепричастия..., стр. 111; Ю. Д. Джанмавов. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967, стр. 48; А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 24.

³⁰ См.: А. v. Gabain. *Altürkische Grammatik*. Leipzig, 1950, стр. 230; С. Е. Матов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 47 и др.; В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 48; его же. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 49; В. Г. Кондратьев. Материалы к характеристике деепричастий и формы на $-дук$ в языке памятников тюркской рунической письменности. — «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, 1961, вып. 15, № 305, стр. 127; T. Tekin. *A grammar of orkhon turkic*. Bloomington, 1968, стр. 182; К. А. Хаджиолова. Глагольная форма на $-p$ в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков. — «Советская тюркология», 1974, № 3, стр. 39—41; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—X вв. Л., 1980, стр. 128.

³¹ Обращает на себя внимание то, что во многих древних текстах в составе деепричастия на $-(^{\circ})p$ преимущественно использовались губные гласные (*al-ub/al-up* вместо *al-ur*, *ver-üb/ver-ür* вместо *ver-ir* и т. п.); здесь следует видеть влияние этимологических лабиальных (губно-губных) согласных *b* и, в несколько меньшей степени, *p*.

Мы не остановились на этимологии явно вторичных форм $-(^{\circ})baп-у/$ $-(^{\circ})paп-у$ и $-(^{\circ})baп-у\eta/-(^{\circ})paп-у\eta$. Образование первой из них понятно. Форма $-baп$ гораздо более длительное время, чем $*ba > -(^{\circ})p$, воспринималась не как аффикс, то есть чисто грамматический показатель, а как глагол (хотя и служебный), и поэтому с образованием деепричастия на $-и/-у$ это последнее, наряду с другими глаголами, могло присоединиться и к глаголу $baп$, например: $*тау көр бап-ы$ кит (позднее: $*тау көр-түк бап-ы$ кит-түк) 'увидел гору и пошел' (досл.: 'увидел гору присоединив (к себе) [действие] пошел'). Таким образом, $baп-у$ — деепричастная форма от служебного глагола $baп-$, в то время еще не ставшего деепричастным аффиксом.

Также производной является, несомненно, и личная форма типа $a!-ub-тап$ 'я взял' и т. п. Поскольку аффикс $-(^{\circ})p$ употреблялся для передачи смены одного действия другим (что почти всегда связано с повествованием о каких-то событиях прошлого), он мог быть воспринят и как показатель прошедшего времени.

Изложенное выше приводит к следующим выводам:

1) Единственным словом, фонетически полностью совпадающим с аффиксом $-(^{\circ})baп$ является глагол $baп$ 'присоединить к себе', значение которого соответствует семантике соединительного деепричастия.

2) Поскольку глаголы $baп$ ('присоединить к себе') и ba ('присоединить') практически совпадают по значению, становится ясным, почему аффиксы $-(^{\circ})baп$ и $-(^{\circ})p$ (восходящий ко второму из этих глаголов) являются грамматическими синонимами.

3) Фонетическая модификация глагола ba при его превращении в аффикс завершилась возникновением двух вариантов морфемы: $ba > *-b(a) > -(^{\circ})b(a) > -(^{\circ})b > -(^{\circ})p$ (кыпчакский вариант) $> -(j)^{\circ}p$ (огузский вариант); судя по показаниям памятников, огузский вариант морфемы (по существу ошибочный) является явно более поздним.

К. М. АБДУЛЛАЕВ

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, существует два основных наиболее изученных способа членения предложения: собственно грамматический и логико-грамматический, то есть актуальный¹.

Актуальному членению предложения посвящена огромная научная литература, однако в нашу задачу не входит рассмотрение эволюции различных точек зрения по этому вопросу. В настоящей статье будут рассмотрены общие закономерности, аспекты и типы формальных проявлений актуального членения предложения в азербайджанском языке.

Наиболее всесторонне и системно проблема актуального членения предложения освещалась чехословацкими лингвистами, членами Пражского лингвистического кружка². Несколько позже этот вопрос во всем своем объеме стал объектом исследования и советских лингвистов³.

При рассмотрении указанной проблемы важно выявить, имеет ли синтаксический строй предложения, его формально-грамматический каркас связь с актуальным членением предложения, иными словами, существует ли взаимообусловленность между формальным и актуальным членением предложения, ибо, как считает В. Матезиус, «отношение между актуальным и формальным членением предложения — одно из самых характернейших явлений в каждом языке»⁴. В. Матезиус резко противопоставляет актуальное членение предложения его формальному членению⁵. Той же точки зрения придерживаются и некоторые советские лингвисты, исходящие из того факта, что коммуникативная нагрузка присуща любому члену предложения, то есть любой член предложения может быть *данным* или *новым* (термины актуального членения), без

¹ В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 162; *его же*. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-грамматическое членения предложения). М.—Л., 1963, стр. 80; И. П. Распопов. Актуальное членение предложения в русском языке. Уфа, 1961; *его же*. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 31; И. Ф. Вардуль. Основы описательной лингвистики. М., 1977, стр. 291 и сл.

² См.: И. А. Сизова. Что такое синтаксис. М., 1966, стр. 39; О. И. Лаптева. Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения. — «Вопросы языкознания», 1963, № 4.

³ См. работы И. П. Распопова, В. З. Панфилова, Т. М. Николаевой, И. И. Ковтуновой, В. Е. Шевяковой, К. Г. Крушельницкой, О. И. Лаптевой и др.

⁴ В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения. — «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 240.

⁵ Там же, стр. 239.

изменения его качества на уровне синтаксического членения предложения. Именно это, как отмечает В. З. Панфилов, «говорит о том, что актуальное членение предложения выходит за рамки его синтаксического членения»⁶.

Однако мы полагаем, что данное противопоставление (по В. Матезиусу) следует принимать лишь внутри единого целостного объекта, то есть внутри предложения⁷. В данном случае вполне возможными представляются также активная взаимосвязь и активные взаимоотношения двух членений предложения, так как характер противопоставления этого не исключает. Таким образом, можно заключить, что такого рода противопоставления между собой не столь уж резко разграничены. Полагаем, что при выявлении соотношения этих методов членения предложений следует исходить из понятий «объективное высказывание» и «субъективное восприятие». Исследование посредством актуального членения сугубо коммуникативной стороны предложения должно в конечном итоге выявить интересные результаты с точки зрения более глубокого осознания его формального аспекта. При подобном подходе «семантическая структура предложения оказывается такой же языковой реальностью, как и грамматическая структура»⁸.

Связь между формальным и актуальным членениями не вызывает сомнения еще и по той причине, что всякое предложение формально и семантически строится с целью передачи в процессе речи определенного сообщения. Именно коммуникативный аспект предложения является наиболее важным, ни формальный, ни семантический аспекты в отдельности не могут его полностью заменить. С другой стороны, при исследовании невозможно выявить преимущества какого-либо одного из этих аспектов, ибо изменение в любом из них влечет за собой изменение в другом.

Если считать порядок слов в предложении фактом формально-синтаксического аспекта, то с еще большим основанием можно говорить о связи актуального и синтаксического членений. Тот факт, что сказуемое в синтаксическом плане занимает постпозицию⁹ по отношению к другим членам предложения и под воздействием именно актуализации может изменить свое стандартное место, то есть переместиться в начальные позиции, свидетельствует о влиянии актуального членения на формально-синтаксическое. Если для языков со свободным порядком слов факт перемещения сказуемого в синтаксическом плане неинформативен, то в языках со строго определенными синтаксическими позициями членов предложения, типа азербайджанского языка, подобное явление весьма знаменательно и приходится учитывать как стилистические, так и коммуникативно-ситуативные его последствия.

Известно, что актуальное членение предложения опирается на логическую основу предложения, на те экстралингвистические факторы, которые обеспечивают нормальное его функционирование в речевом процессе. Выявление отдельных категорий актуального членения также

⁶ В. З. Панфилов. Грамматика и логика..., стр. 38; Ср. также: Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, стр. 17.

⁷ Ср.: «Вряд ли есть основания противопоставлять грамматическое членение (по членам предложения) смысловому членению, как делают В. Матезиус и К. Боост» (К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 59).

⁸ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 13.

⁹ Н. А. Баскаков отмечает, что стандартное место тюркского сказуемого — в конце предложения (см.: Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 186).

происходит путем логического распределения составных компонентов предложения, которые комплектуются в две основные группы — в группу субъекта и в группу предиката. В процессе становления синтаксической мысли исследователями по-разному именовались и группа субъекта, и группа предиката, хотя сущность их при этом оставалась в основном неизменной. Группу субъекта именовали темой, данной, исходной частью высказывания, основой, психологическим субъектом и т. п., а группу предиката — ремой, новым (по отношению к данному) ядром, психологическим предикатом и т. п.

Психологизм в языкознании наложил свой отпечаток и на эту сферу синтаксических исследований. Так, П. Пауль выделял психологический субъект и психологический предикат¹⁰. Следуя за ним, Ф. Ф. Фортунатов также различает в психологическом суждении как психологическое сказуемое, так и психологическое подлежащее. То, что является первичным в сознании говорящего — есть психологический субъект, а то, что говорящий мыслит об этом субъекте — психологический предикат¹¹. Ф. М. Березин пишет, что «учение Фортунатова о психологическом суждении находилось в общем русле основных направлений европейской синтаксической мысли конца XIX в., которые можно определить как психологический синтаксис, нашедший свое выражение у Г. Пауля»¹².

Логический и психологический моменты при актуальном членении предложения так или иначе всегда подчеркивались. Так, О. Есперсен, сопоставляя словосочетание и предложение с одним и тем же лексическим набором («добрый отец» и «отец—добрый»), приходит к заключению, что и в том, и в другом случае «слово „добрый“ с точки зрения логики является сказуемым к подлежащему „отец“»¹³.

Таким образом, возможность и даже необходимость исследования семантического каркаса предложения с точки зрения актуального членения лишний раз свидетельствует о тесном переплетении в языковом сознании говорящего логической, психологической и чисто лингвистической структур.

По аналогии со структурой логического суждения (исключая лишь связку) строится и структура смыслового каркаса предложения, что, в свою очередь, приводит к актуальному членению. Субъект суждения фактически можно отождествить с темой высказывания на речевом уровне, тогда как предикат суждения соотносится с ремой высказывания¹⁴.

Тема — это своеобразный фон, на котором проявляет себя рематическая часть высказывания. Тема всегда в принципе ориентирована на предшествующий контекст и на ситуацию. На логико-грамматическом уровне предложения его тематическая часть считается известной, причем известной как передающему информацию, так и адресату. Эта часть, ориентирующаяся на предшествующий контекст и выход в ситуативную структуру логически в составе предложения не выделяется.

Рема же, наоборот, является ядром и основным стержнем сообщения. Представляя собой то, что говорится, рема в предложении подвергается своеобразной актуализации. Она подчеркивается как просодическими средствами, так и средствами формально-грамматического

¹⁰ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 389 и сл.

¹¹ См.: Ф. Ф. Фортунатов. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. — «Избранные труды», т. 2, М., 1957, стр. 449—450.

¹² Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России. Конец XIX—начало XX в. М., 1968, стр. 90.

¹³ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 168.

¹⁴ В дальнейшем изложении в целях удобства анализа используются в основном термины «тема» и «рема».

плана. Рема в предложении — это неизвестная часть, специально направленная адресату с расчетом снятия некоторой энтропии. Взаимосвязанность и взаимосогласованность темы и ремы обуславливают семантико-логический каркас предложения.

Следует отметить, что и тема, и рема не имеют в своих составах постоянных синтаксических членов предложения. Составы их непостоянны. В составе темы могут быть как подлежащее и дополнение, так и сказуемое, а в состав ремы могут входить и подлежащее, и дополнение, и сказуемое, и пр.

Непостоянство грамматического состава, в свою очередь, порождает другую трудность. Как отмечается исследователями, порою бывает невозможно четко разграничить состав темы от состава ремы. Этот факт имеет место «особенно в стилистически осложненных предложениях с обилием второстепенных членов и обособленных оборотов»¹⁵.

Тема и рема в совокупности передают весь состав сообщения. Начиная сообщение, называют тему, а затем, по верному определению Г. П. Мельникова, его же уточняют, что воспринимается уже как рема. Таким образом, сообщение предстает как «тема+уточненная тема», то есть рема, или же $S=T+UT$. «Эта формула,— пишет Г. П. Мельников,— является основой для выявления структуры предикатов в любом языке»¹⁶.

В азербайджанском языкознании проблема актуального членения предложения и его двухуровневое состояние не рассматривались системно. До сих пор нет обобщающего исследования по этому вопросу. Имеются лишь отдельные статьи, касающиеся этой проблемы¹⁷.

Следует особо отметить элементы актуального членения, имеющиеся в работе А. Демирчизаде «Современный азербайджанский язык. Члены предложения»¹⁸. К сожалению, в дальнейшем эта попытка не была реализована на надлежащем уровне, и один из важных аспектов изучения азербайджанского синтаксиса, можно сказать, до сих пор остается неизученным.

Неразработанность в азербайджанском языкознании логико-грамматического уровня предложения, а также вопросов его функционирования в речевом процессе привела к тому, что при изучении семантики предложения полностью игнорируются связи последнего с контекстом и с языковой ситуацией. Это, в свою очередь, тормозит естественный и логический переход от исследования структуры предложения — к анализу структуры сверхфразовых единиц, то есть к всестороннему изучению синтаксиса текста.

Актуальное членение предложения строится на соотносимости актуализованных и неактуализованных компонентов предложения. Актуализация того или иного компонента предложения — это выделение его среди остальных в связи с особой важностью данного компонента для коммуникативного процесса. Выделение или актуализация определено-

¹⁵ К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 60.

¹⁶ Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 6, стр. 109.

¹⁷ См.: Ф. Әлизаде. Актуал үзләнмә компонентләринин функцијасы ва тәркиби. — В сб.: «Вопросы азербайджанского языкознания», Баку, 1981; К. Вәлијев. Чүмләнин семантик үзләнмәси. — Там же.

¹⁸ А. Демирчизаде отмечает особую роль порядка слов в предложении для выражения мысли, см.: Ә. Демирчизаде. Мүасир Азәрбајҹан дили. Чүмлә үзләри. Баку, 1947, стр. 7—8 и 80. См. также: А. М. Джавадов. Порядок языковых единиц (на материале азербайджанского языка). Докт. дисс., Баку, 1975, стр. 51—63.

го компонента предложения в речевом общении служит адекватной дешифровке содержательно-смыслового каркаса предложения со стороны реципиента. Принципы актуализации в разговорной и в письменной речи во многом сходны. Однако те или иные способы актуализации в разных аспектах речевой деятельности могут быть первостепенными или второстепенными. Так, В. Матезиус утверждал, что в разговорной речи картина актуального членения выглядит богаче, нежели в письменной¹⁹.

Актуализация в разговорной речи происходит в основном посредством использования возможностей интонации, ударения, темпа, тона и других просодических средств. Вспомогательными факторами актуализации в разговорной речи выступают различные формальные показатели, а также в известном смысле и порядок слов. В письменной речи, естественно, на первый план выдвигаются формальные показатели актуализации, а также порядок слов, в значительной степени способствующий актуальному членению.

Полагаем, что было бы целесообразным систематизировать средства, способствующие актуализации²⁰ того или иного компонента (члена) предложения в азербайджанском языке. При этом можно установить следующие приемы актуализации: 1) актуализация путем изменения порядка слов; 2) актуализация путем использования формальных (грамматических) средств; 3) просодическая актуализация. На каждом из этих приемов следует остановиться отдельно.

Актуализация путем изменения порядка слов в предложении

Следует особо отметить, что в азербайджанском языке, как и во многих языках других систем актуализация члена предложения осуществляется в основном посредством изменения порядка слов. Как отмечает И. И. Ковтунова, «отношение порядка слов к актуальному членению — это отношение формы и функции»²¹. Действительно, при актуальном членении состав предложения распределяется таким образом, чтобы наиболее важная информация не передавалась сразу. Новое сообщение, занимающее определенную позицию в структуре предложения, сознательно перемещается к концу последнего. Следовательно, разрушается инвариантная (объективная) система порядка слов и создается порядок субъективного характера. Однако субъективность в данном случае носит определенную закономерную окраску, ибо она обусловлена тема-рематическим членением, которое отражает целенаправленный отбор и группировку символов структуры ситуации. Здесь же следует оговорить, что так называемый нейтральный порядок слов ни в коей мере не тождествен объективному. Под объективным порядком подразумевается инвариантный порядок слов для определенного языка. В азербайджанском предложении инвариантным, исходным порядком является такой порядок, при котором подлежащее занимает исходную или первичную позицию, а сказуемое — конечную. Такой порядок сам по себе не может считаться нейтральным, так как любое предложение (имеется в виду функционирующая единица коммуникативного процесса) членится на препозитивные и постпозитивные компоненты, благода-

¹⁹ См.: О. А. Лаптева. Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения. — «Вопросы языкознания», 1963, № 4, стр. 125.

²⁰ О роли порядка слов и интонации в связи с представлением старой и новой информации в поверхностной структуре см.: Уоллес Л. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, стр. 266.

²¹ И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, стр. 9.

ры чему самым естественным образом проявляются первичная тема и конечная рема. Казалось бы, нейтральный порядок, при котором сказуемое находится в конце, может стать будет вовсе не нейтральным, если актуализация придется именно на сказуемое. Все это, однако, вовсе не говорит о том, что конечная позиция сказуемого обязательно обусловлена его актуализацией. Просто может оказаться, что актуальное членение совпадает по своим параметрам с синтаксически нейтральным порядком слов.

Азербайджанское предложение со своим твердым порядком слов представляет собой весьма благодатную почву для проявления актуального членения, ибо при твердом объективном порядке слов любое перемещение, осуществляемое с целью актуализации, выступает в структуре предложения весьма рельефно²². Актуализируемый член предложения перемещается в конечную позицию и занимает место непосредственно перед сказуемым. При актуализации самого сказуемого требуются дополнительные уточнения, о которых речь ниже.

Наблюдается еще одна позиция актуализируемого члена в азербайджанском предложении. Это — абсолютная постпозиция ремы по отношению к другим составным компонентам предложения. Таким образом, рема в азербайджанском предложении имеет две позиции: первая из них фиксируется перед сказуемым при объективном порядке слов с учетом абсолютной постпозиции сказуемого, вторая — в абсолютной постпозиции. При этом, если речь идет о литературном языке, необходимо учитывать также и специфику стиля того или иного литературного материала. Известно, что порядок слов в языке художественного произведения во многом зависит от стиля писателя²³. С другой стороны, приходится считаться с тем обстоятельством, что наличие двух позиций для ремы само по себе уже предполагает различную степень актуализации, что обуславливает колебание наиболее важных информативных центров в составе предложения.

Думается, что наиболее сильная актуализация в азербайджанском предложении предполагает абсолютную постпозицию²⁴, что обуславливается также эмоциональным характером предложения. Слабая актуализация, естественно, реализуется в препозиции к сказуемому. Эта препозиция является как бы запасным потенциалом информативной нагрузки предложения, что составляет специфику азербайджанского и вообще тюркского предложения с точки зрения его тема-рематического строя. Данное положение подтверждается, например, позицией ремы и в современном узбекском языке. И здесь «член предложения, выражающий логико-грамматический предикат (рему. — К. А.), стоит непосредственно перед сказуемым»²⁵. Однако данная позиция в узбекском языке, судя по исследованиям З. Р. Каримовой и Б. Уринбаева, является единственной рематической позицией и, следовательно, можно констатировать, что в узбекском языке отсутствуют такие степени актуализации, как сильная и слабая.

²² Ср. высказывания Ф. Дашеши о том, что требования (разрядка наша. — К. А.) актуального членения различный порядок слов синтагмы отвечает в разной степени (см.: О. И. Лаптева. Указ. раб., стр. 123).

²³ См.: Ш. В. Юсифли. Стилистический синтаксис современного азербайджанского художественного языка. Автореф. докт. дисс., Баку, 1973, стр. 22 и сл.

²⁴ Ср. противоположную позицию: Р. С. Амиров. Способы актуального членения в казахском языке. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 35.

²⁵ З. Р. Каримова. Логико-грамматическое членение простого предложения современного узбекского языка в сопоставлении с английским. Автореф. канд. дисс., М., 1981, стр. 14—15. Ср. также: Б. Уринбаев. Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1976, стр. 49; Р. С. Амиров. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1972, стр. 21.

Ниже на конкретном материале прослеживается актуализация отдельных членов предложения в азербайджанском языке²⁶.

Актуализация подлежащего. Актуализация этого главного члена предложения производится перемещением его в две конечные позиции в предложении. Сильная позиция, как отмечалось выше, предполагает ремю в абсолютном конце предложения: Ср.: *Ортада дүзүлмүшдү нөвнөв чөрәкләр, сухарылар, пахлавалар, халвалар, конфетләр, лимон-портахаллар, гуру жемишләр* (Дж. Мамедкулизаде) 'В центре были разложены различные сорта хлеба, сухарей, пахлазы, халвы, конфет, лимонов и апельсинов, сушеных дынь'; *Бәли, зыл көрпүдән кечәндәди тамаша* (Дж. Мамедкулизаде) 'Да, стоит поглядеть, как они будут проходить по волосяному мосту'; *Һәлә чәкилиб битирилмәмиш расм кими иди дәниз* (Анар) 'Море напоминало незаконченное произведение живописи'; *Әтрафдан гојулмүшдү јастыг вә балышлар* (Дж. Мамедкулизаде) 'Стороны были обложены подушками'.

Во всех приведенных предложениях подлежащие занимают абсолютную постпозицию и, таким образом, сильно рематизируются. Понятия, выраженные ими, составляют базисную, основную часть высказывания. Сильная позиция ремы резко подчеркивает нарушение обычного порядка слов. В данном случае художественный стиль максимально приближается к разговорному.

Слабая позиция предполагает размещение ремы в предсказуемой позиции. В этом случае грамматическая связь начальных компонентов с постпозиционным сказуемым настолько сильна, что перемещение подлежащего в позицию между распространенными членами и сказуемым происходит вследствие его актуализации. В данном случае исключается момент случайности; ср.: *Ханымын сағ тәрәфиндән начальник әйләшди* (Дж. Мамедкулизаде) 'С правой стороны госпожи сел начальник'; *Кәрбәләји Исмајылын бу күнүндә онун һарајына чатан Аббасгулу бәј олмүшдү* (Ф. Керимзаде) 'В такое тяжелое для Кербалаи Исмаила время на его призыв (о помощи) отозвался лишь Аббаскулу-бек'.

В этих примерах актуализируются подлежащие *начальник* и *Аббасгулу бәј*, которые ставятся перед сказуемым. Именно непосредственное структурное обличение со сказуемым создает рематическое напряжение. Данная позиция ремы является более слабой по той причине, что подлежащее в предсказуемой позиции выделяется в такой структуре предложения менее четко по сравнению с его абсолютно конечной позицией.

Актуализация дополнения. Сказанное о двух позициях подлежащего полностью относится и к дополнению, выступающему в качестве ремы. Сильная позиция ремы-дополнения как бы расширяет структурные возможности предложения. Ср.: *Ағалар вә ханымлар башладылар чај ичмәјә* (Дж. Мамедкулизаде) 'Господа и дамы начали пить чай'; *Уста Зейнал чубуғу таhtанын үстә гојуб көтүрдү маланы вә башлады ишләмәји* (Дж. Мамедкулизаде) 'Мастер Зейнал, положив трубку на стойку, взял инструмент и начал работать'; *Көрүрсән сизин о бинамус Аға Садығы?* (Дж. Мамедкулизаде) 'Видал ты вашего недостойного Ага Садыга?'; *Хан чох тәләсирди Ирэван кетмәјә* (Дж. Мамедкулизаде) 'Хан очень торопился уехать в Ереван'.

Слабой позицией ремы-дополнения является предсказуемая позиция. В подобных случаях дополнение бывает как в определенной фор-

²⁶ Ср.: «С помощью форм актуального членения может быть достигнута предикативизация любого члена предложения» (С. Д. Кацнельсон. О категории субъекта в предложении. — В сб.: «Универсалии и типологические исследования», «Мещаниновские чтения», М., 1974, стр. 123).

ме (с наличием показателя винительного падежа), так и в неопределенной форме (с нулевым показателем). Ср.: *Аббасгулу бәј бу сөздән сон-ра дәш чибиндән инәк дасмала бүкүб сахладығы билети чыхарды* (Ф. Керимзаде) 'Аббаскулу-бек после этих слов вынул из нагрудного кармана билет, хранимый им завернутым в шелковый платок'; *Аббасгулу бәј һәмишә бу зәмилярдә бугда әкдирирди* (Ф. Керимзаде) 'Аббаскулу бек всегда на этих полях сеял пшеницу'.

В первом примере дополнение — слово *билет*, выполняющее функцию ремы, в силу своей определенности (в связи с наличием показателя винительного падежа) представляется более актуализированным. Во втором примере дополнение *бугда* представлено в неопределенной форме и поэтому менее актуализированно.

Актуализация пространственных обстоятельств. Сильной позицией ремы, выраженной этими обстоятельствами, также является абсолютный конец предложения, что резко нарушает обычный порядок слов в азербайджанском предложении. Ср.: *Сабах ахшам дәмиз јол гатары јетишәр «Гуртлар» мәнзилинә* (Дж. Мамедкулизаде) 'Завтра вечером железнодорожный поезд придет на станцию «Гуртлар»'; *Ханым бир кирди ичәри, бир чыхды балкона, гонаглар ди чыхдылар һәјәтә вә гачдылар гапыја* (Дж. Мамедкулизаде) 'Госпожа то входила в комнату, то выходила на балкон, гости также вышли во двор и побежали к дверям'; *Приставын арвады отурду столун баи тәрәфиндә* (Дж. Мамедкулизаде) 'Жена пристава села во главе стола'.

Именно рельефное изменение обычного порядка слов здесь содействует сильной актуализации. Слабая позиция ремы обусловливается употреблением ее в предсказуемой позиции. Ср.: *Бу күн Москваја кедирсән* (М. Гусейн) 'Сегодня ты едешь в Москву'; *Шәфғәт бачысы сәссиз аддымларла палатаја кирди* (М. Гусейн) 'Сестра милосердия, бесшумно ступая, вошла в палату'; *Мән бу дәгигә јухары кәндә једирәм* (М. Гусейн) 'Я сию же минуту еду в верхнее село'.

Отметим, что рема обычно находится в сильной позиции в литературных текстах, стиль которых близок к устно-разговорной речи. Ее слабая позиция характерна для стилей, близких к письменной речи.

Актуализация определения. Слабая позиция рематизации определения наблюдается в предложениях с именным сказуемым, где определение при сказуемом содержит наиболее важную информацию. Ср.: *Уста Рамазан Бақы мә'дәнләриндә чохдан бәри танынмыш бир адам иди* (М. Гусейн) 'Уста Рамазан давно был человеком, пользующимся известностью на бакинских нефтяных промыслах'; *О да бәјүк јурдумузда хырдача бир сәнәткардыр* (С. Вургун) 'Он тоже маленький художник нашей великой страны'; *Аһ, нә көзәл дәгигәлар иди* (Ю. В. Чемезинли) 'Ах, какие прекрасные были минуты'.

Следует отметить, что в качестве ремы в данном случае выступает не отдельное определение, а синтаксический комплекс «определение + сказуемое». Таким образом, слабая позиция ремы *танынмыш + адам иди* в первом примере, *хырдача + сәнәткардыр* во втором и *көзәл + дәгигәлар иди* в третьем, в основном обусловлена тем, что определение по своим синтаксическим особенностям не входит в основной структурный каркас предложения. Поэтому сильная позиция ремы-определения предполагает резкий выход ее за структурные границы предложения и своеобразное оформление. Ср.: *Онда ики гылыч вар. Бири гынлы, бири гынсыз* («Книга моего деда Коркута») 'Там есть два меча. Один с ножнами, другой — без ножен'.

В этом примере синтаксический комплекс *бири гынлы, бири гынсыз* является определением к подлежащему *гылыч*. Однако при нормальной синтаксической структуре оно должно занимать в предложе-

нии одно из начальных мест: *Онда бири гынлы, бири гынсыз ики гылым вар.*

Понятно, что в приведенном переконструированном нами предложении актуализируется подлежащее *гылым*. Для того, чтобы актуализировать именно определение, а не какой-нибудь другой член, оно выносится за структурные границы предложения, образуя, таким образом, парцелляционную структуру. В данном случае актуализация произведена в сильной позиции.

Актуализация сказуемого. Так как в актуализации других членов предложения положение сказуемого играет особую роль, то актуализация самого сказуемого имеет, естественно, свои отличительные, специфические особенности. В двусоставных предложениях, типа *Пајыз кэлди* 'Наступила осень'; *Күнәш чыхды* 'Взошло солнце' и т. п. рема и сказуемое совпадают. Однако в предложениях осложненных второстепенными членами, рематизация сказуемого является не столь наглядной, так как присказуемостную позицию занимает другой актуализированный член предложения. Таким образом, будучи функционально наиболее значимым элементом синтаксической структуры, сказуемое при актуальном членении своим позиционным расположением способствует более или менее сильному выражению ремы. Если исходить из контекста отдельно взятого, изолированного предложения (что в принципе почти невозможно), то придется констатировать, что в рассмотренном предложении при нормальном порядке слов само сказуемое не функционирует в качестве ремы, так как рематизированный член всегда предшествует сказуемому. Сказуемое актуализируется обычно в предложениях, связанных контекстом. Контекстно связанными предложениями считаются два и более синтаксически связанных предложения, а также отдельно взятое предложение, связанное с пресуппозиционной основой.

В парадигматике тема-рематического членения актуализация сказуемого производится просодическими выделительными средствами.

* * *

Сильная и слабая позиции ремы по-разному влияют на отображение развития мысли в тексте. Сильная позиция обуславливает идеальное сцепление компонентов в предложении, иными словами, состав ремы предшествующего предложения становится темой последующего. Ср.: *Јарым саатдан сонра гонаглры чагырдылар гонаг отагына. Отагын ортасында узун хәрәк столу устунда дүзүлмүшдү һәр чур хәрәкләр вә ичкиләр.* (Дж. Мамедкулизаде) 'Через полчаса гостей позвали в гостевую комнату. Посередине комнаты длинный обеденный стол был уставлен различными кушаньями и напитками'.

Непосредственное контактирование ремы и темы одного и того же лексического состава (в данном случае учитывается эллипсирование первой части изафетной конструкции — *гонаг*) обуславливается использованием соответствующей сильной позиции и создает наиболее благоприятную синтаксическую почву для последовательного сцепления компонентов актуального членения.

При использовании слабой позиции цепная связь компонентов осуществляется посредством дистантного контактирования, что приводит соответственно к ослаблению прогрессии развития мысли по цепной взаимосвязи компонентов актуального членения. Ср.: *Бәј папиросуна ағзына алыб Кәрбәләјы Гасыма чшарә еләди. Кәрбәләјы Гасым гачыб кәлди ағасынын јанына* (Дж. Мамедкулизаде) 'Бек, взяв в рот папиросу, сделал знак Кербалаи Касуму. Кербалаи Касум подбежал к своему господину'.

Слабая позиция дополнения в функции ремы (*Кәрбәләй Гасыма*) позволяет употребить сказуемое в интерпозиции ремы предшествующего и темы последующего предложений.

Актуализация путем использования формальных (грамматических) средств

Помимо порядка слов, для актуализации определенного члена предложения, то есть превращения его в рему, используются различные грамматические и лексические элементы²⁷. В этой связи можно указать усилительные частицы *да/дә, белә*, возвратное местоимение *өзү*, соединительные местоимение и частица: *өзү + дә*, редупликацию, то есть полный повтор типа *бәйүк-бәйүк* и другие средства.

Грамматические актуализирующие показатели назовем «актуализаторами». Перечисленные выше актуализаторы занимают постпозицию относительно члена, к которому они присоединяются, и который актуализируют. При этом порядок слов в качестве показателя актуального членения уже не информативен.

Актуализатор *да/дә* служит усилению функционального значения того члена предложения, с которым соотносится в составе предложения. Ср.: *Јолдашым Тејмур Мирза дә дејәсэн мәним кунүмдә иди* (Дж. Мамедкулизаде) 'Мой товарищ Теймур Мирза, по-видимому, тоже был в моем положении'; *Гадынлардин дә кәлән аз дејилди* (М. Гусейн) 'Женщин тоже пришло немало'; *Әмрах дә буну дујурду* (М. Гусейн). 'Амрах тоже это чувствовал'.

В приведенных предложениях функция ремы без актуализатора передавалась бы посредством таких факторов, как порядок слов, просодика и др. В данном случае возможность выделить определенный член предложения и усилить его актуализатором, то есть наделить его функцией ремы, косвенным образом, свидетельствует о том, что порядок слов здесь самый нейтральный.

Актуализатором может служить и возвратное местоимение *өзү*. Данный показатель как бы возвращает внимание реципиента к тому члену предложения, к которому он относится, усиливая таким образом его в функциональном отношении. Ср.: *Сәрхан өзү пулемјот атәшини башламадан јолдашларына «Атәш» әмрини верди* (М. Гусейн) 'Сархан, сам еще не начав пулеметный огонь, отдал товарищам приказ: «Огонь»'.

Актуализатор *өзү* в сочетании с актуализатором *дә* позволяет резко выделить соотносимый член предложения в качестве ремы. Ср.: *Һеч мән өзүм дә кәнди белә гојуб өзкә јерә кетмәк истәмәздим* (А. Айлисли) 'Я сам тоже не хотел бы оставить деревню в таком положении и уйти в другое место'; *Буну Маһирә өзү дә һисс етмишиди* (М. Гусейн) 'Это Махира сама тоже почувствовала'; *Гурбанәли бәј өзү дә дәстәнин башындан јапшыбы башлады атылыб душмәјә* (Дж. Мамедкулизаде) 'Курбанали-бек и сам, ухватясь за рукоятку, начал подсакивать вместе с другими'.

Актуализатором может быть также частица *белә*. Ср.: *Бир-биринин ардынча јағдырылан суаллара гаршы бир сөзлә белә чаваб вермәди* (М. Гусейн) 'На сыплющиеся градом вопросы не ответил ни единым словом'; *Маһирә фелдшердән белә әлли-ајағлы тәрпәнирди* (М. Гу-

²⁷ Это наблюдается в ряде языков. Так, в английском для выделения нового — ремы — служат как специальные грамматические конструкции, так и определенные лексические показатели (См.: В. Е. Шезякова. Актуальное членение предложения. М., 1976, стр. 14—15).

сейн) 'Махира действовала даже быстрее фельдшера'; *О, өлүмдән белә горхмурду* (М. Гусейн) 'Он не боялся даже смерти'.

Актуализатор *белә* функционально тождествен с актуализатором *да/дә*, однако между ними все-таки существует семантическое различие: если *да/дә* не исключает потенциального синонимического распространения актантов, то присутствие частицы *белә* этого не допускает. Следовательно, *белә* является более специализированным актуализатором, нежели частица *да/дә*, и более четко выделяет рему в функциональном строении предложения.

Думается, что своеобразным актуализатором проявляет себя и редупликационная форма повтора. Двойное повторение члена предложения заостряет на нем внимание, выделяя его среди других. Ср.: 1) *Бө-жүк-бөжүк агац қамиләр ојнадан су* («Книга моего деда Коркута») 'Вода, играющая большими-большими деревянными кораблями'.

Между компонентами редупликационной конструкции может употребляться усилительная частица *лап*, что еще нагляднее свидетельствует о рематизации этого члена предложения. Ср.: *Чохдан, лап чохданды ки, Керим киши чиј гојун дәрили бу күркүнү кејмирди* (Эльчин) 'С давних, самых давних пор Керим-киши не одевал эту свою шубу из сырой овчины'.

К актуализаторам можно отнести и такие служебные слова, как *фағат*, *анчаг*, *јалныз*, *тәкчә*, которые по соотносительности с конкретным субъектом или объектом семантически суживают значение глагола-сказуемого²⁸. Ср.: *Јалныз Махирә бир аз фикирли иди* (М. Гусейн) 'Только Махира была несколько задумчива'; *Инди анчаг дүз јолу тап-мышам* (Н. Нариманов) 'Теперь только я нашел правильный путь'; *Бундан сонра ғылынчы анчаг вәтән јолунда чыхарт* (Н. Нариманов) 'В дальнейшем вынимай меч только защищая родину'. Между собой данные слова-актуализаторы функционально не различаются.

В предложениях, распространенных только в объектном плане (объект+послелог *гәдәр*, *кими*), можно выделить в качестве актуализаторов послелоги. Ср.: *Мән евә гәдәр кәлдим* 'Я дошел до дома'; *О евә кими данышды* 'Он говорил до самого дома'.

Однако послелоги *гәдәр*, *кими* теряют функцию актуализатора при дальнейшем распространении данного предложения. Ср.: *Мән евә гәдәр һирсли кәлдим* 'Я до самого дома шел сердитый'. В этом варианте актуализация определения *һирсли* осуществляется благодаря изменению порядка слов, а не наличию сочетания «дополнение+послелог (*евә гәдәр*)».

Некоторыми исследователями к группе грамматических элементов, служащих актуализации, относятся также модальные слова²⁹. Однако, думается, модальные слова бывают синтаксически связаны с составом предложения в целом, а не с конкретным его членом. Ср.: 1. *Әлбатта, мән сөзүмә әмәл едәчәјәм* 'Конечно, я сдержу свое слово'; 2. *Мән сөзүмә, әлбатта, әмәл едәчәјәм* 'Я свое слово, конечно, сдержу'; 3. *Мән, әлбатта, сөзүмә әмәл едәчәјәм*. 'Я, конечно, сдержу свое слово'.

Нам кажется, что эти три варианта одного и того же предложения не отличаются друг от друга по степени актуализации какого-либо одного члена предложения, так как во всех них модальное слово *әлбатта* соотносится со всем составом предложения. Правда, эта соотносительность и связь наиболее естественно осуществляется в первом предложении, где модальное слово стоит в абсолютной препозиции. В двух других предложениях связь модального слова с составом предложения является

²⁸ См.: В. З. Панфилов. Философские проблемы языкознания. М., 1977, стр. 125.

²⁹ См.: З. Р. Каримова. Указ. раб., и др. (см. сноску 25).

непрямолинейной, и здесь на передний план выступают различные вспомогательные психологические факторы, благодаря которым интерпозитивное модальное слово в языковом сознании воспринимается как препозитивный компонент предложения. Итак, мы, в силу сказанного выше, не являемся сторонниками включения модальных слов в группу актуализаторов.

Следует заметить, что в азербайджанском языке некоторые грамматические элементы иногда проявляют себя как деактуализаторы. Подобного рода деактуализатор служит выделению темы предложения. Прежде всего необходимо отметить контекстные дейкисы *бу*, *о*, *һамин*. Деактуализатор предшествует тому члену предложения, к которому он относится. Ср.: *Бу сәс о гәдәр ачы вә изтираблы иди ки, ешидәнләрә гујудан чыхан бир бағыртыны хатырладырды* (М. Гусейн) 'Этот голос был столь горестным и жалобным, что напоминал стон, доносившийся из колодца'; *Бу адамлар ади бир һәбсхана һәјаты кечирирдиләр* (М. Гусейн) 'Эти люди жили обычной тюремной жизнью'.

Контекстный дейкис *бу* не следует смешивать с ситуативным дейкисом *бу*. Последний не выделяет тему предложения, которая в принципе должна была функционировать в предыдущем предложении: Ср.: *Мәним дедијим бу адамдыр* 'Человек, о котором я говорил — этот'.

Ситуативный дейкис *бу*, в противоположность контекстному, служит актуализации определенного члена предложения. В данном случае, *бу* указывает на субъект ситуации, а не контекста.

Деактуализатор *бу* проявляет себя также как связующее средство между контекстно обусловленными предложениями. В предложениях, где наличествует и деактуализатор и актуализатор (в соотнесенности к разным членам предложения), легко определяются тема и рема. Ср.: *Бу мусәлман һәкимләриндән савајы шәһәримиздә рус һәкимләри да вар иди* (Дж. Мамедкулизаде) 'Помимо этих врачей-мусульман в нашем городе были также русские врачи'.

Темой данного предложения является дополнение *мусәлман һәкимләриндән*, которое деактуализируется благодаря контекстному дейктическому элементу *бу*; ремой же является подлежащее *рус һәкимләри*, актуализируемое усилительной частицей *да*.

Встречается тип предложения, где деактуализатор и актуализатор относятся к одному и тому же члену предложения. Деактуализатор по отношению к данному члену предложения занимает препозицию, а актуализатор — постпозицию. Ср.: *Һәгигәт, дүнјада бу һикаранчылыгдан да пис шеј јохдур* (Дж. Мамедкулизаде) 'Действительно, в этом мире нет ничего хуже беспокойства'.

Деактуализатор *бу* и актуализатор *да* относятся к дополнению *һикаранчылыгдан*. В данном случае, думается, актуализация остается в силе, хотя и несколько ослаблена.

Актуализаторы и деактуализаторы — показатели тема-рематического членения предложения, однако в азербайджанском предложении они функционируют не постоянно, так как их употребление в большинстве случаев бывает факультативным и семантико-структурный каркас предложения мало теряет от их отсутствия. Гораздо проще обстоит дело в языках с развитыми артиклевыми системами. Например, в немецком языке определенный артикль помогает, выявить данное, то есть тему, а неопределенный артикль — новое, то есть ремую³⁰.

³⁰ Ср. К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 64.

Просодическая актуализация

Просодические элементы, такие как интонация, темп, ударение и т. д. играют важную роль в разговорной речи. Специально не рассматривая эту тему, укажем лишь на некоторые моменты, наиболее ярко характеризующие в азербайджанском языке взаимоотношения просодики и актуального членения.

Выделение ремы в структуре предложения обычно сопровождается ее обрамлением паузой. Ср.: *Мән бу күн... ишә... кедирәм* 'Я сегодня... на работу... иду'.

Следует отметить, что пауза сильнее проявляется перед ремой и значительно слабее — после нее. По существу пауза тесно связана и с другими просодическими элементами, а именно — с темпом высказывания. Как писал А. А. Реформатский, «пауза регулирует и темп и ритм высказывания»³¹.

Темп произношения также позволяет различить тему и рему. В азербайджанском языке темп произношения темы намного выше, чем ремы³². И это естественно, ибо внимание, которое привлекает к себе рема-неизвестное требует и соответствующего замедленного темпа ее произнесения. Тема же в речевом потоке всегда является бывшим компонентом актуального членения предыдущего предложения, то есть она уже известна реципиенту из предшествующего контекста и поэтому внимание на ней не заостряется.

Одним из основных просодических элементов имеющих отношение к тема-рематическому членению предложения, является логическое ударение. По меткому выражению А. А. Реформатского, логическое ударение является тем же фразовым ударением, только оказавшемся не на своем месте.

При наличии логического ударения, являющегося просодическим показателем ремы, предложение, с точки зрения психологии восприятия, теряет свои семантико-структурные границы. Эти границы распадаются, так как позиционно конечный элемент не обязательно должен быть логическим предикатом, то есть основным и наиболее важным элементом предложения на логико-грамматическом уровне. Таким образом, позиционно конечный элемент, будучи на синтаксическом уровне одновременно и сигнализатором структурного конца конечной границы, на коммуникативном уровне может и не сохранить эту функцию. Грамматический предикат не воспринимается как показатель финитности, если логическим предикатом выделенным логическим ударением, становится какой-нибудь другой интерпозитивный член предложения. Таким образом: в языковом сознании происходит слияние предложения с текстом.

Расплывчатость границ на коммуникативном уровне, естественно, обуславливает более прочную связь данного предложения с другими предложениями в функционирующем тексте, которая осуществляется под воздействием как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов.

Интересно отметить особую роль интонации при актуальном членении предложения в азербайджанском языке³³.

³¹ А. А. Реформатский. Очерки по филологии, морфологии и морфонологии. М., 1979, стр. 56.

³² См.: Ф. Чәлилов. Бағлағычысыз табели мурәккәб чүмләрдин муәйјәнләшмәсиндә интонасийанын ролу. — «Ученые записки Азгосуниверситета им. С. М. Кирова. Серия: язык и литературы», Баку, 1978, № 5.

³³ См.: Ф. Агајева. Азәрбајҹан дилинин интонасийасы. Баку, 1978, стр. 85 и сл.

* * *

Как уже отмечалось, до сих пор логико-грамматический уровень предложения, его актуальное членение не были в азербайджанском языкознании предметом специального, детального исследования. Данная статья ни в коей мере не претендует на охват всего лингвистического материала, связанного с этими вопросами. Однако, как нам кажется, представленные здесь основные параметры актуального членения могут послужить в какой-то степени исходной базой для дальнейшего изучения данной проблематики.

В этой связи перспективным нам представляется исследование тематического членения так называемых нерасчлененных в грамматическом плане предложений. При актуальном членении подобных предложений (высказываний) исследователи оперируют понятием «комплексная рема»³⁴. Можно было бы проанализировать и односоставные предложения, в которых, как мы полагаем, грамматическая одночленность в глубинном состоянии проецируется на актуальную двучленность, то есть здесь можно путем трансформаций выявить и тему, и рему предложения скрытую за грамматической «монолитностью» данного типа предложений.

Одним из самых важных моментов в проблематике актуального членения является применение его методов и положений к структуре сложного (сложноподчиненного) предложения. Еще В. В. Виноградов отмечал, что «...как данное, так и новое может выражаться различными членами предложения, в распространенных предложениях — целыми группами их, в сложных — целыми предложениями» (разрядка наша. — К. А.).³⁵

Выражение темы или ремы целым составом предложения открывает перед исследователями новые горизонты³⁶. При этом, если, с одной стороны, более четко вырисовываются структурные границы темы и ремы, то, с другой — возможны также взаимопроникновения их в составы друг друга, так как для этого имеется довольно широкая пространственная область.

Актуальное членение предложения тесно связано со всей структурой текста (сложного синтаксического целого). В изолированном предложении практически невозможно найти правильное решение тематического членения. Только в связи с методологическим освещением проблемы исследователи брали отдельные, ставшие стереотипными предложения, типа *Әһмәд сабаһ Москваја кедәчәк* 'Ахмед завтра поедет в Москву', где представлены все структурно важные члены, которые поочередно могут стать как темой, так и ремой. Подобными предложениями оперировал еще Г. Пауль³⁷. Ср. его «Карл едет завтра в Берлин». Этот же тип предложения использован Т. Б. Ломтевым³⁸ («Петр едет в Ленинград»).

³⁴ Ср. И. И. Ковтунова. Структура художественного текста и новая информация. — В сб.: «Синтаксис текста», М., 1979, стр. 262.

³⁵ В. В. Виноградов. Введение. — «Грамматика русского языка», т. 2, ч. I, Синтаксис, М., 1960, стр. 92. См. также: Л. В. Шегукова. Об актуальном членении сложных предложений. — «Филологические науки», М., 1972, № 1, стр. 69.

³⁶ Следует оговорить, что попытка применить актуальное членение к бессоюзным сложноподчиненным предложениям была предпринята Ф. Джалиловым. См.: Ф. Джалилов. Бессоюзные сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке. Канд. дисс., Баку, 1979, стр. 170.

³⁷ Г. Пауль. Принципы истории языка, М., 1960, стр. 339 и сл.

³⁸ См.: Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, стр. 18 и сл.

Однако развитие мысли не может ограничиваться рамками отдельного предложения. Структурно самостоятельные предложения сцепляются между собой разными синтаксическими и семантическими способами, передавая друг другу тема-рематические мотивы; и речевой поток, вследствие чередования или повторения этого мотива, в конечном итоге предстает как целостная коммуникативная система.

И. Х. АХМАТОВ

ОДНОМЕСТНЫЕ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

К важным задачам синтаксиса простого предложения относится установление перечня его моделей. Моделям предложения в последние годы уделяется большое внимание. Тем не менее общепризнанного определения модели предложения до сих пор не существует. Одними лингвистами под моделью понимается предикативный минимум предложения¹, другими — его номинативный минимум. Представители второй точки зрения признают необходимость введения в минимальную структурную схему информативно облигаторных распространителей². Применение последнего принципа позволяет выделить информативно достаточные модели предложения, чем и определяется его преимущество перед первым принципом, на основании которого можно выделить лишь схемы предложения, включающие в свой состав только компоненты, образующие предикативный минимум, полностью свободный от выявления при словных связей.

В данной статье впервые предпринимается попытка выявить на основе второй из упомянутых концепций основные одноместные простые глагольные модели предложения на материале одного из тюркских языков — языка карачаевцев и балкарцев.

Предложение нами рассматривается как языковая единица, формальная и семантическая структура которой неразрывно связаны друг с другом.

Для записи модели мы применяем формулу формально-семантической структуры предложения, представленную в виде дроби, числителем которой является обозначение морфологического выражения компонентов модели в терминах частей речи и их форм, а знаменателем — семантическая запись, представленная в показателях семантических компонентов³.

Данные конструкции имеют общую формальную структуру C_1 —Г. Функционально эта структурная схема может быть выражена формулой: «подлежащее+глагольное сказуемое». Позицию сказуемого здесь занимают одновалентные глаголы разных семантических значений и залоговых форм, поэтому схема C_1 —Г служит для выражения ряда семантических структур. Рассмотрим основные из них.

1. Семантическая структура $S_{сост}$ — $P_{сост}$ выражается формальной структурой C_1 —Г, в которой позиция сказуемого занята глаголами, означающими психофизические состояния человека, а позиция подлежащего — словами, обозначающими личный субъект. К указанному классу глаголов в карачаево-балкарском языке относятся: *ауру* 'болеть', *ёл*

‘умереть’, *абызыр* ‘растеряться’, *ары* ‘уставать’, *уян* ‘проснуться’, *кэабыш* ‘мерзнуть’, *жылын* ‘согреться’, *мудахлан* ‘стать грустным’ и др. Примеры: *Кэойчу жукэлайды* ‘Чабан спит’; *Сабий уянды* ‘Ребенок проснулся’; *Хасан абызырады* ‘Хасан растерялся’ и т. п.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{сост}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{сост}}}$$

В данной ССМ позицию предиката обычно занимают глаголы основного залога. Сюда мы относим и такие глаголы, как *уян* ‘проснуться’, *жылын* ‘согреться’, *жалын* ‘умолять’, *алын* ‘взбеситься’, которые в своем составе имеют аффикс возвратного залога — *н*, но не имеют соотносимых исходных глагольных основ⁴.

Иногда в данной позиции встречаются и глаголы в форме возвратного залога.

Большинство глаголов, выступающих в роли предиката рассматриваемой семантической структуры, непроеизводны. Те же из них, которые являются производными, образованы от именных частей речи с помощью аффиксов *-лан/-лен* (*гузабалан*, *мудахлан*), *-ла/-ле* (*чибинле*), *-сын/-син* (*жюрексин*), *-ай* (*тынчай*) и др. СемС предложения, образованная на основе некоторых из этих глаголов, бывает синонимичной СемС, выраженной формальной структурой, в которой позицию предиката занимают имена, от которых образованы указанные производные глаголы, в сочетании со вспомогательными глаголами. Ср.: *Хаким тынчайды/Хаким тынч болду* ‘Хаким успокоился’; *Харун кэартайды/Харун кэарт болду* ‘Харун постарел’.

Таким образом, мы видим, что в карачаево-балкарском языке некоторые глагольные и именные предложения могут выражать одну и ту же семантическую структуру.

Указанные выше глаголы передают состояние или ощущение, в котором находится субъект; состояние, в котором он оказывается в силу действия каких-то от него не зависящих внешних причин. Эти причины могут быть известными, и при необходимости говорящий может указать на них. Для этих целей в языке используются либо наречия причины, либо придаточные предложения причины, либо их аналоги.

Деление семантических ролей по семантическому признаку личность — предметность, или одушевленность — неодушевленность, основано на признании того, что личные субъекты обладают собственным поведением, чего нельзя сказать о предметных субъектах. Так, например, личные субъекты, в отличие от предметных, сами могут быть источником своего действия, не нуждаясь при этом в каком-либо постороннем движущем факторе. Предметные же субъекты таким свойством не обладают, поэтому для выполнения какого-либо действия нуждаются в постороннем движущем факторе⁵. Это не значит, что личные предикаты всегда характеризуются признаком активности. При наличии такого признака у субъекта предикат бывает активным, а при его отсутствии — пассивным⁶. В рассмотренной структурно-семантической модели предложения предикат пассивен. Однако, среди одновалентных глаголов состояния встречаются и такие, которые обозначают преднамеренные, активные действия субъекта, приводящие его самого в определенное состояние, например: *кэубул* ‘сделать вид, что будто являешься молчаливым’, *кэошакэлан/кокалан* ‘кокетничать, показывать себя таким, каким не являешься’, *жойкэулан* ‘подхалимничать’ и др. Например: *Раузат кокаланады* ‘Раузат кокетничает’. Общая семантика такой модели, как и приведенной выше, — выражение состояния личного субъекта.

Таким образом, структурная схема $C_1 - \Gamma$ при заполнении ее компонентов глаголами, выражающими различные психофизические состоя-

ния личного субъекта, и словами, обозначающими человека или другие живые существа, представляет структурно-семантическую модель, семантическая структура которой состоит из пассивного или активного субъекта и пассивного или активного предиката состояния. Некоторые глаголы, входящие в данный класс, отличаются друг от друга тем, что образованные на их основе высказывания могут быть распространены разными по качеству факультативными компонентами. Общее для этих конструкций состоит в том, что почти все они могут быть распространены конкретизатором причины. Отдельные из них могут включить в себя, кроме названного, и другие компоненты.

Следует отметить, что конструкция $C_1—Г$, в которой позицию сказуемого представляют некоторые из приведенных глаголов, иногда распространяется лично-возвратным местоимением, занимающим позицию прямого объекта. Например, *Къыз кесин омакъландырады* 'Девушка красуется'. Как видно из данного примера глагол-сказуемое принимает форму понудительного залога, а предложение формально становится трехкомпонентным. Но это не приводит к изменению смысловой структуры предложения, потому что слово, занимающее позицию объекта воздействия, здесь обозначает то же самое лицо, что и слово в позиции субъекта⁷.

Носителем такой семантической структуры являются и формальные конструкции типа $C_2—C_1—Г$ в тех случаях, когда позиция C_2 заполнена словом со значением одушевленного предмета, позиция C_1 — словом, обозначающим часть тела этого предмета, позиция $Г$ — глаголом состояния, например: *Мени башым ауруйду* 'У меня болит голова'.

Такие факты показывают, что один и тот же тип семантической структуры может быть присущ нескольким типам различной синтаксической структуры.

В карачаево-балкарском языке много одновалентных глаголов, на основе которых строятся предложения с формальной структурой $C_1—Г$, выражающей пассивное состояние, приписываемое предметным субъектам.

В рассматриваемых предложениях выражается такое состояние, к которому приходят неодушевленные предметы под воздействием каких-либо внешних факторов, которые не находят какого-либо выражения в данных конструкциях, а предикат выступает в форме основного залога. В результате всего этого предметные актанты этих предложений носителями языка осмысливаются как слова, функционирующие в роли семантического субъекта. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить рассматриваемые конструкции с предложениями типа: а) *Сют уютулду* 'Молоко заквашено', б) *Жел урады* 'Дует ветер'.

2. Синтаксическая структура $C_1—Г$, когда позиция сказуемого в ней занята глаголами возвратного залога с собственно-возвратным значением, представляет семантическую структуру $C_d—O_d—П_d$, например: *Ат'Я кийинди* 'Тятя оделся'; *Жашла тешиндиле* 'Ребята разделись'; *Ата журтум жасанады* 'Родина моя снаряжается'.

Указанная трехкомпонентная семантическая структура может передаваться и трехкомпонентной синтаксической конструкцией $C_1—C_4—Г$, когда позицию сказуемого в ней занимает, например, глагол *жуу* 'мыть' в основном залоге, а позицию прямого объекта — слово *юс* 'поверхность чего-либо'. Ср.: *Ол юсюн жууады* 'Он купается'. Ср. еще: *Жашла тешинедиле* ($C_1—Г$) // *Жашла кийимлерин тешедиле* ($C_1—C_4—Г$) 'Ребята раздеваются'. В данном случае позиция объекта занята словом *кийим* 'одежда'. В других же случаях в аналогичных трехкомпонентных синтаксических конструкциях данная позиция может быть занята только лично-возвратным местоимением: *Лиза сымарланады* // *Лиза ке-*

син *сымарлайды* 'Лиза красуется'. Если не иметь в виду этот случай, то можно утверждать, что факт синонимичности по смыслу приведенных здесь для сравнения двухкомпонентных и трехкомпонентных синтаксических моделей при указанном лексическом наполнении говорит о правильности того вывода, что C_1 —Г в данном случае действительно выражает трехкомпонентную семантическую структуру. Таким образом, здесь выступает следующая ССМ:

$$\frac{C_1}{C_d - O_d} - \frac{\Gamma}{П_d}$$

3. Двухкомпонентным синтаксическим построением может быть выражена трехкомпонентная семантическая структура и в других случаях. (ср.: *Къойла тёллендиле* (C_1 —Г) и *Къойла къозула гандыла* (C_1 — C_4 —Г) 'Овцы окотились'. Эти предложения в плане выражения отличаются друг от друга, а в плане содержания являются идентичными. В первом из них глагол является одноместным. Позиция, открываемая им, заполняется словами типа *къой* 'овца', *ийнек* 'корова', *мал* 'скот' и т. п. Указанный одноместный глагол служит выразителем не только предиката. В нем, кроме того, в скрытой, неявной форме выражается и значение объекта, как результата действия субъекта, поэтому структурно-семантическая модель предложений типа *Къойла тёллендиле* может быть представлена в виде следующей записи:

$$\frac{C_1}{C_d} - \frac{\Gamma}{O_{рез} - П_d}$$

Ср. еще: 1) *Мухтар фатарланды* 'Мухтар получил квартиру' и *Мухтар фатар алды* 'Мухтар получил квартиру'. 2) *Мырзакъул юйдегиленди* 'Мырзакул стал семейным' и *Мырзакъул Жаннетаны алды* 'Мырзакул женился на Жаннете'.

Различие между семантикой данных предложений зависит от морфологической структуры и семантики глаголов, заполняющих позицию предиката. Семантика глаголов, в свою очередь, зависит от производящих основ, ср.: *мудах*—*мудахлан*, *фатар*—*фатарлан*.

4. Количество и характер валентности глагола иногда зависит от характера лексического наполнения «мест» в предложении. Например, возьмем предложение *Мазан жазады* 'Мазан пишет'. С грамматической точки зрения оно является полным, но не обладает информативной достаточностью: в нем не заполнена позиция объекта действия. При заполнении данной позиции словом «роман» это предложение становится информативно достаточным: *Мазан роман жазды* 'Мазан пишет роман'. При заполнении указанной позиции словом «письмо» это предложение таким признаком не обладает, потому что в данном случае глагол предполагает еще и позицию объекта-адресата, при заполнении которой мы получаем другую структурно-семантическую модель предложения (*Мазан Керимге письмо жазды* 'Мазан пишет письмо Кериму'), отличную от модели *Мазан письмо жазды*.

Здесь отмечается зависимость валентности глагола от семантики слов, заполняющих объектные места в предложении.

Некоторые глаголы в форме основного залога могут служить базой для построения как двухкомпонентных, так и трехкомпонентных предложений, обладающих грамматической и информативной достаточностью, ср.: 1) *Сабий жюриюдю* 'Ребенок ходит' (то есть может ходить) и 2) *Сабийле школге жюриюдюле* 'Дети ходят в школу'; 1) *Ол окъуйду* 'Он читает' (вообще может или умеет читать) и 2) *Ол жомакъ окъуйду* 'Он читает сказку'.

Первые предложения этих пар конструкций построены по схеме C_1 —Г. Сравнивая их, можно заметить, что второе из них (то есть *Ол окъуйду*) для передачи содержащегося в нем смысла опирается на контекст или «угол зрения» участников речи.

Первое из них (то есть *Сабий жюрюйдю*) воспринимается информативно достаточным и вне контекста. В чем причина? Почему глагол *жюрю* может быть то одновалентным, то двухвалентным? Нам кажется, что в этом определенную роль играет также семантика слова, занимающего позицию подлежащего. Это подтверждается тем, что при замене слова *сабий*, например, словом *студент* данное предложение теряет признак информативной достаточности. Ср.: *Студент жюрюйдю* 'Студент ходит'. Глагольная лексема в данном случае требует наличия локального конкретизатора: *Студент библиотекагъа жюрюйдю* 'Студент ходит в библиотеку'.

Замена предикатной лексемы указанных типов предложений со структурой C_1 —Г глаголом в форме возможности—невозможности освобождает данные конструкции от опоры на конситуацию, ср.: *Сабий жюрюялады* 'Ребенок может ходить'; *Алик окъуялады* 'Алик может читать' и т. п.

На основе подобных фактов, можно считать, что в карачаево-балкарском языке двухвалентные глаголы движения и действия в форме основного залога могут быть использованы для построения предикативных конструкций со структурой C_1 —Г, в которой позицию подлежащего замещают слова, обозначающие человека, то есть личного субъекта. Позиция сказуемого в них бывает занята предикатом движения или действия, и в результате этого мы получаем следующие ССМ:

$$\frac{C_1}{C_{дв}} - \frac{Г}{П_{дв}} \text{ и } \frac{C_1}{C_{д}} - \frac{Г}{П_{д}}.$$

В таких моделях действие, выражаемое глаголом, важно не само по себе, а подается как свойство личного субъекта⁸.

Глаголы, обозначающие различные действия и движения, перемещения человека, в форме основного залога, как правило, бывают поливалентными. Однако, как видно из наших примеров, при необходимости они могут быть использованы и для построения двухкомпонентных предложений. При этом определенную роль играет точка зрения участников коммуникации. Говоря о психологии восприятия, В. Г. Гак подчеркивает, что наблюдатель выделяет одно или несколько свойств предмета в качестве наиболее информативных. Процесс выделения признаков может быть более или менее осознанным, нередко он объясняется «активной доминантой сознания», «установкой». Например, при восприятии некоторого движения может быть выделен признак «способ передвижения», либо «направление движения», либо оба признака (аспекта) одновременно⁹. В рассмотренных нами случаях мы имеем дело с выделением самого действия как свойства личного субъекта, с отвлечением от его характеристик. В этом можно видеть один из случаев того, что языковой знак меняет свою сущность в зависимости от точки зрения говорящих.

5. Глаголы страдательного залога образуют самостоятельный тип структурно-семантической модели предложения.

Следует отметить, что вопрос о залогах глагола вообще и об их отношении к структурно-семантическому моделированию предложения— в частности, в карачаево-балкарском языкознании пока еще никем не ставился. Вопрос о страдательной форме глагола, о ее семантике и значении в построении предложения в тюркских языках является спорным.

Так, например, Г. Садвакасов пишет: «Страдательный залог указывает на то, что субъект подвергается действию со стороны другого лица»¹⁰. В действительности же субъектом в данных конструкциях является лексема, называемая рядом авторов «чужим источником действия» или «другим лицом», а та, которая квалифицируется ими как субъект (слово, занимающее в страдательной конструкции позицию подлежащего), представляет собой по сути дела объект. К такому неверному выводу исследователей приводит представление о подлежащем как о выразителе субъекта. Однако подлежащее не всегда может служить выразителем семантического субъекта. Рассматриваемая конструкция как раз показывает, что асимметрический дуализм наблюдается не только между «поверхностной» структурой, компоненты которой обозначены формами слов, и семантической структурой, но и между «поверхностной» структурой, компоненты которой обозначены членами предложения, и смысловой структурой предложения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить конструкции, в которых позицию сказуемого занимают глагольные лексемы в основном и страдательном залогах: 1) *Студент китапны окъуйду* ($C_1-C_4-\Gamma$) 'Студент читает книгу'; 2) *Китап окъулады* ($C_1-\Gamma$) 'Книга читается (кем-то)'.

При замене основного залога страдательным в структуре предложения происходят определенные изменения: а) субъектная лексема C_1 опускается; б) ее позицию занимает объектная лексема C_4 ; в) в результате этого изменяется форма, следовательно, и синтаксическая функция объектной лексемы, но это не приводит к изменению её семантической роли. И получается следующая ССМ:

$$\frac{C_1}{O_d} - \frac{\Gamma}{P_d}$$

Формально выраженного субъекта в этих моделях нет. Такой конструкцией пользуются в тех случаях, когда необходимо указать не на производителя действия, а на то, что объект подвергается тому или иному воздействию. По признаку отсутствия формально выраженного производителя действия (субъекта) рассматриваемые предложения сходны с безличными конструкциями. Однако эти предложения к безличным никак из исследователей тюркских языков не относятся, ибо данные предикативные конструкции включают в свой состав лексически выраженное подлежащее, которое, как мы выше пытались показать, ошибочно рассматривается как выразитель субъекта. В некоторых тюркских языках в качестве выразителя субъекта в рассматриваемой конструкции могут выступать такие словоформы и посложные конструкции, которые на функциональном уровне играют роль дополнения¹¹. Данное положение подтверждается фактами башкирского, татарского, хакасского и других тюркских языков. В одних из них в качестве средств выражения субъекта используются сочетания имени с послелогом¹², в других — срудный или дательно-направительный падеж¹³.

Таким образом, возникает следующая модель предложения:

$$\frac{C_1 \text{ — подлежащее}}{O \text{ действия}} - \frac{C_3(C_{\text{бла}}) \text{ — дополнение}}{C \text{ действия}} - \frac{\Gamma \text{ (в страдательном залоге)}}{П \text{ действия}}$$

Позицию C_1 в схеме $C_1-\Gamma$ могут занимать слова, обозначающие предметы или лица, а позицию Γ — глаголы в страдательном залоге с различной семантикой. В зависимости от этого на основе данной формальной схемы могут быть образованы следующие модели:

а) предложения, семантическая структура которых состоит из предиката действия и объекта, подверженного этому действию, например: *Бичакъ биленди* 'Нож (кем-то) нагочен'; *Тюкен жабылды* 'Магазин (кем-то) закрыт'.

Хотя здесь субъект и не выражен формально, однако, он может подразумеваться из контекста. Им может быть сам говорящий или другие лица. Ср.: *«Жулдуз» колхозда кюз ишле иги бардырыладыла. Тирлик кезиунде жыйылеанды. Мал ашла хазырлангандыла. Урлукъ себилгенди* 'В колхозе «Звезда» весенние работы проводятся хорошо. Урожай убран вовремя. Заготовлены корма. Семена посеяны'. Здесь три предложения рассматриваемого типа. Из контекста видно, что производитель действия в них общий и что он здесь мог бы быть выражен словом *колхозчула* 'колхозники'.

Структурно-семантическая организация всех таких предложений выражается следующей схемой:

$$\frac{C_1}{O_d} - \frac{\Gamma_{\text{страд}}}{P_d};$$

б) предложения, семантическая структура которых состоит из предиката состояния и объекта, подверженного этому состоянию: *Ат арытылды* 'Лошадь (кем-то) утомлена'. ССМ таких предложений:

$$\frac{C_1}{O_{\text{сост}}} - \frac{\Gamma_{\text{страд}}}{P_{\text{сост}}};$$

в) в тех случаях, когда позиция сказуемого в формальной структуре $C_1 - \Gamma_{\text{страд}}$ занята глаголами мышления, на ее основе строится следующая ССМ:

$$\frac{C_1}{O_{\text{мышл}}} - \frac{\Gamma_{\text{страд}}}{P_{\text{мышл}}}.$$

Пример: *Адил танылды* 'Адила узнали'.

Страдательный залог образуется только от ограниченного числа глаголов мышления. При этом не все глаголы данного семантического класса в страдательном залоге выступают как одноместные лексемы. По этим причинам рассмотренная структурно-семантическая модель предложения встречается реже других моделей.

6. Некоторую часть глагольной лексики карачаево-балкарского языка составляют глаголы, образованные от звуко- и образоподражательных слов. Эти глаголы по своей семантике бывают различными. Среди них самостоятельную группу составляют глаголы звука, которые могут быть условно разделены на следующие подгруппы: а) глаголы, обозначающие звуки неодушевленных предметов, б) глаголы, обозначающие звуки одушевленных предметов (не лиц), в) глаголы, обозначающие звуки одушевленных предметов (лиц).

Глаголы третьей подгруппы распределяются по другим семантическим типам: глаголы движения (*тыпырда* 'отбиваться ногами, руками и проч.'), глаголы состояния (*хурулда* 'храпеть'), глаголы речи (*тыпылда* 'бормотать') и т. д.

Глаголы первой группы отличаются от глаголов других семантических типов и некоторыми тюркологами они выделяются в самостоятельную группу¹⁴. Однако эту точку зрения разделяют не все исследователи¹⁵. Анализ фактов карачаево-балкарского языка показывает, что данные глаголы среди одновалентных занимают особое место. В отличие от глагольных лексем, условно объединенных нами под общим названием «глаголы звука», рассматриваемые глаголы требуют предметного субъекта, так как они обозначают звуки, издаваемые неодушевлен-

ными предметами, то есть предметными субъектами под воздействием каких-либо внешних факторов, не имеющих формального выражения в модели простого предложения. Речь идет о простых предложениях, в которых предикатная лексема употребляется в форме основного залога. В других случаях эти факторы отражаются в языке тем или иным способом. Ср.: *Жел урады, тауукъ орунну эшиги гъыжылдыйды* 'Дует ветер, и дверь курятника скрипит'; *Жел тауукъ орунну эшигин гъыжылдатыды* 'Из-за ветра дверь курятника скрипит'.

Как и формальная структура, семантическая структура рассматриваемых предложений состоит из двух компонентов: предиката звука и субъекта звука. Их общая семантика: выражение звука как свойства предметного субъекта.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{пзв}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{зв}}}$$

Примеры: *Телефон зынгырдады* 'Зазвонил телефон'; *Юйюбюзню терезелери зынгырдадыла* 'Стекла окон нашего дома зазвенели'; *Самолетла гюрюлдей эдиле* 'Самолеты гудели' и т. п.

7. Модель $C_1-\Gamma$ может иметь в качестве сказуемого одновалентные глаголы звука *кюкюре//гюрюлде* 'гремять', требующие заполнения позиции подлежащего именем существительным *кёк* 'небо'. Например: *Кёк кюкюрейди* букв. 'Небо гремит'; *Кёк гюрюлдейди* 'Гром гремит'.

В формальном отношении данные предложения состоят из тех же компонентов, что и предложения типа *Телефон зынгырдады*, *Самолет гюрюлдейди*, однако последние два предложения отличаются от предложений указанного типа своей общей семантикой. Конструкции: *Телефон зынгырдады*, *Самолет гюрюлдейди* показывают способность предметных субъектов издавать звуки. Предложения же *кёк кюкюрейди* и *кёк гюрюлдейди* — передают состояние атмосферы (см. ниже п. 9).

Таким образом, факты свидетельствуют, что предложения, состоящие из одинаковых формальных и семантических компонентов, могут различаться своей общей семантикой. Поэтому нельзя считать достаточной трактовку семантической структуры предложения, сводя ее к набору структурно-смысловых компонентов или к совокупности элементарных значений. Специфика семантической структуры предложения определяется не только составом компонентов, но и их взаимосвязью.

8. Ср. предложения: *Тауукъ кзангкылдады* 'Вохчет курица'; *Атла кишнейдила* 'Кони ржут'; *Бёрю улуйду* 'Воет волк' и т. п.

Как видим, в основе всех этих предложений также лежит структурная схема $C_1-\Gamma$, однако, в отличие от только что рассмотренных предложений, в данных конструкциях позицию сказуемого занимают глаголы звука, при которых позиция подлежащего может быть заполнена только словами, обозначающими животных и других живых существ, но не лиц. По этой причине субъекты приведенных здесь предложений отличаются от субъектов предложений, рассмотренных ранее, по признаку «активность—пассивность». Субъект приведенных здесь предложений характеризуется активностью. Общая семантика этих конструкций—выражение звука как свойства одушевленного субъекта (не лица). В отличие от личного субъекта ($C_{\text{л}}$) такой субъект можно назвать субъектом-нелицом звука ($C_{\text{нелзв}}$).

Семантическая структура указанных предложений двухкомпонентна: одушевленный субъект (не лицо) звука и предикат звука.

$$\frac{C_1}{C_{\text{нелзв}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{зв}}}$$

Однако глаголы, обозначающие звуки одушевленного субъекта (нелица), могут раскрыть позицию объекта-адресата, на что не способны глаголы, обозначающие звуки предметного субъекта. При этом позиция объекта-адресата бывает обязательной. В этом проявляется сходство некоторых из данных глаголов с отдельными глаголами речи, ср.: 1) *Раузат санга кычырады* 'Раузат кричит на тебя'; 2) *Ит атлыгъа юреди* 'Собака лает на всадника'.

9. Говоря об отношении языка и мышления к действительности, Б. А. Серебренников совершенно справедливо пишет, что «необходимо всегда иметь в виду известное качественное различие между мышлением и языком как средством коммуникации»¹⁶. Создание языка ведет к искажению действительности. «В предложениях типа „лес шумит“ и „река течет“ осуществлена явная персонификация предметов неживой природы: лес сам не может шуметь, и река сама не может течь»¹⁷. То же самое можно сказать о таких предложениях, как *Кёк жашнайды* букв. 'Небо сверкает' и *Кёк чагъады* букв. 'Небо искрится'. На определенном этапе развития человеческого мышления окружающая природа отождествлялась с живым существом, небу приписывались такие свойства, как сверкать, искриться. В результате длительного употребления указанные эпитеты и выражения закрепились в языке.

Следует отметить, что в рассматриваемом случае схема C_1 —Г является структурой с прикрепленным лексическим составом: позиция C_1 заполняется только существительным *кёк*, а позиция Г — лишь глаголами *жашна*, *чагъ* (от *чагъ* 'сверкать'), *гюрюлде*//*кюкюре* 'тремечь'. При таком лексическом наполнении компонентных мест данной схемой состояние атмосферы выражается как признак бытия.

В карачаево-балкарском языке имеется единственный в своем роде глагол (*чууакълан* < *чууакъ* + *лан*), который сочетается только со словом *кюн* 'солнце', употребляющимся в значении «погода», например: *Кюн чууакъланды* 'Погода прояснилась'. СемС этой модели предложения состоит из предиката состояния и субъекта состояния. Ее общая семантика — состояние погоды.

Такой же смысл передается двухкомпонентными предложениями, в которых позиция сказуемого занята глаголами *ачыл* 'проясняться' (букв. 'открываться'), *игилен*//*тюзел* 'улучшаться', а в роли подлежащего выступает то же самое слово *кюн*, например: *Кюн игиленди* 'Погода улучшилась'; *Кюн ачыллыкъды* 'Погода прояснится'.

В языке имеются именные предложения, синонимичные данным глагольным конструкциям. Например: *Кёк чууакъды* 'Погода ясная', *Кёк тазады* 'Небо чистое' и т. п. Замена лексемы *кёк* каким-либо другим словом обязательно приводит к изменению смысла как указанных глагольных, так и синонимичных с ними именных предложений. Ср.: 1) *Кёк жашнайды* 'Сверкает молния' и 2) *Республика жашнайды* 'Республика расцветает'. Или: 1) *Кёк тазады* 'Погода ясная' и 2) *Хауа тазады* 'Воздух чист'. Из этого следует, что для установления смысла и выделения структурно-смысловых типов предложения важно бывает учитывать характер семантического качества не только предикатной, но и субъектной лексемы.

10. Структурная схема C_1 —Г может включать в качестве сказуемого глаголы *жау* 'идти, падать (об осадках)', *жабалакъла* 'падать большими хлопьями (о снеге)', *себеле* 'порошить', которые требуют заполнения позиции подлежащего только именами существительными *жауун* 'дождь', *къар* 'снег' и *буз* 'град'. При таком лексическом наполнении СемС указанной схемы также двухкомпонентна: предикат процесса и субъект процесса¹⁸.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{проц}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{проц}}}$$

Общая семантика данной модели предложения — выражение процесса как явления природы. Аналогичную СемС имеют и двухкомпонентные предложения, в которых в качестве выразителя предиката выступают глаголы *ур* 'дуть', *шошай* 'утихать (о ветре)', а в качестве выразителя субъекта — лексемы *жел* 'ветер', *аяз* 'ветерок', *тебенги* 'ветер, который дует снизу'.

Этот семантический тип предложения также характеризуется прикреплённым составом лексики, заполняющей ее компонентные места. Примеры: а) *Къдр жаугъанды* 'Выпал снег', б) *Жел шошайды* 'Ветер утих'.

11. Самостоятельная структурно-семантическая модель предложения представляется схемой $C_1 - \Gamma$ и в том случае, когда позиция C_1 занята именами существительными с предметно-временной семантикой: *къыйи* 'зима', *жай* 'лето', *жаз бацы* 'весна', *кюз/къыркъар* 'осень', а позиция Γ занята глаголами *кел* 'прийти', 'наступить', *оз* 'проходить', *жууукълаш* 'приближаться' и т. п. При этом данная схема показывает приближение, наступление и т. п. времен года. Например: *Къыйи жууукълашды* 'Зима приближается'; *Кюз кетди* 'Осень прошла' и т. д.

Как видно из примеров, в данной модели предложения в качестве выразителя предиката выступают глаголы движения. Для того, чтобы предложение было информативно достаточным, глаголы данного класса обычно требуют наличия локальных конкретизаторов. Но в сочетании с указанными выше именами существительными, занимающими позицию C_1 , эти глаголы «снимают» данное требование и образуют двухкомпонентные предикативные конструкции, являющиеся самодостаточными как в грамматическом, так и в смысловом отношении.

12. В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, имеются такие двухкомпонентные предложения, СемС каждого из которых состоит из субъекта количества и предиката количества. Общая семантика таких предложений: изменение количества личного или предметного субъекта под воздействием каких-либо внешних факторов.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{кол}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{кол}}}$$

Примеры: *Къойла кёбейгендиле* 'Овец стало больше'; *Спортсменле азайдыла* 'Спортсменов стало меньше'.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что одна и та же реальность может быть обозначена разными языковыми средствами, точно так же, как одно и то же языковое средство может служить для выражения различных ситуаций. Структура модели предложения зависит в основном от валентных свойств предиката, а ее семантика — от лексического наполнения семантических позиций предложения.

¹ Н. Ю. Шведова. О построении раздела «Синтаксис простого предложения». — В кн.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966; «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, и др.

² Г. А. Золотов. О регулярных реализациях модели предложения. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1; П. Адамец. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. Прага. 1973; Т. П. Ломтев. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.

³ Здесь приняты следующие сокращения: $C_1, C_2, C_3, C_4, C_5, C_6$ — падежные формы именных частей речи, где C_1 — основной падеж, C_2 — родительный падеж, C_3 — дательно-направительный падеж, C_4 — винительный падеж и т. д. $C_{\text{бла}}$, $C_{\text{дери}}$ и т. д. символизируют имя в сочетании с последогом *бла*, имя в сочетании с последогом *дери*

и т. д.; Г — глагол в личной форме; С_{сост} — субъект состояния, С_д — субъект действия, С_{дв} — субъект движения, С_л — субъект личный, С_{кол} — субъект количественных изменений, С_{проц} — субъект процесса, С_{пзв} — предметный субъект звука, С_{нелзв} — неличный одушевленный субъект звука; О_{сост} — объект состояния, С_д — объект действия, О_{мышл} — объект мышления; П_{сост} — предикат состояния, П_{дв} — предикат движения, П_{мышл} — предикат мышления, П_{проц} — предикат процесса, П_{кол} — предикат количественных изменений, О_{рез} — объект-результатив, СемС — семантическая структура, ССМ — структурно-семантическая модель предложения.

⁴ К. З. Зиннатуллина. Залоги глагола в современном татарском языке. Казань, 1969, стр. 169.

⁵ В. В. Богданов. Семантико-синтаксическая организация предложения. Автореф. докт. дисс. Л., 1977, стр. 10—12.

⁶ М. А. Абдураззак. Грамматическая структура простого предложения. Ташкент, 1978, стр. 111.

⁷ Ср.: В. С. Храковский. Залог и рефлексив. — В кн.: «Проблемы теории грамматического залога», Л., 1978, стр. 60—61.

⁸ Ср.: Т. В. Шмелева. О семантике структурной схемы предложений. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 37, 1978, № 4, стр. 353.

⁹ В. Г. Гак. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: «Семантическая структура слова», М., 1972, стр. 80.

¹⁰ Г. Садуакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1976, стр. 196.

¹¹ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 135—141.

¹² А. А. Юлдашев. Принципы выделения и трактовка категории залога в башкирском языке. — В кн.: «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961, стр. 241; К. З. Зиннатуллина. Указ. раб., стр. 135—141.

¹³ «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 178—179.

¹⁴ Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 3; Г. К. Кулиев. Глагольное управление в азербайджанском и туркменском языках. Автореф. канд. дисс., Баку, 1969, стр. 13.

¹⁵ С. А. Рзаев. Семантические разряды глагола в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1970, стр. 10—27.

¹⁶ Б. А. Серебренников. Номинация и проблема выбора. — В кн.: «Языковая номинация. Общие вопросы», М., 1977, стр. 157.

¹⁷ Там же, стр. 158.

¹⁸ См.: В. Г. Гак. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, стр. 225.

Г. Н. ЗИКРИЛЛАЕВ

СИСТЕМА ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы модальности и, прежде всего, система глагольных наклонений всегда находились в центре внимания лингвистов¹. Советское языкознание рассматривает наклонения как одно из основных средств выражения модальности². Известно, что значения модальности и времени находятся в диалектическом единстве³, что обуславливает выделение временных сем не только в формах изъявительного, но и в формах других наклонений.

В данной статье предпринята попытка на основании положений метода компонентного анализа в сочетании с контекстуальным установить набор, степень отмеченности и случаи конкретизации релевантных сем для системы повелительно-желательного наклонения в современном узбекском языке⁴.

Остановимся на функционировании в минимальном контексте форм 2-го лица: [*Аёл серрайиб турган Аззамжонга кулиб қаради*] — *Юринг!* (С. Аҳмад «Уфқ бўсағасида») 'Смеясь, женщина посмотрела на опешившего Агзамджана: — Идемте!'; — *Гапир* [— *деди Дилдор*] (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») '— Говори, — сказала Дилдор'.

В этих примерах говорящий непосредственно обращается к слушающему, то есть к исполнителю действия и побуждает его совершить это действие. Следовательно, в императивных формах проявлены семы: «непосредственное обращение к слушающему», «побуждение» и «будущее время».

Первую сему можно было бы назвать коммуникативной, так как она обозначает непосредственный контакт между обоими участниками коммуникативного акта и потому постоянно находит выражение (ниже в таблице отмечена знаком +). Степень отмеченности модальной семы

¹ В. Г. Адмони. О модальности предложения. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», том 21, Л., 1956, стр. 51.

² В советском языкознании термин «модальность» впервые был использован С. Д. Кацнельсоном («Краткий очерк языкознания», Л., 1941, стр. 34) и В. В. Виноградовым («Русский язык», М.—Л., 1947, стр. 725).

³ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Ташкент, 1969, стр. 135; Х. Г. Нигматов. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе. — «Советская тюркология», 1970, № 5.

⁴ Об образовании форм повелительно-желательного наклонения см.: «Ҳозирги замон ўзбек тили», Тошкент, 1957, стр. 418; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 205—206, 234—236; А. Ҳожиёв. Тўлиқсиз феъл. Тошкент, 1970, стр. 152; «Ўзбек тили грамматикаси». Том I. Морфология. Тошкент, 1975, стр. 464—467.

совпадает с коммуникативной, так как она также связана с членом акта коммуникации, то есть выражает волеизъявление говорящего, что сопровождается особой интонацией, смещающей ударение на основу⁵. В связи с этим интонацией оформляется особый коммуникативный тип предложения, что составляет синтаксическую функцию семы «побуждение»⁶; помимо этого, она обуславливает степень эмоциональной окрашенности действия (см. примеры, приведенные выше).

Временная сема, с одной стороны, зависит от характера действия, то есть от его идеальности⁷, с другой — она обусловлена лексическими свойствами глаголов. Последним обстоятельством объясняется выражение в минимальном контексте также семы «настоящее время»: [*Иккита анор учун хотинингизни серпул одамга оширгани*] уялинг! (А. Қаҳҳор «Анор») — «Стыдитесь за два граната сбыть свою жену богачу!».

Таким образом, в формах 2-го лица к двум временным семам выражается нейтральное отношение [ниже в таблице отмечается знаком +/—]. Поэтому обе эти семы проявляются в благоприятном в этом отношении контексте, каковым является минимальный контекст. Однако информация о побуждении очень часто не укладывается в рамки минимального контекста, в связи с чем данные формы в подавляющем большинстве случаев встречаются лишь в более пространных контекстах, которые могут быть как нейтральными, так и уточняющими. В последнем случае контекст включает лексические, грамматические и другие средства, способствующие эксплицитному выражению или усилению релевантных сем.

В контекстах с возвратным местоимением происходит уточнение коммуникативной семы, или точнее, исполнитель действия (адресат) выражается эксплицитно: — *Узингиз ййлаб кўринг* (А. Қаҳҳор «Синчалак») — «Подумайте сами!».

Личное местоимение способствует выделению адресата, при этом оно подпадает под логическое ударение⁸: *У девор устидаги қизга қараб бўғиж товуш билан йиқирди*: — *Сен гапирма!* (А. Қаҳҳор «Майиз емаган хотин») — «Взглянув на девушку, сидящую на стене, он пригрозил сдавленным голосом: — Ты молчи!».

Личное местоимение употребляется и тогда, когда 2-е лицо противопоставляется другим лицам, а последние также выражаются эксплицитно: *Мен жавоб берай, сиз эшитинг* (С. Аҳмад «Уфқ бўсағасида») — «Я буду отвечать, а вы слушайте!».

Обращение одновременно может уточнить две семы: *Тошбағир қизингизни кечиринг, ой ижон!* (О. Ёқубов «Диёнат») — «Мамочка, прости свою жестокосердную дочь!»; *Жон ука, шу ерда қол* (С. Аҳмад «Ҳижрон кунлари») — «Брат мой, останься здесь!» В этих примерах обращение, во-первых, способствует эксплицитному выражению адресата, а, во-вторых, благодаря своей форме насаждает модальную сему такими коннотативными оттенками, как ласка, любовь, мольба.

Если интонация и формы обращения выступают как средства выражения эмоционального отношения говорящего к действию, то модаль-

⁵ А. Фуломов. Узбек тилида ургу. Тошкент, 1949, стр. 8; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 205.

⁶ На необходимость учета синтаксической функции грамматических форм при системном анализе указывает С. Н. Иванов (С. Н. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6) и вслед за ним Х. Г. Нигматов (Х. Г. Нигматов. О характере грамматического значения тюркских форм и категорий. — «Советская тюркология», 1980, № 6).

⁷ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Ташкент, 1969, стр. 135; Х. Г. Нигматов. Морфология языка восточнотюркских памятников XI—XII веков. Автореф. докт. дисс., Баку, 1978, стр. 35.

⁸ «Ҳозирги замон ўзбек тили», стр. 419.

ные слова и частицы служат для выражения субъективного отношения логического характера: *Албатга боринглар*. (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Обязательно приходите'; *Шундан қутулиш йўли тўғрисида гапиринглар-да!* (А. Қаҳҳор «Сароб»). Скажите же, каким образом избавиться от этого!

Такие слова, как *қани*, *қол*, *қўй* в функции вспомогательного глагола также выражают логическое субъективное отношение говорящего и уточняют сему «побуждение». Аффикс *-гил* ослабляет повеление⁹.

Усиливаются и уточняются также временные семы, для чего используется другая группа средств: *Майли, ҳозир бўлаётганига ишонманг, энди бўладиганини эшитиб гангиб қолманг* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Ну, не верьте тому, что происходит сейчас, и не растеряйтесь, услышав то, что будет происходить'.

В некоторых контекстах модальная сема проявляется как «просьба», однако при сокращении контекста до минимума — она исчезает и проявляется уже сема «побуждение». Поэтому сему «просьба» нельзя относить к формам 2-го лица: *Сиздан илтимос қурувчиларнинг маший аҳволига алоҳида эhtiбор беринг* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Просьба к вам: особое внимание уделите бытовым условиям строителей'.

Таким образом, для синтетических форм 2-го лица релевантны четыре семы, степень отмеченности которых неодинакова. По отношению к модальной и коммуникативной семам данные формы автосемантические, поэтому для их проявления достаточно нейтральность контекста; по отношению же к временным семам они синсемантические, и для их проявления необходима «поддержка» со стороны контекста. В уточняющем контексте релевантные семы разносторонне конкретизируются.

Существует также несколько аналитических форм 2-го лица, которые сравнительно редко встречаются в художественной прозе. Приведем один пример: — *Бунақа экан, мажлиснинг охиригача ўтиринг эди, нимани ўйлаб Усмоғжонни таклиф қилганлигинингизни коммунистларга айтинг эди* (А. Қаҳҳор «Синчалак») — Раз так, надо было досидеть до конца собрания, сказать коммунистам, почему вы предложили кандидатуру Усманджана! В этом контексте реализованы семы: «непосредственное обращение к слушающему», «побуждение», «прошедшее время» и «отношение». Первые две из этих сем маркированы в первом компоненте аналитической формы, две другие — во втором. Поэтому, если даже свести контекст до минимума, данные семы не исчезают. Но аналитические формы обычно не встречаются в минимальном контексте; что связано с особенностями последней семы, которую можно было бы назвать синтаксической, так как она указывает на отнесенность действия в аналитической форме к другому действию, представленному в виде желания субъекта¹⁰.

В отличие от второго, 3-е лицо имеет всего одну синтетическую форму. Чтобы определить набор и степень отмеченности ее релевантных сем обратимся к языковым фактам: — *Буни Кенжага беринг, ичидан яроқлисини ажратиб берсин...* (А. Қаҳҳор «Сароб») — Отдайте это Кендже, пусть выберет из них пригодное'; *Болагинамга сўйиб беринг. Есин* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») — Отрежьте моему сыночку. Пусть поест'. В этих контекстах формой на *-син* выражены две разные модальные семы: «побуждение» (1) и «желание» (2). Если во втором контексте заменить адресата (*болагинамга*) нейтральным словом (например, *Кенжага* 'Кендже'), то реализуется сема «побуждение». Однако, если контексты свести до минимума, то ни одна из них не проявится. Следова-

⁹ А. Н. Коняев. Указ. раб., стр. 206.

¹⁰ А. Хожиев. Туликсиз фетл. Тошкент, 1970, стр. 153.

тельно, к данным модальным семам в форме на *-син* выражается одинаковое (то есть нейтральное) отношение, поэтому обе они проявляются в благоприятном для них контексте.

В первом контексте модальная сема, как в формах 2-го лица, означает волеизъявление говорящего, которое, однако, адресовано лицу, не принимающему участия в акте коммуникации. В связи с этим коммуникативная сема проявляется как «опосредствованное обращение к исполнителю действия» и представляет собеседника в качестве передающего повеление (посредника) и 3-го лица в качестве исполнителя действия (адресата), причем первый из них выражен имплицитно, а второй — эксплицитно.

В соответствии с условиями благоприятного контекста может изменяться функция лиц, что влияет на характер как модальной, так и коммуникативной семы: — *Албатта тайинлайман. Бориб ахволни ўранишсин, комитетда факультет бюросининг ҳисоботики эшитишсин* (П. Қодиров «Уч илдиш») — «Обязательно поручу. Пусть изучат обстоятельства, заслушают отчет бюро факультета в комитете».

В данном контексте говорящий представляет посредника, слушатель — приказывающего, а 3-е лицо — исполнителя, выраженных имплицитно. Следовательно, модальная сема проявляется как волеизъявление слушателя, а коммуникативная сема «охватывает» говорящего и 3-е лицо. Модальная сема может выражать также волеизъявление 3-го лица, а коммуникативная сема «охватывать» обоих участников акта коммуникации. В таком случае говорящий выполняет функцию посредника, слушатель — исполнителя, а 3-е лицо — приказывающего: — *Сизни ўз уйига кўчиб кетсин деяпти* (А. Қаҳҳор «Муҳаббат») — «Он говорит, чтобы вы переехали в свой дом».

В некоторых контекстах коммуникативная сема не находит выражения: *Тоға ўрнидан туриб залга қаради: — Умматали шу ерда бўлса саҳнага чиқсин!* (С. Аҳмад «Ҳижрон кунлари») — «Поднявшись с места, дядя оглядел зал: «Если Умматали присутствует, пусть выйдет на сцену»»; — *Қимдаким шу хатни маъқулласа келиб имзосини чексин* (С. Аҳмад «Ҳижрон кунлари») — «Кто одобряет это письмо, пусть подойдет и распишется»; — *Ўрдак оз қиламан деган мерган Найманга борсин* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») — «Тот охотник, который хочет поохотиться на уток, пусть поедет в Найман».

В первом примере говорящий (то есть приказывающий) не знает, находится ли исполнитель действия среди присутствующих в коммуникативном акте, во втором — согласен ли он с его волеизъявлением, а в последнем — исполнитель выражен именем существительным обобщенного значения, что также препятствует непосредственному обращению к нему. Итак, в подобных контекстах посредник отсутствует, так как приказывающий обращается к присутствующим в коммуникативном акте; исполнитель либо неизвестен ему, либо неконкретен, что и является причиной невыраженности коммуникативной семы. Модальная сема проявляется в форме волеизъявления говорящего.

В контекстах с двучленной формой страдательного залога коммуникативная сема также не выражается, так как волеизъявление говорящего относится к участвующим в коммуникативном акте и потому отсутствует как посредник, так и субъект (то есть исполнитель), ибо подлежащее представляет объект действия: *Ҳар томондан товушлар эшитила бошлади: — Бунақа саволлар мажлисда берилсин!* (А. Қаҳҳор «Синчалак») — «Со всех сторон начали раздаваться голоса: — Подобные вопросы следует задавать на собрании».

В таких случаях форма на *-син* может употребляться в вопросительных предложениях, где изменяется источник волеизъявления, так

как говорящий выполняет функцию посредника: *Бу бир марта текиширилган эди-ку, яна текиширилсинми?* — деди Бўтабой (А. Қаҳҳор «Кўшчинор чироғлари») 'Так это же было проверено! Опять нужно проверить?' — сказал Бутабой'.

В контекстах с одноклассной формой страдательного залога, или точнее, если она образована от непереходных глаголов, то не называется и объект действия, лишь приказывающий представляется в лице говорящего: *Хар томондан товушлар эшитила бошлади: — Раиснинг ўзи борида гапирилсин!* (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Со всех сторон начали раздаваться голоса: — Это следует говорить в присутствии председателя!'

Из данного краткого анализа видно, что сема «побуждение» в форме на *-син* находит выражение тогда, когда она образована от глаголов, указывающих на активную деятельность субъекта. В таких контекстах сема «желание» реализуется лишь при помощи лексических средств (см. пример, приведенный выше). Для проявления данной семы более благоприятными являются контексты, в которых глагол в форме на *-син* не обозначает активной деятельности субъекта, либо употреблен в переносном значении, или же десемантизован. Эти глаголы, как правило, сочетаются с неодушевленными существительными в функции подлежащего: *Юртимиз сувга сероб бўлсин* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Пусть наш край будет обилён водой'; — *Одамлигинг учун раҳмат. Омадинг келсин!* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») — Спасибо за человечность твою. Удачи тебе!'; *Пешонам қурсин, не кунларга қолдим* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Пусть будет проклята судьба моя! Горе мне!' В этих примерах коммуникативная сема в форме на *-син* не проявлена, что обусловлено отсутствием адресованности действия.

В лозунгах также реализуется сема «желание» с положительным или отрицательным отношением говорящего к действию, как, впрочем, и в других случаях проявления данной семы: *Йўқолсин империализм!* 'Долой империализм!'; *Яшасин халқлар дўстлиги!* 'Да здравствует дружба народов!' Сема «желание» может выражаться формой на *-син* и во внутреннем монологе: *Дадаси билан аяси қариб қолишибди. Қолган умрларини ундан рози бўлиб ўтказишсин, энди...* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Состарились отец и мать его. Пусть теперь остаток своей жизни они будут довольны им...'

Из вышесказанного явствует, что выражение коммуникативной семы в благоприятных для семы «побуждение» контекстах — ограничено, а сема «желание» — исключает ее проявление [в таблице отмечается знаком (+)/—].

Если акт коммуникации этого требует, то релевантные семы конкретизируются при помощи различных средств. Так, сема «побуждение» усиливается в основном модальными словами, а сема «желание» — частицами: *Замира ҳам сизни албатта келсин деб тайинлаб кетган эди* (П. Қодиров «Уч илдиз») 'Замира велела вам обязательно прийти', *Ишқилиб Турсунбойгинамга ҳам худс инсоф берсин-да* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Пусть и мой Турсунбой будет более покладистым'.

Эмоциональное отношение говорящего к семе «побуждение» выражается интонацией, а к семе «желание» — кроме того, и лексическими средствами, которые, как правило, одновременно способствуют проявлению данной семы.

Степень отмеченности, а также возможности конкретизации временных сем не отличаются от таковых в формах 2-го лица, поэтому на них не будем останавливаться.

Аналитическая форма 3-го лица в художественной прозе встречается крайне редко. В ней маркированы семы «побуждение», «прошедшее время» и «отношение». Отсутствие определенного отношения к комму-

никативной семе объясняется особенностями первого компонента, а отличие в характере модальной семы от других форм связано с недостаточным глаголом: *Унақа олифта бўлса, келмасин эди* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Раз он такой щёголь, лучше бы он не приходил'. В этом контексте сема «отношение» выражена эксплицитно, то есть соотнесенное действие представлено формой на -са.

Что касается 1-го лица, то оно имеет только две синтетические формы: -ай и -айлик.

В форме на -ай говорящий одновременно является и исполнителем действия. В связи с этим модальная сема проявляется в виде желания говорящего, для реализации которого достаточно нейтральность контекста: — *Мен борай. Эртага зўр иш бўладиганга ўхшайди* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») '— Ну, я пойду. Кажется, завтра предстоит большое событие'.

В данном контексте чувствуется присутствие в коммуникативном акте слушающего, хотя он и не выражен эксплицитно, что при необходимости возможно: *Хўп, энди сизга битта айбингизни айтиб берай* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Ну, теперь я скажу вам об одном вашем проступке'. Видно, что собеседник непричастен к действию, выраженному в форме на -ай, поэтому коммуникативная сема не проявляется.

В уточняющем контексте модальная сема конкретизируется при помощи различных средств: *Қа ни мен бир ичкарини кўрай* (П. Кодиров «Уч илдиз») 'Ну-ка, осматрю я дом'; *Зўр ишлар бўладиганга ўхшайди. Борай-чи* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Кажется, нас ожидают крупные мероприятия. Пойду-ка я'.

В контекстах с вопросительными словами или частицами коммуникативная сема проявляется в виде непосредственного обращения к слушающему. Вследствие этого характер модальной семы изменяется, так как говорящий, будучи исполнителем, обращается к своему собеседнику в форме на -ай, чтобы узнать его волю относительно действия: *Хандалак олиб келдим, сўйиб берайми?* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Я принес хандалак. Разрезать?'

Если в основе совершения действия лежит желание слушающего, то модальная сема проявляется как необходимость: *Ахир нима қилай? Хўжайинимни ўлдириб пулини олайми, ўзимни ҳиндига гаровга қўяйми? Ғалатимисан ўзинг* (А. Қаҳҳор «Анор») '— Ну что мне делать? Убив хозяина, взять его деньги или заложить себя индусу? Странная ты женщина'. Следовательно, подобные контексты неблагоприятны для такой модальной семы, как желание говорящего, которое маркировано в самой форме на -ай.

Временные семы формы на -айлик так же как и формы на -ай, проявляются в благоприятном контексте, а для выражения других релевантных сем — достаточно нейтральность контекста: — *Яхши кунда яхшиликдан гаплашайлик...* (О. Ёкубов «Диёнат») '— Давайте в хороший день говорить о хорошем...' В этом контексте говорящий обращается к своему собеседнику, призывая его совершить действие совместно. Значит реализованы семы «желание», «непосредственное обращение к слушающему» и «побуждение». Первая модальная сема нашла проявление в таком виде, как желание говорящего, вторая — в виде призыва. Характер коммуникативной семы также отличается от соответствующей семы в формах 2-го лица, так как в качестве исполнителя выступает не только слушающий, но и сам говорящий, которые в данном примере выражены имплицитно. Если акт коммуникации требует эксплицитного выражения, то они могут проявляться и эксплицитно. В таком случае контекст для коммуникативной семы будет уточняющим:

— Туш, Икром, нонушта қилайлик (С. Аҳмад «Ҳижрон кунлари»)
 — Слезай, Икром, позавтракаем.

В нижеследующей таблице представлены набор и степень отмеченности релевантных сем форм повелительно-желательного наклонения.

Формы	Релевантные семы							
	Побуждение	Желание	Непосредственное обращение к исполнителю	Опосредствованное обращение к исполнителю	Отношение	Прошедшее время	Настоящее время	Будущее время
Ø, -гин, -инг	+	—	+	—	—	—	+/-	+/-
Ø (-гин, -инг) эди	+	—	+	—	+	+	—	—
-син	+/-	+/-	—	(+)/—	—	—	+/-	+/-
-син эди	+	—	—	—	+	+	—	—
-ай	—	+	—	—	—	—	+/-	+/-
-айлик	+	+	+	—	—	—	+/-	+/-

Из этой таблицы видно, что для системы повелительно-желательного наклонения релевантны восемь сем, проявляющихся¹ в нейтральном или благоприятном контекстах в соответствии с автосемантической и синсемантической данных форм. Степень отмеченности релевантных сем неодинакова, благодаря чему они служат для различения указанных форм друг от друга или от форм других наклонений.

В неблагоприятном контексте одна или несколько релевантных сем нейтрализуются, вследствие чего данные формы вступают в синонимические отношения между собой или с формами других наклонений, что может стать объектом специального рассмотрения.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. С. Аҳмад. Қирқ беш кун. — «Уфқ» (трилогия). Биринчи китоб, Тошкент, 1976.
2. С. Аҳмад. Уфқ бўсағасида. — «Уфқ» (трилогия). Учинчи китоб, Тошкент, 1976.
3. С. Аҳмад. Ҳижрон кунлари. — «Уфқ» (трилогия). Иккинчи китоб, Тошкент, 1976.
4. О. Ёқубов. Диёнат. Тошкент, 1979.
5. А. Қаҳҳор. Қўшчинор чироғлари. — «Асарлар». Олти томлик. IV том, Тошкент, 1967.
6. А. Қаҳҳор. Майиз емаган хотин. Анор. — «Асарлар». Олти томлик, I том. (ҳикоялар, портретлар, фелъетонлар), Тошкент, 1967.
7. А. Қаҳҳор. Муҳаббат. — «Асарлар». Олти томлик. VI том, Тошкент, 1967.
8. А. Қаҳҳор. Сароб. — «Асарлар». Олти томлик. III том, Тошкент, 1967.
9. А. Қаҳҳор. Синчалак. — «Асарлар». Олти томлик. II том, Тошкент, 1967.
10. П. Қодиров. Уч илдиш. — «Танланган асарлар». Уч томлик. III том, Тошкент, 1979.

РЕЦЕНЗИИ

Қ. МӘМБЕТНАЗАРОВ. ҚАРАҚАЛПАҚ ЕРТЕКЛЕРІ ХАҚЫНДА

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКІС, 1981, 119 стр.

В каракалпакском фольклоре определенное место занимают народные сказки, устные рассказы и сказы.

До настоящего времени каракалпакские сказки не были предметом серьезного специального изучения и поэтому выход в свет работы К. Мамбетназарова «О каракалпакских сказках» представляет несомненный интерес.

Следует отметить, что сбор и публикация каракалпакских сказок начались еще в прошлом веке. Первыми собирателями произведений этого фольклорного жанра были ученые и путешественники из России — М. Гладышев, П. Рычков, Н. Каразин, А. Россоикова, А. Л. Кун, А. Диваев, А. Беляев. В советское время многое для систематического сбора и публикации сказок сделал Н. А. Баскаков. В капитальном труде «Каракалпакский язык» (т. 1, М., 1951) он опубликовал в своем переводе на русский язык более семидесяти народных сказок и легенд.

Создание отдела фольклора в составе Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР в 1959 году дало мощный импульс развитию каракалпакской фольклористики, в том числе и изучению каракалпакских сказок. За короткое время благодаря организации научных экспедиций в Кунградский, Ходжейлийский, Муйнакский, Чимбайский, Тахтакупырский и Кегейлийский районы автономной республики было записано свыше 500 народных сказок и легенд. В рукописный фонд Научной библиотеки Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР было передано около 1000 записей каракалпакских сказок.

Автор рецензируемой работы К. Мамбетназаров почти четверть века принимает непосредственное участие в сборе и систематизации произведений каракалпакского фольклора.

Указанная монография состоит из двух глав. Первая глава посвящена анализу жанровых особенностей каракалпакской сказки, истории ее возникновения и разви-

тия. Автор делит каракалпакские сказки по жанровым признакам на три вида: волшебные сказки, сказки о животных, бытовые сказки.

Характерной композиционной особенностью каракалпакских волшебных сказок является то, что они включают в себя множество элементов фантастики, художественного вымысла, символики (мотивы чудесного рождения героев, превращения человека в животного и т. д.).

Если в сказках о животных нашли отражение основные черты социально-экономических условий жизни народа, связанные с охотой, животноводством и т. п., то в сказках сатирического характера в образе животных осуждались жестокость, алчность и лицемерие ханов, баев, ишанов, мулл.

Каракалпакские бытовые сказки это — передававшиеся из поколения в поколение народные анекдоты, короткие поучения, поговорки, героями некоторых сказок являются исторические личности.

Как справедливо отмечает автор работы, в бытовых сказках особенно сильны мотивы борьбы народа против гнета феодалов, духовенства, в них воспеваются трудолюбие простых людей. В этих сказках имеются ценные материалы по истории, этнографии, каракалпакскому языку.

В бытовых сказках определенное место отводится и народной сатире, направленной против таких человеческих пороков, как лживость, хвастовство, ханжество, трусость.

Во второй главе исследования дается всесторонний анализ художественных особенностей каракалпакских народных сказок.

По своей стилистике, композиционной структуре, выбору художественных средств каракалпакские сказки, безусловно, имеют много общего со сказками как тюркских, так и других народов. Их характерные особенности наглядно проявляются в зачинах, концовках, в построении сюжета, в языке.

В сказках широко используются такие художественные средства, как эпитет, гиперболы, сравнение и т. д.

Различные явления природы обычно изображаются в тесной связи с происходящими событиями и душевным состоянием персонажей.

По рецензируемой монографии хотелось бы высказать несколько замечаний и пожеланий: Так в разделе «Бытовые сказки» автор рассматривает также легенды и анекдоты, хотя, на наш взгляд, их следовало бы выделить как особый фольклорный жанр.

Встречается односторонняя передача основного содержания той или иной сказки (см. стр. 38, 40—41 и т. д.). Было бы весьма кстати, если бы автор укрепили анализ

той или иной сказки некоторыми теоретическими положениями.

В целом рецензируемая монография, несомненно, будет с интересом встречена фольклористами.

Труд К. Мамбетназарова — итог его многолетней работы по изучению каракалпакских народных сказок. Это серьезное научное исследование, в котором всесторонне проанализированы жанровые особенности, художественная стилистика, исторические корни возникновения и развития сказок.

У. Доспанов

М. ТОМАНОВ. КАЗАҚ ТІЛІНІҢ ТАРИХИ ГРАММАТИКАСЫ ФОНЕТИКА, МОРФОЛОГИЯ

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1981, 206 стр.

В работе М. Томанова «Историческая грамматика казахского языка» широко используются материалы древнетюркских, староузских, старокыпчакских памятников, факты которых сопоставляются с данными современных тюркских языков и их диалектов.

Первый раздел книги посвящен исторической фонетике. Автор подробно рассматривает развитие системы казахского вокализма, прослеживая всевозможные его фонетические изменения. На основе сопоставления гласных фонем с данными памятников и живых тюркских языков, особенно кыпчакских, М. Томанов приходит к заключению, что процесс сужения древнетюркских широких и расширения узких гласных, наблюдавшийся в кыпчакских языках Урало-Поволжья, оставил свой заметный след и в казахском языке. Данное явление сближает между собой такие языки кыпчакской группы, как казахский, башкирский и татарский.

Интересны приведенные автором материалы по истории употребления звуков *e, й*, образования так называемых «ложных» дифтонгов и их аналогов в древнетюркском и современных тюркских языках. Автор устанавливает три варианта подобных аналогов: долгий гласный, элизия, глухой звук.

В тюркологии получил широкое распространение тезис о древнетюркском консонантизме, включающем 16 звуков. Исследователи отдельных тюркских языков, как и автор рецензируемой работы, рассматривают изменение и развитие консонантной системы языка, исходя именно из этого тезиса. На основе сравнительного анализа согласных М. Томанов устанавливает позиционные изменения в речевом акте, обращая особое внимание на палатализацию начала слова, образование вариантных слов, чередование начальных согласных. В казахском языке благодаря адстратному влиянию произошло фонетическое переформле-

ние множества антропонимов. В этой связи автор монографии особо выделяет факты появления новых фонем. Так, употребление в анлауте звуков *z, n* он объясняет позиционным изменением, тогда как употребление в той же позиции звуков *g, γ, z, f* считает результатом адстратного влияния контактирующих языков.

Более детально им исследуется физиология отдельных звуков, в частности согласных. Автором исследуются и реликтовые явления ранних языковых объединений, позволяющие выяснить отношение казахского языка к языку древних кыпчаков. М. Томановым устанавливаются в казахском языке соответствия *r ~ z ~ j, r ~ z / l, s ~ j, d ~ z ~ j, d ~ ž ~ j, l ~ ž / s*, где *l, r, z, d* — реликты древних языковых состояний, *t* — реликт, указывающий на связь казахского языка с северо-восточными тюркскими языками, в первую очередь — с якутским. Небезынтересны и материалы о наличии в современном казахском языке звукосоответствия *d ~ ž* в анлауте. Примеры типа *dalan ~ žalan* соответствиями *d ~ ž*, по мнению автора, указывают на возможное расщепление аффрикаты в анлауте. Если добавить к ним межтюркское соответствие *j ~ ž ~ ž̃*, сохранившееся в отдельных языках, то можно будет говорить и об архетипе указанных фонем. Так, на основе сравнительно-исторического анализа автор делает вывод, что фонема *j* современного казахского языка имеет четыре различных архетипа, и т. д.

Казахскому языку, как и другим тюркским языкам, свойственны сочетания сонорных и глухих согласных внутри корневых слов. Эта особенность, так же как и ряд других вопросов исторической фонетики (сингармонизм, ударение, вокалическая фонологическая система, сингармонические параллели, вопрос о постуляции звуковых изменений и т. д.), стали объектом исследования, составив основу монографии.

Объясняя явления сингармонизма, М. То-

манов выдвигает тезис об определяющей роли первого слога в системе звуковых изменений. Этот же тезис принимается за основу и при выяснении места ударения на ранних стадиях развития тюркских языков. Имеется немало факторов, позволяющих предположить, что первоначально в тюркских языках ударение падало на первый слог.

Значительная часть книги посвящена вопросам исторической морфологии. Автор ставит своей целью проследить процессы формирования и пути категориального развития основных морфологических единиц казахского языка. Морфемные элементы рассматриваются в их исторической эволюции, что позволяет представить наглядную картину отмирания или активизации отдельных грамматических форм, изменения их фонетического облика, семантики и функциональной роли.

Всесторонне освещено развитие корней в казахском языке. Автор отмечает, что в диахроническом аспекте в понятие о корне входят те исходные основы, которые в процессе развития подвергались структурным изменениям, наращению различных аффиксов. Так, например, если сравнить между собой слова: *айт-* 'говорить', *айқай* 'крик', *айтыс* 'спор', то выявляется изначально общий корень *ай-*, к которому наращаются аффиксы *-т*, *-қай*, *-с*. Развитие корней неразрывно связано с фонетическими инновациями, происходящими в их звуковом оформлении. Качественные изменения структур могут быть явлены как общетюркского, так и частного характера, касающиеся только определенного языка или группы языков.

По мнению автора, большинство корневых слов современного казахского языка, состоящих из одного и двух слогов, представляет собой сочетание омертвевшего корня и малопродуктивного или непродуктивного аффикса. Фонетические ассимиляции, приведшие к утрате рядом корней их самостоятельности, обусловили действительность аффиксального способа словообразования.

Автор особо отмечает своеобразие функции омоаффиксов. Внешне идентичные аффиксы образуют то имя, то глагол; часто такие слова близки и семантически (см.: *үйір* 'собирай гуртом', *үйір* 'гурт', 'стадо'). Омоаффиксы по существу образуют синкретичные основы. Поднятый в тюркологии еще во времена П. М. Меллиоранского вопрос о синкретизме корней и основ, до сих пор привлекает внимание исследователей. О синкретизме корневых слов автор высказывался несколько ранее¹.

Один из разделов монографии посвящен категории глагола в казахском языке. Историко-сравнительному анализу подвергаются дееспричастные и причастные формы, наклонения и времена глагола, а также

имена действий. Отмечая многообразие и многоплановость функциональных форм глагола древнетюркского языка, автор выдвигает тезис о последующей унификации глагольной системы в процессе развития языка. Так, из всех синонимичных форм дееспричастий древнетюркского языка в современном казахском языке сохранились только формы на *-а*, *-е*, да и то как фонетические варианты; другие же формы (на *-у*, *-и*, *-і*) слились с отдельными словами в качестве омертвевших элементов, а их функции восприняты другими соотносительными формами.

Касаясь истории развития наклонений глагола, автор отстаивает тезис о моносемантичности первичной глагольной основы, не выражавшей никаких модальных значений (приказание, просьба и т. п.). Основываясь на множестве фактов, почерпнутых из материалов древних памятников и современных тюркских языков, М. Томазов утверждает, что выражение значения модальности — есть результат слияния определенных аффиксов с корнем. В этой связи интересна рассматриваемая им динамика парадигматического изменения спрягаемой условной формы наклонения и анализ способов выражения желательного наклонения казахского языка.

Из категорий именных частей речи в работе рассматриваются существительные и прилагательные, как наделенные комплексностью категориальных признаков. Получили освещение и категории числа, принадлежности и склонения имен существительных, а также генезис отдельных падежных форм. Особый интерес представляют выводы автора относительно процессов дифференциации и концентрации функций и значений некоторых падежей. Так, по мнению М. Томазова, окончательная дифференциация значений грамматических падежей от пространственных происходила в новейшую эпоху, то есть в период становления литературных языков.

Интересна точка зрения автора на имена прилагательные. Он утверждает, что корневые прилагательные современного языка исторически восходят к производным словам, а отглагольные прилагательные образованы в результате адъективации именных форм глагола. На их глагольную основу указывает присущая им способность упреждать другими именами. Иными словами, отглагольные имена прилагательные — формы имен действия, преобразовавшиеся в дальнейшем своем развитии в имена прилагательные, чему способствовали и их синтаксические функции. По нашему мнению, такое утверждение весьма резонно, хотя оно и нуждается в уточнении.

В работе имеется и ряд спорных положений. Это касается прежде всего этимологии слов как корневых, так и производных, хотя этимологические версии автора в целом обоснованы. Так, например, история образования слов *бұлан*, *байқа* (стр. 84), *ұтыр* (стр. 88) и других требует более тщательного анализа.

¹ М. Т. Томазов. Основные вопросы исторической морфологии казахского языка. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1975.

Порой автор не соглашается с ранее высказанными предположениями других исследователей, однако ничего нового им не противопоставляет. Так, например, он, отрицая точку зрения А. Казембека относительно оформленного и неоформленного винительного падежа, не высказывает и собственного мнения по этому вопросу.

Досадно, что в работе имеются некоторые стилистические погрешности, к тому же она не свободна и от орфографических ошибок. Все это, однако, на наш взгляд, не может умалять достоинств столь ценной для казахского языкознания исследователь-

ской работы, и в целом монография оставляет хорошее впечатление.

В свете последних достижений отечественной и зарубежной тюркологии в области разработки исторической грамматики книга заслуживает положительной оценки. Однако следует отметить, что изучение структуры языка в историческом аспекте на данном этапе развития тюркологии оставляет все же желать лучшего, но это, конечно, уже вопрос, выходящий за рамки рецензии.

А. Курмышжанов, Е. Жубанов,
А. Ибатов

КАМИЛ ВӘЛИЕВ. АЗӘРБАЙҖАН ДИЛИНИН ПОЕТИК СИНТАКСИСИ. («КИТАБИ-ДӘДӘ ГОРГУД»УН МАТЕРИАЛЛАРЫ ҮЗРӘ)

ДӘРС ВӘСАИТИ. АДУ НӘШРИ, БАКЫ, 1981, 76 стр.

Рецензируемая книга К. Велиева «Поэтический синтаксис азербайджанского языка», рекомендованная в качестве учебного пособия для студентов университетов и пединститутов, представляет значительный интерес для исследователей азербайджанского языка и его истории. Работа посвящена одной из малоисследованных областей современной азербайджанской лингвистики, к которым относится поэтический синтаксис.

В коллективной статье «О совершенствовании тематики кандидатских и докторских диссертаций по языкознанию» справедливо утверждается: «Заслуживают положительной оценки диссертации на темы „пограничного“ характера, к их числу относится работа В. П. Григорьева „Поэтика слова“». В ней, по существу, обосновывается новая филологическая дисциплина — лингвистическая поэтика. К сожалению, таких работ очень мало¹. Объясняется данное положение в первую очередь тем, что лингвистическая поэтика — сравнительно новая область языкознания. Безусловно, изучение различных аспектов языка художественных произведений имеет давнюю историю. Подобные исследования проводились в разное время как восточными, так и европейскими учеными. Однако в настоящее время всестороннее системное изучение вопросов поэтики приобрело особенно важное значение в связи с тем, что успехи современного сравнительно-исторического языкознания, структурного и семантического методов исследования, достижения в области типологических изысканий выдвинули новые проблемы в изучении поэтики. Многие из этих проблем еще не стали, к сожалению, объ-

ектом внимания тюркологов. Поэтому исследование К. Велиева представляется нам весьма актуальным и своевременным.

К. Велиев подходит к изучению исторического синтаксиса с позиций достижений современного языкознания. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией исследования, он рассматривает язык в диалектическом единстве формы и содержания. Хорошее знание азербайджанского фольклора, эпических огузских памятников способствует успешному исследованию К. Велиевым поэтического синтаксиса на фольклорном материале. Анализ поэтического синтаксиса проводится автором на материале одного из первых памятников огузского фольклора эпоса «Китаби Деде Коркуд». Обращение к языку именно этого памятника объясняется тем, что в нем впервые полно представлена система тюркского стихосложения и нашли яркое воплощение потенциальные выразительные возможности художественного синтаксиса: ритм и интонация, художественный эпитет, синтаксический параллелизм и т. д. Автор подчеркивает, что «как и все древние памятники, „Китаби Деде Коркуд“ отразил в себе основные особенности поэтической эстетики тюркоязычных народов». Поэтому изучение поэтического синтаксиса этого памятника представляет неомысленный интерес не только для азербайджанских лингвистов, но и для исследователей других тюркских языков.

Книга включает пять разделов, краткое вступление и заключение. В разделах книги автор касается проблем лингвистической поэтики, поэтического синтаксиса, поэтики дастана, ритма и интонации, художественного эпитета, синтаксического параллелизма и т. д.

Говоря о теоретических основах и значении лингвистической поэтики, К. Велиев опирается на исследования известных филологов М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева,

¹ Порастаев А. Ф., Солнцев В. М., Щербак А. М., Круглов Ю. Г. О совершенствовании тематики кандидатских и докторских диссертаций по языкознанию. — «Вопросы языкознания», 1982, № 6, стр. 103.

Ю. М. Лотмана, Э. М. Милетинского, В. Ю. Проппа, С. Ю. Нехлодова и др. Автор солидаризуется также с основными положениями Пражского лингвистического кружка о лингвистической природе поэтического языка. К. Велиев разделяет и мнение о том, что поэтическое творчество стремится опереться на автономную ценность языкового знака, вследствие чего все стороны лингвистической системы, играющие в языке общения только подобную роль, в поэтической речевой деятельности приобретают уже самостоятельную значимость. Не остались вне поля зрения автора и исследования представителей других иностранных лингвистических школ: П. Гиро, М. Риффатери, С. Сапорта, Р. Гарвена, Г. Михелики и др.

К. Велиев отмечает, что исследования в области поэтики в советской тюркологии в целом и в азербайджанском языкознании, в частности, велись главным образом в сравнительно-историческом аспекте, и что отдельные вопросы этой проблемы изучены достаточно основательно. При этом он ссылается на известные исследования В. М. Жирмунского, посвященные тюркским эпосам «Манас», «Алпамыш», «Китаби Деде Коркуд», а также на труды А. Н. Кононова, Х. Короглы, Т. Гаджиева, М. Адилова. Автор стремится продолжить эти традиции.

Основной задачей рецензируемой книги является всестороннее раскрытие поэтики «Китаби Деде Коркуд». В разделе, посвященном ритму и интонации, автор пишет: «В „Деде Коркуд“ средства, порождающие ритм, можно разделить на следующие ярусы: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический. Причем, элементы каждого из этих ярусов находятся в диалектическом единстве с элементами других ярусов. Ведущее место в этом принадлежит повторам. Повторение звуков, слов, грамматических форм и конструкций создает ритм, который приобретает в арсенале средств выражения определенную закономерность».

К сожалению, ограниченный объем книги не позволил автору достаточно полно и всесторонне раскрыть поэтику «Китаби Деде Коркуд». Этой весьма важной задаче, следует полагать, К. Велиев в дальнейшем посвятит специальное исследование.

Рассмотрение поэтики «Деде Коркуд» весьма сложно хотя бы уже потому, что эпос дошел до нас лишь в словесной форме, а такие его органические компоненты, как музыка, танцы, которыми сопровождалось повествование, полностью утрачены. Современные атрибуты стиха — метр, цезура и рифма — нашли в эпосе своеобразное выражение. Основную нагрузку несут в нем различные виды синтаксических параллелизмов, ритм и интонация, аллитерация, поэтому длина строк и количество слов — разные.

Чтобы полнее аргументировать свои выводы о структуре древнего стиха автору следовало проанализировать его и в историко-сопоставительном плане, обратившись с этой целью к «Манасу», «Алпамышу» и другим эпосам тюркоязычных народов. Немаловажное значение с точки зрения поэтической типологии имело бы и сравнение «Китаби Деде Коркуд» с нетюркоязычными памятниками, такими, например, как «Гильгамеш», «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Давид Сасунский» и т. д.

Центральное место в книге отведено К. Велиевым синтаксическому параллелизму. Определяя все его типы, встречающиеся в языке «Китаби Деде Коркуд», автор классифицирует их следующим образом: 1) языковой и речевой (нормативно-стилистический) параллелизм, 2) параллелизм в составе предложения и в составе текста, 3) полный — неполный параллелизм, 4) параллелизм с общим членом и без последнего, 5) прямой и обратный (хиазм) параллелизм. Ясно, что не все эти типы параллелизма равнозначны и выполняют одинаковую функцию. Поэтому было бы желательно, чтобы автор выделил наиболее продуктивные типы синтаксического параллелизма и основательно проанализировал их. Хотелось бы также, чтобы К. Велиев рассмотрел и вопросы поэтической симметрии, имеющей, как известно, большое значение для изучаемой проблемы.

Интересно и своеобразно написан раздел, посвященный исследованию художественных функций определений и эпитетов. Автор делает довольно удачную попытку заполнить имеющийся в литературе пробел в лингвистическом выявлении и обосновании сущности этих средств художественного языка. Еще А. Н. Веселовский, касаясь этой проблемы, писал: «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением».

К. Велиев останавливается на вопросе выражения эпитетов различными частями речи и стремится определить их художественно-эстетическую сущность. Интересна его мысль о семантическом разнообразии оттенков и синтаксической валентности эпитетов. Было бы, с нашей точки зрения, весьма полезным, если бы автор продолжил свою работу в данном направлении и подготовил словарь эпитетов «Китаби Деде Коркуд». Полагаем, что такой словарь был бы с интересом встречен историками языка, стилистами, поэтами и писателями.

В заключение хочется подчеркнуть, что рецензируемая книга К. Велиева является весьма серьезным монографическим исследованием. Читатель вправе надеяться, что автор продолжит свои столь успешно начатые исследования в области поэтического синтаксиса, как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

А. А. Ахундов, А. А. Зейналов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IX РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

8—10 сентября 1982 года в Уфе состоялась IX региональная конференция по диалектологии тюркских языков, организованная Советским комитетом тюркологов, Отделением литературы и языка Академии наук СССР, Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, Башкирским государственным университетом имени 40-летия Октября.

В конференции приняли участие тюркологи-диалектологи Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бухары, Горно-Алтайска, Грозного, Днепропетровска, Елабуги, Казани, Коканда, Кызыла, Кзыл-Орды, Кировабада, Ленинграда, Махачкалы, Москвы, Нальчика, Нахичевани, Новосибирска, Нукуса, Самарканда, Ташкента, Уфы, Фрунзе, Чебоксар и других городов.

Работа конференции проходила на пленарных и секционных заседаниях.

Открывая первое пленарное заседание, председатель оргкомитета конференции *М. Ф. Гайнуллин* (Уфа), подчеркивая значение изучения диалектов тюркоязычных народов для развития сравнительно-исторических исследований, отметил, что за истекшие после предыдущей региональной конференции три года в изучении тюркской диалектологии были достигнуты определенные успехи. В тюркоязычных республиках и областях проводится интенсивная работа по фронтальному описанию диалектов и говоров, лингвогеографическому изучению и сравнительному исследованию диалектов, а также по диалектной лексикографии тюркских языков.

На пленарном заседании был заслушан совместный доклад академика АН Азерб. ССР *М. Ш. Ширалиева* (Баку) и заместителя председателя Советского комитета тюркологов *Э. Р. Тенишева* (Москва) «Итоги и задачи диалектологии тюркских языков», а также доклады: *Е. И. Убратовой* (Новосибирск) «Состояние и перспективы исследований тюркских диалектов Сибири», *Б. О. Орузбаевой* (Фрунзе) «О задачах изучения киргизских диалектов», *Н. Х. Максютовой* (Уфа) «О результатах и пробле-

мах исследований башкирской диалектологии», *К. М. Мусаева* (Москва) «Об отношении диалектной лексики к тюркским языкам», *А. Т. Кайдарова* (Алма-Ата) «Диалектные профессионализмы в языке уйгуров Казахстана», *Г. Садваксова* (Алма-Ата) «О новом издании „Дизану лугат-итюрк“ Махмуда Кашгари», *З. И. Будаговой* (Баку) «Диалектная лексика в языке азербайджанской художественной литературы», *Ф. Р. Зейналова* (Баку) «Огузо-сельджукские памятники и диалекты азербайджанского языка», *М. З. Закиева* (Казань) «Сравнительно-историческое изучение языков и диалектов и проблема взаимосвязи истории языка и истории этноса», *И. А. Андреева* (Чебоксары) «Средства реализации смыслового членения предложения в чувашских диалектах», *Д. Г. Тумашевой* (Казань) «Старопатарская деловая письменность и историческая диалектология», *А. М. Аппазева* (Нальчик) «Диалектная основа карачаево-балкарского языка».

На секции Историческая диалектология (руководители: *Н. Х. Ишбулатов*, *Р. Дж. Магеррамова*, *В. Л. Гукасян*) были заслушаны и обсуждены нижеследующие доклады и сообщения.

Э. И. Азизова (Баку) в своем докладе «К истории „цоканья“ в азербайджанских говорах» высказала мнение, что «цоканье» в современных тюркских языках возникло под хазарским влиянием.

Т. М. Ахмедов (Баку), говоривший о лексическом составе дербентского диалекта азербайджанского языка в сравнительно-историческом аспекте, выделил в нем ряд единиц, имеющих важное значение для изучения истории формирования лексики азербайджанского языка и исследуемого диалекта.

С. Я. Байчоров (Черкесск) квалифицировал эпиграфические памятники в поймах рек Баксана и Чегема как протобулгарские, и высказал предположение, что протобулгары обитали на всем пространстве Терско-Кубанского междуречья.

Г. К. Кулиев (Баку) в докладе «Древ-

ние лексические параллели в диалектах азербайджанского и башкирского языков» говорил об общих особенностях говоров восточного диалекта башкирского и западной группы говоров азербайджанского языка.

В. Ш. Псянчин (Уфа) говорил о важном научном значении материалов тюркских диалектов для тюркологии в целом.

Б. П. Садыхов (Баку), остановившись на аффиксах 2-го лица единственного числа прошедшего категорического времени, отметил, что они могут прояснить некоторые моменты истории азербайджанского языка.

В. И. Сергеев (Чебоксары), рассмотрев диалектное чередование *к/п* с точки зрения этимологии чувашских слов, поставил под сомнение выдвинутый Н. И. Ашмаринным тезис об исключительности подобного чередования.

А. Юлдашев (Ташкент) отметил в своем выступлении, что изучение реликтовых явлений в узбекских народных говорах и их сравнение с данными других тюркских языков дает богатый материал для сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Ф. Р. Латыпова (Уфа) выдвинула гипотезу о прототюркском характере этрусского языка Средиземноморья.

М. Нигматуллин (Казань) на основании наличия огузских элементов в диалектах татарского языка пришел к заключению, что часть их проникла в последние в результате влияния смешанного огузско-кыпчакского литературного языка средиземноморья, а другая связана с османско-турецким воздействием (конец XIX — начало XX века).

Новые интересные языковые факты приводились в докладах **Р. Х. Халиковой** (Уфа) «Отражение диалектных особенностей в языке шежере» и **Ф. Хисамтиновой** (Уфа) «К происхождению фарингализованного заднеязычного *а* в говорах башкирского языка», **Р. Г. Ахметьянова** (Казань) «Сравнительное исследование диалектных систем татарского и чувашского языков в историческом освещении», **Ф. Хакимзянова** (Казань) «Следы диалектов в языке эпиграфий волжских булгар», **Л. Жабеловой** (Нальчик) «О словообразовании некоторых древних глагольных форм в диалектах карачаево-балкарского языка», **И. Пулатова** (Коканд) «Семантико-синтаксические особенности тагабского говора узбекского языка».

На секции Лингвистическая география и вопросы языковых контактов (руководители: **М. Ш. Ширалиев**, **Е. И. Убрятова**, **Н. Х. Максимова**, **Д. Г. Тумашева**), обсуждались проблемы, связанные с изучением диалектов и говоров каракалпакского языка методом лингвистической географии.

Д. С. Насыров (Нукус) говорил о соответствии *а/е* в тюркских языках Сибири. По материалам **ДАТЯ СССР** выступила **Н. Н. Широбокова** (Новосибирск), **Л. П. Сергеев** (Чебоксары) на примере диа-

лектологического атласа чувашского языка показал, что лингвистические атласы могут служить научной базой для решения вопросов нормализации общенационального литературного языка.

Совместный доклад **Э. Р. Тенишева** и **Г. Ф. Благовой** (Москва) «Региональное координирование диалектологических исследований — насущная задача тюркского языкознания в СССР» был посвящен вопросам координации диалектологической работы всех тюркоязычных регионов, выработки единых планов и программ диалектологических исследований в каждой из зон. Региональное координирование усилий тюркологов-диалектологов, по мнению докладчиков, подготовит надежную основу как для создания будущих региональных диалектологических атласов, так и для широкого сравнительного изучения тюркских языков.

К. М. Мухамеджанов (Алма-Ата) высказал мнение, что казахский язык оказал большее влияние на туркестанскую группу говоров, нежели на чимкентскую, что объясняется древнейшими контактами казахов и узбеков, проживающих на этой территории, а также посредничеством кыпчаков-узбеков.

У. Ф. Надергулов (Уфа) остановился на вопросах, связанных с формированием говора в условиях языковых контактов иргизо-меликских башкир с казахами.

А. Шерматов (Ташкент) говорил о проблеме диалектного членения узбекского языка, особо подчеркнув значение картографирования при установлении критериев такого членения.

Л. Ш. Арсланов (Казань) доложил результаты своих исследований влияния казахского языка на говор татар-каракалпак-Палласовского района Волгоградской области.

О языковых контактах тюркских и финно-угорских диалектных систем Урала и Поволжья доложил **Р. Ш. Насибуллин** (Ижевск). О булгарском субстрате в языке бесермян говорил **В. К. Кельмаков** (Ижевск). **Н. И. Егоров** (Чебоксары) рассказал о взаимовлиянии терминов родства в диалектных системах тюркских языков Поволжья и Урала.

В совместном докладе **Т. А. Кильдибековой** и **В. П. Гушиной** (Уфа) были рассмотрены территориально ограниченные тюркизмы в русской лексике периода становления русского национального языка. **А. М. Поповский** (Днепропетровск) остановился на тюркских заимствованиях в украинском языке (южный регион). **Л. Л. Аюпова** (Уфа) говорила об особенностях тюрко-русского междиалектного контактирования (на материале Башкирской АССР). **А. Г. Шайхулов** (Уфа) на материале диалектной и исторической лексики тюркских и финно-угорских языков Волго-Камско-Уральского региона осветил некоторые аспекты общего словарного фонда в родственных языках таксономического типа.

Г. Бакинова (Фрунзе) ознакомила собравшихся с некоторыми проблемами изо-

гlossирования в «Диалектологическом атласе киргизского языка».

Ряд докладов был заслушан на секции Вопросы современной диалектологии (руководители: К. М. Мусаев, Г. Ф. Благова).

З. Г. Ураксин (Уфа) и *А. Л. Фатыхова* (Стерлитамак) в совместном докладе «Некоторые вопросы сравнительного изучения диалектной лексики и фразеологии» говорили о такой мало изученной в сравнительном плане лексико-тематической группе терминов, как семантика названий насекомых. *А. Г. Агаев* (Баку) посвятил свое выступление инфинитиву в диалектах и говорах азербайджанского языка. *С. М. Бехбудов* (Баку) остановился на аналитической форме выражения категории принадлежности в диалектах азербайджанского языка. *Р. М. Бирюкович* (Саратов), говоря об идентификации диалектных форм настоящего времени на -от и -ьл в чулымско-тюркском языке, отметила, что эти формы дифференцируются от других форм настоящего времени по признаку протекания действия.

М. И. Дильмухаметов (Уфа) отметил, что по особенностям наклонений глагола имеется определенное сходство между языком населения северной зоны Башкирии, южным диалектом и группой северо-западных говоров, а также между языком населения южной зоны и говорами восточного диалекта башкирского языка.

М. Джафарзаде (Кировабад) отметил, что сложносочиненные предложения в диалектах азербайджанского языка характерны в основном для монологической речи, между тем как в диалогической речи происходит экономия языковых средств сложных структур, вплоть до полного сокращения одного из их компонентов.

М. Ф. Зайнуллин (Уфа) проанализировал модальные формы и конструкции говоров и диалектов башкирского языка, выражающие категории должествования, возможности и невозможности. *А. Ишаев* (Ташкент) рассмотрел формы падежей в узбекских говорах, их вариативность и функциональный параллелизм. *Н. А. Кучиглиева* (Горно-Алтайск) рассказала о терминах родства в южной группе диалектов алтайского языка. *Н. Х. Мамедов* (Баку) говорил о деерпричастиях в диалектах и говорах азербайджанского языка, на которых можно проследить возникновение и развитие деерпричастных форм в тюркских языках. *С. Ф. Миржанова* (Уфа) свое выступление посвятила северо-западным говорам башкирского языка, о статусе которых до сих пор нет единого мнения. *Ш. Насыров* (Ташкент) проанализировал формы настоящего времени в узбекских говорах. *И. М. Отаров* (Нальчик) остановился на лексических различиях между диалектами карачаево-балкарского языка (на материале лексической тематической группы названий одежды и обуви). *Н. Х. Ольмегов* (Махачкала) рассказал о редукции и выпадении звуков в брагунском говоре кумыкского языка.

Ф. С. Сафиуллина (Казань) говорила о

тех возможностях, которые раскрывает диалектная речь для изучения синтаксических особенностей, связанных с влиянием одного языка на другой, в частности — русской разговорной речи на татарскую. Диалектная речь охотно «осваивает» русские модальные слова, отдельные частицы, союзы — даже при наличии своих. *Д. Саидов* (Нукус) посвятил свое выступление вопросам монографического исследования диалектов и говоров каракалпакского языка. *Э. Ширалиев* (Ленинабад) остановился на диалектных словах узбекских говоров в Ленинабадской области. *М. Ф. Чернов* (Чебоксары) сделал попытку определить состав собственно-диалектной фразеологии чувашского языка. *Ф. Ю. Юсупова* (Казань) рассмотрела семантические особенности причастий настоящего времени в диалектах татарского языка.

Были заслушаны также доклады и выступления *Г. Г. Гареевой* (Уфа) «Названия женских украшений в башкирских говорах», *С. Г. Гильмановой* (Уфа) «Наименования мясных продуктов в говорах башкирского языка», *У. М. Яруллиной* (Уфа) «Лексика, связанная с ткачеством (на материале демского говора)», *Ф. Х. Камаева* (Уфа) «К вопросу о музыкальной диалектологии в башкирском письменном фольклоре», *Р. Ф. Зарипова* (Уфа) «О некоторых фонетических особенностях говора тептярей Салаватского района БАССР», *М. А. Ахметова* (Уфа) «Структура односложных слов в говорах башкирского языка», *Р. Нуретдинова* (Уфа) «К вопросу о взаимодействии между говорами татарского и башкирского языков», *Т. А. Алмаматова* (Сыр-Дарья) «О вспомогательном глаголе бил- 'знать', 'суметь' в узбекских народных говорах в сопоставлении с другими тюркскими языками». *Т. Айдаров* (Ташкент) доложил о своем исследовании парных слов в казахских говорах Узбекистана, образующихся почти от всех частей речи и приобретающих устойчивость на основе определенных синтаксических закономерностей. При этом лексическое значение смыкается с грамматическим, в результате чего семантика усложняется, принимая идиоматический характер.

Новый языковой материал был представлен в докладах и сообщениях: *Ф. А. Ганиева* (Казань) «Диалектное словообразование в татарском и башкирском языках», *А. К. Гусейнова* (Грозный) «Кумыкские говоры в иноязычном окружении (на материале терского диалекта кумыкского языка)», *А. Т. Тыбыковой* (Горно-Алтайск) «Некоторые особенности словосочетаний в диалекте алтай-кижи», *Р. Кунгурова* (Самарканд) «Аффиксы локальных падежей в узбекских говорах».

На секции Диалекты и литературный язык (руководители: Э. Р. Тенишев, М. З. Закриев, З. И. Будагова, А. Т. Кайдаров) были заслушаны нижеследующие доклады и сообщения.

Р. Дж. Маггеррамова (Баку), выступившая с докладом «Диалектная лексика азербайджанского литературного языка XIX века»,

высказала мнение, что разработка исторической диалектологии невозможна без тщательного изучения литературных источников, содержащих богатый материал общенародного языка ранних периодов. *М. В. Мамедов* (Баку) в докладе «Литературный язык и диалекты» отметил, что диалекты и говоры являются неиссякаемым истоничком развития литературного языка, что необходимо учитывать при изучении истории литературного языка. *У. Бекбаулов* (Нукус) говорил о лексическом пласте карахалпакского героического эпоса. *И. Аглева* (Баку) осветила роль диалектизмов в индивидуализации речи персонажей в художественной литературе. *Ж. М. Гузев* (Нальчик) отметил, что к числу критериев отбора диалектной лексики для толковых словарей тюркских языков следует отнести: частоту использования диалектного слова в литературе (преимущественно художественной) и широту распространения его в диалектах (или говорах). *С. М. Ибрагимов* (Казань), говоря о диалектных средствах лексической связи, отметил, что увеличение числа постелогов и послеложных слов ведет к обогащению литературного языка синтаксическими синонимами. *Э. Ф. Ишбердин* (Уфа), остановившись на диалектной лексике башкирского языка и ее взаимоотношениях с литературным языком, охарактеризовал вариантыные, семантические и лексические диалектизмы. *И. Г. Галаугдинов* (Уфа) осветил основные процессы сближения башкирского литературного языка с народно-разговорным в XIX—начале XX века.

В совместном докладе *Р. Х. Аннаевой* (Ашхабад) и *К. М. Мусавы* (Москва) «Сравнительное изучение диалектных фразеологизмов тюркских языков» предлагалось вычленять: общетюркские и межтюркские фразеологизмы с модификациями (часто с заменой отдельных компонентов); региональные фразеологизмы (обычно в зоне вибрации); индивидуальные фразеологизмы, относящиеся лишь к данному диалекту. По мнению докладчиков, классификация тюркских фразеологизмов по их происхождению отразит исторические связи отдельных языков и диалектов и выявит их типологические сходства.

Б. Хасанов (Алма-Ата), остановившись на такой проблеме, как диалект и двуязычие, отметил, что владение двумя языками (диалектами) непосредственно связано не только с многоязыковым географическим соседством их носителей, но и с различными экстралингвистическими факторами.

Э. Киличев (Бухара), охарактеризовав диалектизмы в прозе Садритдина Алии, отметил, что в своих произведениях писатель широко использовал не только лексические, но также фонетические и грамматические диалектизмы, как одно из стилистических средств.

М. И. Скворцов (Чебоксары) выступил с сообщением «Функционально-стилевая оценка лексических единиц и актуальные проблемы использования ориентирующей системы отраслевых ограничительных полей

(на опыте составления „Чувашско-русского словаря“, М., 1982)».

А. К. Маматов (Ташкент) доложил о том, что историко-этимологический анализ гидронимов Ферганской долины позволяет выявить несколько хронологических пластов их образования.

М. Усманова (Уфа), *Ф. Р. Халыгов* (Баку), *Б. К. Ондар* (Кызыл) говорили о том, что изучение диалектных особенностей соответственно башкирских, азербайджанских и тувинских топонимов показывает отражение в них диалектных различий.

Р. З. Шакуров (Уфа) отметил недостаточное привлечение башкирской диалектной лексики при изучении топонимии Урала и Предуралья.

Богатый интересный материал по тюркской антропонимии был проанализирован в выступлениях *М. Н. Чобанова* (Баку), *Л. Тазиевой* (Казань), *Т. Х. Кусимовой* (Уфа).

А. А. Галлямов (Уфа) посвятил свое выступление методике преподавания родного языка носителям отдельных диалектов.

На заседании подсекции Ономастика и диалектология Вузовский учебник по диалектологии (руководители: *С. М. Молла-заде*, *А. Г. Велиев*, *Д. Насыров*, *У. Доспанов*, *Г. Ф. Саттаров*) с докладом «Роль диалектов и говоров в исследовании топонимии (на материале северной зоны Азербайджана)» выступила *С. М. Молла-заде* (Баку). Она отметила, что при проведении лексико-грамматического анализа топонимов и установлении их семантики одним из ценных источников являются данные диалектов и говоров.

Выступление *Г. Ф. Саттарова* (Казань) было посвящено диалектам татарского и других тюркских языков как источника для изучения булгарского пласта топонимии Волго-Камья.

В совместном докладе *А. Г. Велиева* и *К. А. Велиевой* (Баку) о значении географического фактора в сохранении диалектных особенностей (на материалах азербайджанских и гагаузских говоров) были рассмотрены новые языковые данные.

На заключительном пленарном заседании выступили: *Л. А. Покровская* (Ленинград) с докладом «Эволюция формы настоящего времени глагола в гагаузских диалектах», *И. Г. Добродомов* (Москва) — «Проблема диалектного членения булгарского языка», *В. Л. Лукасян* (Баку) — «Значение диалектов в изучении истории языка», *М. И. Исламов* (Баку) — «Об одной древней форме возвратного местоимения», *Н. Х. Ишбулатов* (Уфа) — «Сравнительное исследование морфологической системы диалектов башкирского языка» и др.

В заключение была принята Резолюция IX региональной конференции по диалектологии тюркских языков.

В принятой Резолюции, в частности, говорится о том, что за три года, прошедшие после VIII региональной конференции, в

области тюркской диалектологии достигнуты определенные успехи. Развернулась работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР». За истекшие три года завершено составление пробного тома атласа. Составлены и составляются диалектологические атласы отдельных тюркских языков. Вышли в свет крупные монографические исследования диалектов и диалектологические сборники по азербайджанскому, башкирскому, казахскому, кумыкскому, татарскому, узбекскому и другим тюркским языкам. В тюркологических республиках и областях продолжается интенсивная работа по фронтальному описанию диалектов и говоров, лингвогеографическому изучению тюркских диалектов, а также по диалектологической лексикографии тюркских языков.

Доклады и выступления на конференции показали, что в изучении проблем тюркской диалектологии участвует широкий круг исследователей различных специальностей. Получили освещение вопросы составления вузовских учебников по диалектологии тюркских языков, методика преподавания родного языка в диалектных условиях.

Вместе с тем конференция отмечает определенные недостатки в исследовании диалектов и говоров тюркских языков: мало еще работ по исторической диалектологии, все еще имеются не описанные в диалектологическом отношении территории с тюркским населением в тюркоязычных и нетюркоязычных республиках; в работах, освещающих диалектную систему одного и того же языка, наблюдается разноречивость в классификации диалектов, говоров и подгруппов отдельных тюркских языков; составленные почти двадцать лет назад вопрошники и программы диалектологических обследований значительно отстают от современных требований, редко проводится системное описание тюркских диалектов и говоров, по-прежнему преобладает описание диалектных различий.

Конференция приняла нижеследующие рекомендации.

Расширить публикацию диалектных текстов и словарей, материалов по диалектной речи.

Поднять уровень обработки собранных диалектных материалов и их изучения, переработать с точки зрения современной лингвистической теории вопрошники и программы по сбору диалектных материалов, снабжать диалектологические публикации переводами иллюстративных примеров на русский язык.

В тюркоязычных республиках и областях выработать унифицированные (для каждого

данного языка) диалектные классификации. Координирование работы в данной области просить Советский комитет тюркологов взять на себя.

Решить организационные вопросы, связанные с изданием «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР), в том числе:

обеспечить своевременную подготовку карт ДАТЯ СССР к изданию;

просить руководителя работ по ДАТЯ СССР академика АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева создать редакционную группу для сверки материалов и редактирования текстовой части ДАТЯ СССР;

просить Консультативный центр при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (руководитель—М. А. Бородин) осуществить апробацию подготовленных к печати диалектологических атласов азербайджанского, киргизского, татарского, каракалпакского, чувашского языков, а также областных атласов диалектов Узбекистана;

считать целесообразным и актуальным составление региональных диалектологических атласов, помимо сибирской зоны, где эта работа уже ведется, еще в кавказской, поволжской и среднеазиатской зонах. Руководству и рабочим коллективам указанных зон ДАТЯ СССР провести соответствующую подготовительную работу;

просить оргкомитет X региональной конференции включить в повестку дня вопросы регионального координирования диалектологических исследований;

просить Глазную редакцию восточной литературы издательства «Наука» ускорить публикацию представленного ей нового русского перевода «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари;

просить руководство Башкирского государственного университета и Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР издать материалы данной конференции;

X региональную конференцию по диалектологии тюркских языков провести в 1986 году в г. Фрунзе по следующим отраслям тюркской диалектологии: историческая диалектология; монографическое изучение тюркских диалектов; лингвогеографическое исследование тюркских диалектов; диалектные лексикография и ономастика, диалектный синтаксис.

М. В. Зайнуллин, А. Г. Шайхулов

ХРОНИКА

«ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЗАХСКОЙ ПРОЗЕ»

19 ноября 1982 года на заседании Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Отражение революционной деятельности в казахской прозе», представленной на соискание

ученой степени доктора филологических наук доцентом Ташкентского государственного педагогического института им. Низами Бекбергеновым Махашем Бекбергеновичем.

В диссертации исследуются проблемы отражения революционной действительности в казахской прозе и в произведениях прозаиков Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии и Каракалпаккии в сравнительно-типологическом аспекте. Работа подобного характера выполняется впервые. Диссертант убедительно показы-

вает, что именно марксистско-ленинское учение определило единство социально-политического и эстетического идеала художников разных народов. М. Б. Бекбергеновым прослеживаются художественные средства, при помощи которых авторы воплощают в своих произведениях важнейшие принципы социалистического реализма — партийность, народность, историзм, правдиво и глубоко раскрывают сущность революционных событий, социально-историческую закономерность победы трудового народа и построения им нового общества.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук И. Х. Габдиров, чл.-корр. АН Узбекской ССР И. А. Султанов, д-р филол. наук Ф. М. Уразаев, а также выступавшие на защите д-р филол. наук А. Т. Тажибаев, К. Сейданов и другие дали высокую оценку исследованию М. Б. Бекбергенова.

Члены ученого совета приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении М. Б. Бекбергенову ученой степени доктора филологических наук.

Б. Исаков

«ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВ КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ»

4 февраля 1983 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Проблемы жанров ка-

захской советской драматургии», представленной доцентом Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова, кандидатом филологических наук Нургалиевым Рымгали.

Диссертантом впервые в казахском литературоведении определен типологический жанровый состав казахской советской драматургии (трагедия, комедия, драма), проведена ее научная классификация (эпическая трагедия, историческая трагедия, семейно-бытовая трагедия, сатирическая ко-

медия, лирическая комедия, героическая драма, социально-политическая драма, историко-биографическая драма), выявлены ведущие тенденции развития современной казахской драматургии (преобладание новых жанровых форм: пьес-монологов, драм-рассказов, драм-дискуссий, инсценировок литературных произведений).

Жанры казахской советской драматургии рассматриваются автором в исторически конкретных проявлениях, в обусловленности общественной жизнью и литературным процессом, в развитии активной взаимосвязи с другими литературными жанрами. В качестве основополагающего начала в типологической характеристике и классификации драматургических жанров выдвигается категория жанрового содержания, трактуемого в его исторической конкретности. Диссертантом последовательно применен

сравнительно-сопоставительный метод исследования на основе типологии и конкретных связей казахской драматургии с русской и европейской.

Официальные оппоненты: д-р филол. наук М. Т. Дуйсенов, д-ра филол. наук, профессора М. Ф. Гайнуллин и Н. Г. Габдуллин, а также выступившие на защите член-корреспондент АН Казахской ССР З. А. Ахметов, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР С. С. Кирабаев, д-ра филол. наук, профессора А. Т. Тажибаев, М. К. Барманкулов, кандидат искусствоведения Б. К. Кундакбаев дали высокую оценку исследованию Р. Нургалиева.

Специализированный совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Р. Нургалиеву ученой степени доктора филологических наук.

Б. Уахатов

НЕКРОЛОГ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОКОЛОВ

23 января с. г., в расцвете творческих сил скоропостижно скончался видный советский тюрколог, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, член Советского комитета тюркологов, доктор филологических наук, профессор С. А. Соколов.

С. А. Соколов родился в Москве 10 ноября 1922 года в семье тюрколога-османиста и тувиноведа А. А. Соколова, длительное время работавшего доцентом в Московском институте востоковедения.

С. А. Соколов получил специальное тюркологическое образование под руководством таких известных ученых и педагогов как Д. А. Магазаник, Э. З. Севортян, М. С. Михайлов, К. М. Любимов, А. А. Федосов, В. П. Арабаджи. Его научным руко-

водителем при написании кандидатской диссертации «О некоторых отглагольных именах в турецком языке. (Отглагольные имена на -dik, -acak, -mak, -maklik, -ma, -ış)» (М., 1952) был член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Н. К. Дмитриев.

В 1947 году С. А. Соколов начал преподавать турецкий язык в различных восточных вузах Москвы. С 1960 года основным местом его работы стал Институт восточных языков (позже — Институт стран Азии и Африки) при МГУ, где в 1967 году он возглавил кафедру тюркской филологии, которой бесценно руководил до самой кончины. Общий стаж научно-педагогической деятельности С. А. Соколова превышает тридцать пять лет. За это время он подготовил ряд ценных учебных пособий для студентов, изучающих турецкий язык, в том числе: «Учебное пособие по турецкому языку для 2-го курса» (М., 1951), «Учебное пособие по переводу для 3—4 курсов» (М., 1971), «Учебное пособие по переводу турецких публицистических текстов» (М., 1978). С. А. Соколов написал также значительное число работ по вопросам грамматики и лексикологии турецкого языка, а также языковой ситуации в современной Турции. Особо следует выделить такие работы С. А. Соколова, как «Категория числа и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями», «Конъюнкционализация в турецком языке», «Синтаксическая парентеза в сложном предложении», «О соотношении „асиндетона“ и „бесосоюзия“». Вершиной научного творчества ученого является, несомненно, его докторская диссертация «Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке» (М., 1974).

С. А. Соколов, не будучи полемистом «по натуре», и обычно снисходительно относясь к заблуждениям и «прегрешениям» других авторов, вместе с тем умел в необходимых случаях аргументированно и последова-

тельно отстаивать свои научные позиции, как, например, он это сделал в работе «Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке» (1966), вошедший составной частью в его докторскую диссертацию. Попутно отметим, что здесь им впервые в отечественную османистику было введено заимствованное у Ж. Дени, однако, переосмысленное автором понятие-термин «придаточное квази-предложение», которое в настоящее время стало общепринятым.

Для научно-исследовательского стиля С. А. Соколова характерны прежде всего опора на факты самого турецкого языка, проникновение во все тонкости его грамматического строя, тщательная выверенность иллюстративного материала. Все это вместе взятое придавало работам покойного ученого необходимую основательность, а выводам и суждениям — научную достоверность. Исследуя турецкий язык, С. А. Соколов выявлял существующие закономерности функционирования его морфологической, синтаксической и лексической систем, что гарантирует его трудам долгую жизнь.

В качестве профессора и заведующего кафедрой тюркской филологии С. А. Соколов активно участвовал в подготовке кадров тюркологов высшей квалификации. Из года в год он читал лекции для студентов по курсам теоретической грамматики и лексикологии современного турецкого языка, вел спецсеминары «Синтаксис предложения турецкого языка», «История языковой реформы в Турции», «Язык современной турецкой публицистики» и др. Стремясь увлечь студентов и аспирантов личным примером, С. А. Соколов дал превосходные переводы на русский язык произведений турецких писателей Сабахаттина Али и Саида Фанка. Он руководил работой аспиран-

тов, часто выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, был членом специализированных советов по языкознанию при Институте стран Азии и Африки при МГУ и Институте языкознания Академии наук СССР.

С. А. Соколов вел большую научно-организационную и общественную работу: был председателем научно-методического совета филологического отделения Института стран Азии и Африки, членом редколлегии «Вестника Московского университета» (серия — Востоковедение), в течение многих лет возглавлял профком Института стран Азии и Африки.

За заслуги в области подготовки высококвалифицированных специалистов и развития науки С. А. Соколов был награжден орденом «Знак Почета» и рядом медалей.

Человек высоких нравственных идеалов, исключительно скромный, сдержанный и даже стеснительный, С. А. Соколов медленно сходил с людьми, но когда это случалось, то вскоре обнаруживались замечательные особенности его человеческой индивидуальности: доброта и мягкость, чуткость и внимательность, предупредительность и обязательность, природная интеллигентность, честность и порядочность, партийная принципиальность и твердость убеждений, влюбленность в работу при полной самоотдаче. Он пользовался большим авторитетом у коллег и любовью студентов, аспирантов, товарищей по работе. И вот он ушел от нас. Все, кто имел счастье на протяжении многих лет близко знать Сергея Александровича, ощутили плетущую горечь невозможной утраты.

Ф. Д. Ашинин, П. И. Кузнецов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

1. Н. Кононов (Ленинград). Еще раз о генезисе тюркского аориста 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Ш. К. Марданов (Джизак). О типах русских калек в узбекском литературном языке 15

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- И. В. Стеблева (Москва). Поэтическое творчество Бабура 24

ОНОМАСТИКА

- В. Махпиров (Алма-Ата). Тюркские топонимы в «Дивану лугат-ит-тюрк» 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Э. Г. Азербайев (Москва). О фонемном составе древнетюркского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников 40

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- П. И. Кузнецов (Москва). Семантика и реконструкция тюркского деепричастия на $-(^{\circ})b$, $-(^{\circ})p$, $-(j)^{\circ}p$ 53
 К. М. Абдуллаев (Баку). Актуальное членение предложения в азербайджанском языке 61
 И. Х. Ахматов (Нальчик). Одноместные формально-семантические модели глагольного предложения в карачаево-балкарском языке 76
 Г. Н. Зикриллаев (Бухара). Система форм повелительного-желательного наклонения в узбекском языке 87

РЕЦЕНЗИИ

- У. Доспанов (Нукус). Қ. Мәмбетназаров. Қарақалпақ ертеклери ҳаққында 94
 А. Курышжанов, Е. Жубанов, А. Ибратов (Алма-Ата). М. Т. Томанов. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Фонетика, морфология 95
 А. А. Ахундов, А. А. Зейналов (Баку). Камил Вәлијев. Азәрбајҹан дилинин поэтик синтаксиси 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. В. Зайнуллин, А. Г. Шайхулов (Уфа). IX Региональная конференция по диалектологии тюркских языков 99

ХРОНИКА

«Отражение революционной действительности в казахской прозе»	104
«Проблемы жанров казахской советской драматургии»	104

НЕКРОЛОГ

Сергей Александрович Соколов	106
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

A. N. Kononov (Leningrad). Once more about genesis of Turkic aorist	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

Sh. K. Mardanov (Dzhizak). Types of Russian calques in Uzbek literary language	15
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

I. V. Stebleva (Moscow). Poetical work by Bahur	24
---	----

ONOMASTICS

V. Makhpirov (Alma-Ata). Turkic toponyms in «Divanu lugat-it-türk»	34
--	----

DISCUSSIONS

E. G. Azerbayev (Moscow). Fonem system of early Japan, Chuvash languages and language of Turkic runic inscriptions	40
--	----

REPORTS, SURVEYS

P. I. Kuznetsov (Moscow). Semantics and reconstruction of Turkic adverbial participle on -(°)b, -(°)p, -(j)°p...	53
K. M. Abdullayev (Baku). Actual articulation of sentence in Azerbaijan	61
I. Kh. Akhmatov (Nalchik). Monoleccal formal-semantic models of verbal sentences in Karachai-Balkar language	76
G. N. Zikrillayev (Bukhara). Sistem of forms of imperative-optative mood in Uzbek	87

REVIEWS

U. Dospanov (Nukus). Қ. Мәмбетназаров. Қарақалпақ ертеклери ҳаққында	94
A. Kuryshzhanov, E. Zhubanov, A. Ibatov (Alma-Ata). М. Т. Томенов. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Фонетика, морфология	95
A. A. Akhundov, A. A. Zeinalov (Baku). Қамил Вәлијев. Азәрбајҹан дилинин поетик синтаксиси	97

SCIENTIFIC LIFE

M. V. Zainullin, A. G. Shaikhulov (Ufa). IX Regional conference on dialectology of Turkic languages	99
---	----

CHRONICLE

«Reflection of revolutionary reality in Kazakh prose»	104
«Problems of genres in Kazakh Soviet drama»	104

OBITUARY

Sergei Alexandrovich Sokolov 	106
---	-----

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

ГЛАСНЫЕ

А а — а
 Ä ä — э
 Е е — е
 У у — у
 І і — и
 О о — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
V v — в	η — н
G g — г	ng — н (ڭ)
G' g' — к (گ)	P p — п
Y y — ґ (غ)	R r — р
D d — д	S s — с
Ž ž — ж	T t — т
Ž̃ ž̃ — ч, дж (چ)	F f — ф
Z z — з	X x — х (خ)
Δ δ — 3 (ذ)	H h — h, x (ح, ه)
J j — j	C c — ц
Q q — ка (ق)	Č č — ч (چ)
K k — ке (ك)	θ ð — ґ (ث)
L l — л	Š š — ш
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость

© «Советская тюркология» 1983 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 10.2.1983 г. Подписано к печати 25.4.1983 г. ФГ 16214. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5 Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 1083. Тираж 2650. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.